

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин

Петр Кропоткин и его первая книга.

Петра Алексеевича Кропоткина по праву можно считать одним из наиболее выдающихся классиков анархистской мысли. Он не сражался на баррикадах во время революций, как Михаил Бакунин, не был руководителем повстанческих анархистских армий, как Нестор Махно и Буэнавентура Дуррути. Петр Алексеевич был выдающимся теоретиком, одним из создателей концепции анархо-коммунизма. Его идеи с конца XIX в. и по сей день оказывают влияние на массовые социальные движения, борющиеся за социальную справедливость и свободу личности. Учеником Кропоткина считал себя Нестор Махно, руководитель Революционной повстанческой армии Украины (противостоявшей в 1917–1921 гг. белым, красным, украинским националистам), пытавшийся осуществить анархистский социальный эксперимент на Украине. Идеи Кропоткина далеко не безуспешно пытались воплотить на практике и испанские анархисты в 1936–1939 гг., противостоявшие в годы гражданской войны в блоке с различными левыми силами диктатуре Ф. Франко. Разработанная Кропоткиным концепция анархо-коммунизма до наших дней является основополагающей для анархистского движения во всем мире. Впрочем, влияние идей Петра Алексеевича не ограничивается анархистским движением. Ученый-энциклопедист, он оказал серьезное влияние на развитие естественных и общественных наук. Как географ он известен участием в многочисленных экспедициях в Сибири, Маньчжурии, на Дальнем Востоке в 1860–1870-е гг. В области геологии Петр Алексеевич является одним из создателей ледниковой теории. В области биологии и социологии он известен в качестве автора концепции "биосоциологического закона", гласящего, что внутривидовая взаимопомощь ("инстинкт общительности") является одним из наиболее важных факторов эволюции животного мира. Идеи Кропоткина во многом пересекаются с принципами современных экологических движений. Петр Алексеевич был одним из первых социальных мыслителей, доказывавших, что корни социального поведения, альтруистической этики человека, гармоничной жизни следует искать в природе, разрыв же с ней неизбежно ведет к деградации и гибели человечества. Столь же интересны и экономические идеи Кропоткина, обосновывавшего необходимость преодоления стихии рыночной экономики, но при этом, вслед за М. А. Бакуниным, предупреждавшего об опасности установления господства бюрократии. Системе государственного социализма, популярной в конце XIX начале XX вв., Петр Алексеевич Кропоткин противопоставлял идею самоуправления трудящихся на производстве и демократического планирования, основанного на заказах потребителей. Развита в его трудах и идея преодоления индустриального централизованного производства, перехода к экономике сетей. В качестве альтернативы этой системе он предлагает переход к экономике сетей, малым и гибким технологиям, интеграции интеллектуального и физического труда, соединения производства с потреблением, индустрии с сельским хозяйством. В конце XX – начале XXI вв. эти идеи, во многом, востребованы современными "левыми" и нашли своих продолжателей в лице теоретиков экосоциализма А. Горца и М. Букчина.

Оскар Уайльд считал жизнь Кропоткина "совершенной жизнью", а Бернард Шоу назвал его "одним из святых столетия". И действительно, его жизнь раскрывает в нем личность, исключительную по своим нравственным качествам. Кропоткин родился в 1842 г. в семье генерал-майора. Представитель знатного княжеского рода, ведущего происхождения из династии Рюриковичей, получивший прекрасное образование, добившийся в молодые годы больших успехов в географических исследованиях, он отказался от блестящей военной и научной карьеры и посвятил себя революционному движению. В выборе своего жизненного пути он, как и многие революционеры-народники, руководствовался этическими принципами. Ведущую роль здесь сыграло осознание долга перед крестьянством, за счет труда которого столетиями жило российское дворянство и представители других привилегированных слоев общества. И это не был выбор юнца, увлекшегося громкими радикальными идеями и интеллектуальными изысками. Служивший офицером в Сибири и там лично расследовавший дела о злоупотреблении властью, работавший над проектами реформ, Кропоткин на практике пришел к выводу о необходимости коренного изменения существующей политической и экономической системы. С 1872 г. в Швейцарии он примыкает к анархистскому движению и вступает в I Интернационал. Затем – становится одним из руководителей народнической анархистской организации "чайковцев", ведет пропаганду среди рабочих.

Кропоткин неоднократно подвергался преследованиям со стороны правительства.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
В 1874–1876 гг. он был в заключении в Петропавловской крепости, в 1883–1886 гг. находился во французских тюрьмах. С лета 1876 г., совершив побег из тюремного госпиталя в Санкт-Петербурге, Кропоткин скрылся за границу. В эмиграции он участвовал в деятельности анархистского и социалистического движения Швейцарии, Франции, Англии, оказывал серьезную помощь российским анархистам. Здесь были написаны главные книги его жизни, среди которых: "Хлеб и воля", "Современная наука и анархия", "Взаимопомощь как ведущий фактор эволюции", "Великая французская революция", мемуары "Записки революционера", исследование "В русских и французских тюрьмах" и др.

Лишь февральская революция 1917 г. дала возможность Кропоткину вернуться на родину. Считая ошибочным поддерживать революцию в условиях Первой мировой войны, временно отойдя от политики, он все же остался анархистом. Так, заявив, что считает "ремесло чистильщика сапог более честным и полезным", он отверг предложение председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, который был готов назначить Петра Алексеевича на любой министерский пост. Кропоткин поддержал Октябрьскую революцию 1917 г., категорически протестуя против вооруженного вмешательства стран Запада в ход Гражданской войны в России. При этом он осуждал и диктатуру большевистской партии, подавление свободы слова, политику "красного террора". Кропоткин неоднократно хлопотал перед В. И. Лениным об освобождении арестованных анархистов, общественных деятелей, представителей интеллигенции. Весной 1918 г. с семьей он переехал в город Дмитров. Здесь, несмотря на слабое здоровье и голод, продолжал работать над главным трудом своей жизни, "Этикой". В феврале 1918 г. Петр Алексеевич Кропоткин скончался и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

"Речи бунтовщика" – это большой теоретический труд Кропоткина, в котором он впервые сформулировал в целостном виде свою концепцию анархического коммунизма. В нее вошли статьи, написанные Петром Алексеевичем в 1879–1882 гг. для анархистской газеты "Бунтовщик" ("Le Revolte"), которая и дала название книге. "Речи бунтовщика" впервые вышли в 1885 г., в годы пребывания Петра Алексеевича во французской тюрьме.

На страницах этой книги читатель найдет немало интересных мыслей, актуальных и в наши дни. Чего стоит хотя бы данная в главе "Представительная демократия" критика парламентаризма, некомпетентности депутатов, предвыборных махинаций, манипуляций сознанием избирателя со стороны политиков. Безусловно, заслуживают внимания мысли Кропоткина о необходимости развития в различных странах, регионах производства, ориентированного на потребности местного населения, а не только на конъюнктуру рынка. Очень актуальная для современной России и других стран мира проблема преодоления ориентации на добычу и продажу ресурсов уже в то время была осознана Кропоткиным. Кстати, в ряде своих работ он предрекал и грядущий экономический подъем стран Юго-Восточной Азии, и даже интенсивное экономическое развитие Китая, постепенно превращающегося в производителя потребительских товаров для всего мира. "Что же будет, – писал он в 1905 г., – когда и китайцы начнут подражать японцам и также начнут наводнять всемирный рынок своими ситцами, шелками, железом и машинами" [1]. И отвечал на этот вопрос: "Судя по тому, что мне пришлось видеть в этой стране, я убежден, что раз китайцы начнут работать на европейских машинах – а они уже начали, – то они будут производить с большим успехом и в большем масштабе, чем японцы. ...Китай никогда не будет серьезным потребителем Европы, так как может производить сам гораздо дешевле. Когда китайцы возымеют потребность в товарах европейского образца, они начнут вырабатывать их сами. Беда будет Европе, если она все еще будет рассчитывать на иностранных потребителей в то время, когда в Китай проникнет паровая машина" [2]

Весьма актуальны и предлагаемые на страницах книги идеи организации общественного самоуправления коммун, объединений жителей городов. Их задача – освободить граждан от всевластия бюрократии, весьма часто злоупотребляющей своим общественным положением. В наше время мы наблюдаем подобные тенденции в современных социальных движениях. Их участники в 1960–2000-х гг. весьма часто выстраивали структуру своей организации на основе полновластных общих собраний граждан и подконтрольных им советов делегатов. Наиболее яркими примерами здесь можно считать массовые антикапиталистические движения в иракском Курдистане (1991), Албании (1997), алжирском регионе Кабилия (2001–2002), Аргентине (2001–2002), рабочие и студенческие движения во Франции против реформы образования (весна 1995 г.) и контракта "первого найма" (январь–апрель 2006 г.).

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
"Свобода – не именной подарок. Ее нужно взять, даром она никому не дается", – такова центральная мысль учения Кропоткина. И достаточно своевременной можно считать эту мысль для сегодняшних дней. Современный человек в условиях нарастания социально-экономических, экологических, геополитических проблем сталкивается с необходимостью не только защиты своих прав и интересов, но и поиска социальной альтернативы. Книга П. А. Кропоткина дает полноценный материал для таких поисков.

Кандидат исторических наук Д. И. Рублёв

Современное положение.

Несомненно, мы идем большими шагами к революции. Разразившись в одной стране, она, как в 1848 году, перейдет в соседние и, охватив весь мир, переродит современное общество и даст ему новые источники жизни.

Для подтверждения этой мысли незначительно сослаться на свидетельства знаменитого немецкого историка Гервинуса[3] или известного итальянского философа Феррари[4], которые послужили основой изучения современной истории убедились в неизбежности великой революции в конце этого века. Стоит только присмотреться к картине, развернувшейся перед нами за последние двадцать лет, приглядеться к тому, что происходит сейчас вокруг нас.

Мы видим, что два господствующих явления ярко выступают на сцене окружающего: пробуждение народа наряду с полным нравственным, умственным и экономическим крахом правящих классов и предсмертные судороги, немощные усилия имущих классов, стремящихся помешать этому пробуждению.

Да, пробуждение народа!

В душливой, угнетающей атмосфере заводов и фабрик, в грязных харчевнях, под крышей чердаков, в подземных сырых галереях рудников нарождается сейчас новый мир. В этой темной массе, которую буржуазия одинаково презирает и боится, но из глубины которой черпают свое вдохновение великие реформаторы, – сегодня ставятся один за другим основные вопросы социальной экономики и политической организации; они горячо обсуждаются и получают новые решения, подсказанные чувством справедливости. Безошибочно вызываются эти новые люди в явь современного общества. Нарождаются уже новые мысли, новые стремления, набрасываются новые концепции.

Высказываются самые различные мнения, самые разнообразные взгляды, но среди всеобщего хаоса все рожде и рожде выделяются две основных мысли: уничтожение частной собственности, коммунизм с одной стороны, и уничтожение государства, свободная коммуна, интернациональный союз трудящегося народа с другой. Два пути, ведущие к одной цели: равенству. Но это не лицевая формула равенства, начертанная буржуазией на ее знаменах, записанная в ее кодексах и имеющая одну цель – порабощение производителя.

Это настоящее равенство: земля, капитал и труд для всех.

Напрасно правящие классы стараются подавить эти стремления пробуждающегося народа, напрасно сажают по тюрьмам, уничтожают все, написанное против них. Новые идеи все глубже и глубже проникают в сознание и овладевают сердцами, как мечты о свободной и богатой земле на восток овладевали некогда сердцами рабов, идущих в ряды крестоносцев. Мысль может дремать, но недолго, и если ей не дают выхода, препятствуют ее свободному творчеству, она зарывается, правда, на время, но с тем, чтобы снова пробиться на поверхность еще живее и с большей стремительностью. Взгляните на пробуждение социализма во Франции, на это второе пробуждение в течение пятнадцати лет.

Волна, было павшая, подымается с новой силой. И как только первая попытка практического применения новых идей будет сделана, они предстанут во всей своей простоте, во всей привлекательности. Одна удавшаяся попытка – и сознание своей силы вдохновит народ на героический подвиг.

Моментъ насталь. Все способствовало его приближенію: нищета, голодь и, главнымъ образомъ, безработица, вырывающая мыслящаго челоука изъ тѣснаго круга его мастерской и бросающая на улицу, гдѣ онъ сразу познаеть пороки и безсиліе правящихъ классовъ.

А въ это время что дѣлають они, эти правящіе классы?

Тогда какъ естественныя науки развиваются съ неимоуьрной быстротой и безконечными открытіями напоминають прошлое столѣтіе передъ великой революціей; тогда какъ ежедневно челоуку открываются новые горизонты въ его борьбѣ съ враждебными силами природы, – буржуазная соціальная наука нѣма: она пережевываетъ свои старыя теоріи.

Но, можетъ быть, эти правящіе классы прогрессируютъ въ практической жизни?

О, нѣтъ! Они неистово перетряхиваютъ лохмотья своихъ старыхъ знаменъ, защищаютъ эгоистичный индивидуализмъ, конкуренцію челоука съ челоукомъ, націи съ націей, всемогущество централизующаго государства.

Они переходять отъ протекціонизма къ свободѣ торговли и отъ свободы торговли къ протекціонизму, отъ реакціи къ либерализму и отъ либерализма къ реакціи, отъ атеизма къ ханжеству и отъ ханжества къ атеизму. Всегда запуганныя, со взглядомъ, обращеннымъ въ прошедшее, они совершенно лишены способности создать что-либо болѣе или менѣе прочное.

Вся ихъ дѣятельность есть полное противорѣчіе всѣмъ ихъ обѣщаніямъ. Они обѣщали намъ, эти правящіе классы, обезпечить свободу труда – и отдали насъ въ кабалу фабрикѣ и хозяину. Они взялись за организацію промышленности, сулили намъ благосостояніе – и дали безконечные кризисы и нищету. Обѣщали просвѣтить насъ – и лишили возможности получать образованіе; обѣщали политическую свободу – и волокли отъ реакціи къ реакціи; обѣщали миръ – и привели къ войнѣ, къ войнамъ безъ конца!

Вотъ все, что они сдѣлали для насъ.

Народъ усталъ; онъ изнемогаетъ, онъ спрашиваетъ себя, до чего довело его управленіе вѣчно издѣвающейся надъ нимъ буржуазіи.

Отвѣтомъ ему служитъ современное экономическое положеніе Европы.

Кризисъ сталь бѣдствіемъ хроническимъ. Кризисъ хлопчато-бумажный, кризисъ металлургическій, всѣ кризисы раздражаются сразу, чередуются непрерывно.

Милліонами исчисляется сейчасъ количество рабочихъ, оставшихся безъ работы; десятки тысячъ ходять изъ города въ городъ, прося подаянія или требуя съ угрозами работы или хлѣба. Какъ въ 1787 году крестьяне бродили по дорогамъ Франціи, не находя въ этой плодородной странѣ клочка земли для обработки, такъ теперь рабочіе остаются съ пустыми руками, не находя матеріаловъ и орудій, необходимыхъ для производства и захваченныхъ горстью бездѣльниковъ. Богатыя промысла внезапно гибнуть; большіе города, какъ Шеффилдъ, становятся безлюдными. Нищета въ Англии, гдѣ „экономисты” такъ старательно примѣняли свои принципы, нищета въ Эльзасѣ; голодь въ Италіи, голодь въ Испаніи; безработица повсюду, а съ безработицей нужда, вѣрнѣе нищета: посинѣлыя дѣти, женщины, состарившіяся къ концу зимы на пять лѣтъ, болѣзни, косящія цѣлыя ряды рабочихъ. Вотъ до чего довель насъ ихъ режимъ.

И они намъ говорятъ о перепроизводствѣ! Перепроизводство? Когда рудокопъ, собирающій груды каменнаго угля, не имѣеть топлива въ самую суровую зиму? Когда ткачъ, вырабатывающій километры матеріи, принужденъ отказывать въ рубашкѣ своимъ оборваннымъ дѣтямъ? Когда каменщикъ, воздвигающій дворцы, живеть въ конурѣ, а мастерицѣ, изготовляющей роскошныя наряды дамъ, нечѣмъ покрыться въ стужу?

Это-ли они называютъ организаціей промышленности? Это, вѣрнѣе, тайный союзъ капиталистовъ для порабоженія рабочихъ.

Капиталь, этотъ продуктъ труда челоуческаго, не долженъ быть употреблень,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
говорят они, на земледѣліе и промышленность, какъ на предпріятія слишкомъ рискованныя.

Но гдѣ онъ находитъ себѣ болѣе выгодное помѣщеніе? Куда направляется онъ по выходѣ изъ несгораемыхъ шкафовъ? Куда? Онъ идетъ на омеблировку гаремовъ султановъ, на веденіе войнъ, на поддержку русскихъ противъ турокъ и въ то же время турокъ противъ русскихъ. Употребляется онъ на учрежденіе акціонерныхъ обществъ, основанныхъ не для производства чего бы то ни было, а имѣющихъ цѣлью черезъ какіе-нибудь два-три года кончить грандіознымъ крахомъ, конечно, послѣ того, какъ тузы-основатели удалились, унося съ собою милліоны – плата за инициативу.

Пойдетъ онъ также на постройку никому ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сень-Готардѣ, въ Японіи или даже въ Сахарѣ – лишь бы Ротшильды, инженеръ и подрядчикъ нажили на этомъ предпріятіи по несколько милліоновъ.

Но, главнымъ образомъ, капиталъ идетъ на ажіотажъ: на игру на биржѣ. Капиталистъ будетъ спекулировать на искусственномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и на хлопокъ; онъ будетъ спекулировать на политикѣ, на повышеніи государственныхъ бумагъ, вслѣдствіе ложно пущеннаго слуха о различныхъ реформахъ или дипломатическихъ переговорахъ; и, большею частью, агенты самого государства будутъ наживаться на этихъ спекуляціяхъ. Ажіотажъ, убивающій промышленность, вотъ настоящее положеніе, вотъ что они называютъ разумнымъ веденіемъ дѣла. Вотъ для чего мы должны, какъ они говорятъ, содержать ихъ!

Экономическій хаосъ достигъ своего апогея.

Но скоро ему настанетъ конецъ!

Народъ усталъ отъ безконечныхъ кризисовъ, вызываемыхъ алчностью и хищностью правящихъ классовъ. Онъ хочетъ жить, работая, а не влачить безконечные годы бѣдствія и нищеты, принимая унижительныя подачки и имѣя впереди какихъ-нибудь два-три года, болѣе или менѣе обезпеченнаго, изнурительнаго труда, всегда нищенски оплачиваемаго.

Рабочій убѣдился въ несостоятельности правящихъ классовъ; онъ знаетъ, что эти дряхлые старики не способны понять его стремленій къ новой жизни, не способны въ то же время сами организовать промышленность, производство и обменъ. Народъ въ скоромъ будущемъ произнесетъ приговоръ надъ буржуазіей и лишитъ ее правъ. Онъ самъ возьмется за свои дѣла, какъ только наступитъ благопріятный моментъ. Моментъ этотъ не заставитъ себя долго ждать. Его приближенію способствуютъ какъ бѣдствія, подрывающія промышленность, такъ и полное разложеніе государствъ, разложеніе, происходящее на нашихъ глазахъ съ головокружительной быстротой.

Разложеніе государствъ.

Если экономическое положеніе Европы можетъ быть формулировано словами: промышленный и коммерческій хаосъ и несостоятельность капиталистическаго производства, – то политическое состояніе должно быть охарактеризовано такъ: быстрое разложеніе и близкій крахъ всѣхъ государствъ.

Дѣйствительно, всѣ они, отъ жандармскаго самодержавія Россіи до буржуазной олигархіи Швейцаріи, большими шагами идутъ къ разложенію и, слѣдовательно, къ революціи.

Дряхлые старики съ морщинами на челѣ, съ дрожащей поступью, изыденные конституціонными болѣзнями, неспособные пріобщиться къ новымъ потокамъ жизни, они безцѣльно растрачиваютъ жалкій остатокъ своихъ силъ на взаимную вражду, на защиту отжившихъ предразсудковъ, и этимъ ускоряютъ свою гибель.

Неизлѣчимая болѣзнь – болѣзнь старости и разложенія – гложетъ ихъ.

Достигнувъ въ XVIII вѣкѣ кульминаціоннаго пункта своего развитія, старыя государства Европы вступили теперь въ фазу упадка. Государство – организація, въ которой всѣми членами и всѣми дѣлами управляютъ нѣсколько человекъ, отжило свой вѣкъ. Человѣчество вырабатываетъ уже новыя формы общественной жизни. Народъ стремится къ разрушенію власти, препятствующей

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
его свободному развитію. Онъ хочетъ автономіи провинцій, коммунъ, рабочихъ союзовъ, основанныхъ на взаимномъ добровольномъ соглашеніи, а не на предписанныхъ властью законахъ.

Вотъ та историческая фаза, въ которую мы уже вступили.

Если-бы правящіе классы могли только понять современное положеніе общества, они, конечно, поспѣшили-бы стать впереди всѣхъ новыхъ стремленій. Но, прожившіе всю жизнь по старымъ традиціямъ, не зная иного культа, кромѣ культа золотого мѣшка, они всѣми силами противятся наплыву новыхъ идей и этимъ самымъ неизбѣжно ведутъ насъ къ бурному потрясенію. Народъ предъявить свои требованія подѣ громъ пушекъ, подѣ трескъ картечи, при заревѣ пожаровъ.

Когда послѣ паденія средневековыхъ учрежденій, народились въ Европѣ новыя государства, они должны были завѣдывать лишь небольшимъ кругомъ общественныхъ дѣлъ. Теперь же государство вмѣшивается положительно во всѣ проявленія нашей жизни. Отъ колыбели до могилы мы все время въ его тискахъ. Будь то центральное государство, автономныя провинціи или кантоны, общинное государство, оно преслѣдуетъ насъ повсюду, налагаетъ на насъ свои цѣпи, предписываетъ намъ свои законы.

Оно создаетъ цѣлыя груды этихъ законовъ и предписаній, разобраться въ которыхъ не можетъ самый искусный адвокатъ. Оно каждый день прилаживаетъ что-нибудь новое къ старой машинѣ и создаетъ сооруженіе настолько сложное, дикое и нелѣпое, что имъ начинаютъ возмущаться сами его заправители. Оно содержитъ цѣлую армію чиновниковъ, пауковъ-взяточниковъ, смотрящихъ на міръ сквозь грязныя стекла своихъ канцелярій, теряющихъ здравый смыслъ среди безконечной путаницы канцелярскихъ бумагъ.

Это – шайка, имѣющая одну религію – религію мѣднаго гроша, одну заботу – скорѣе примкнуть къ той партіи, будь она черная, лиловая или бѣлая, которая гарантируетъ максимумъ оклада при минимумѣ работы.

Результаты – намъ слишкомъ хорошо извѣстны.

Есть-ли хоть одна отрасль государственной дѣятельности, которую бы не возмущались всѣ, имѣющіе къ ней прикосновеніе, хоть одна отрасль, въ которой государство, послѣ многихъ вѣковъ существованія и работы, не показало-бы полной своей несостоятельности?

Громадныхъ, все растущихъ суммъ, взимаемыхъ съ народа государствомъ, не хватаетъ на удовлетвореніе его нуждъ. Оно всегда живетъ на счетъ будущихъ поколѣній.

Государственные долги Европы достигли сейчасъ неимоверной цифры больше ста миллиардовъ, – ста тысячъ миллионовъ франковъ. Если-бы доходы всѣхъ государствъ были употреблены на погашеніе этого долга, на это не хватило-бы и пятнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, государства съ каждымъ днемъ увеличиваютъ свои расходы; каждая партія, стоящая у власти, создаетъ новыя должности для своихъ кліентовъ – это неизбѣжно.

Такъ обстоитъ дѣло во время мира. Когда же наступаетъ война, государственные долги и дефициты возрастаютъ неимоверно. И этому нѣтъ конца; нѣтъ выхода изъ этого лабиринта. Государства на всѣхъ парахъ идутъ къ разоренію, къ банкротству, и не далеко тотъ день, когда обнищавшій народъ откажется платить ежегодно банкирамъ четыре миллиарда процентовъ, объявить полный крахъ государствъ и пошлетъ этихъ самыхъ банкировъ пахать землю, если имъ хочется жить.

Съ существованіемъ государства неразрывно связана необходимость войны. Государство должно быть сильнымъ, сильнѣе сосѣдей, иначе оно будетъ игрушкой въ ихъ рукахъ. Оно должно способствовать разоренію другихъ государствъ, чтобы подчинить ихъ своимъ законамъ, ввести свои торговые договоры и разбогатѣть на ихъ счетъ. Борьба за преобладаніе, основа буржуазной экономической организаціи, является въ то же время основой и политической организаціи. Вотъ почему война стала естественнымъ состояніемъ Европы. Войны прусско-датская, прусско-австрійская, франко-прусская, война

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
на Восток?, въ Афганистан? – непрерывно сл?дуютъ одна за другой.
Предвидятся еще новыя войны: Россія, Англія, Пруссія, Данія готовы сейчасъ
направить другъ на друга свои войска. Причинъ для войны есть еще л?тъ на
тридцать.

А война влечетъ за собою безработицу, кризисы, увеличеніе налоговъ,
наращеніе долговъ. Кром? того, война – нравственный ударъ для государства.
Посл? каждой войны народъ уб?ждается въ несостоятельности государства даже
въ его прямомъ назначеніи: оно едва защищаетъ свою территорію; даже
поб?дителемъ оно терпитъ большой уронъ. Вспомните только броженіе,
вызванное войной 1871 года какъ во Франціи, такъ и въ Германіи; вспомните
недовольство, возникшее въ Россіи по поводу войны на Восток?.

Войны и вооруженіе ведутъ государства къ гибели; они ускоряютъ ихъ
нравственный и экономическій крахъ. Еще одна, дв? большихъ войны, и конецъ
этимъ развинченнымъ машинамъ.

На ряду съ вн?шней войной – война внутренняя.

Признанное народомъ на условіи – быть защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ,
государство стало теперь оплотомъ богатыхъ противъ эксплуатируемыхъ,
хозяевъ противъ рабочихъ.

Къ чему она, эта огромная машина, именуемая государствомъ? Препятствуетъ-ли
она эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ, крестьянина пом?щикомъ?
Обеспечиваетъ-ли намъ свободу труда? Защищаетъ-ли насъ отъ ростовщиковъ?
Даетъ-ли хл?ба женщинъ?, когда она водою старается утолить голодъ ребенка,
плачущаго у ея истощенной груди?

Н?тъ, тысячу разъ н?тъ! Государство покровительствуетъ эксплуатаціи,
спекуляціи, частной собственности – этому продукту грабежа. Пролетарію же
нечего ждать отъ государства; оно вс?ми силами стремится пом?шать его
эмансипаціи.

Все – для паразита-хозяина; все – противъ работника-пролетарія: буржуазное
воспитаніе, развращающее ребенка, внушая ему предрасудки противъ
равенства; церковъ, затуманивающая разумъ женщины; законы,
препятствующіе обм?ну мыслей о равенств? и солидарности; деньги для
развращенія и подкупа апостоловъ пролетаріата; наконецъ, тюрьма и каторга
въ избытк? для т?хъ, кого нельзя подкупить. Вотъ что такое „государство”...

Можетъ-ли это итти такъ дальше?

Конечно, н?тъ. Ц?лый классъ общества, самый многочисленный и единственный
производящій, не можетъ в?чно поддерживать организацію, направленную
всец?ло противъ него. Везд?, – какъ подъ деспотическимъ игомъ Россіи, такъ
и подъ лицем?рнымъ правленіемъ гамбетистовъ, – недовольный народъ
возстаетъ. Исторія нашихъ дней – это исторія борьбы привилегированныхъ
правителей съ угнетеннымъ народомъ, требующимъ уравниенія правъ. Эта борьба
составляетъ главную заботу правителей и всец?ло руководитъ ихъ д?йствіями.
Не опред?ленные принципы, не заботы о благ? народа кладутъ они въ основу
новыхъ законовъ и распоряженій, а исключительно стремленія сохранить свои
привилегіи.

Эта борьба, одна, могла бы разрушить самую прочную политическую
организацію. Когда же она происходитъ въ государствахъ, идущихъ къ упадку
въ силу исторической необходимости, когда эти государства ускоряютъ сами
свою гибель, разрушая другъ друга, когда они становятся ненавистными даже
т?мъ, кому они покровительствуютъ, – въ исход? борьбы не можетъ быть
сомн?нія. Народъ найдетъ силы, чтобы освободиться отъ своихъ прит?снителей.
Гибель государствъ близка и неизб?жна. Самый спокойный философъ не можетъ
не вид?ть зарева грандіозной революціи.

Необходимость революціи.

Есть эпохи въ жизни чело?чества, когда чувствуется необходимость
грандіознаго потрясенія, катаклизма, который пробудитъ бы общество отъ его
в?ковой спячки. Въ эти эпохи каждый живой, мыслящій чело?къ начинаетъ
сознавать, что такъ жить дальше нельзя, что должны наступить событія,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
которая прервут нить истории, выкинуть человечество из колеи, в которой оно погрязло, и поведут его по новым путям, к чему-то неизвѣстному, в поисках за идеалом. Чувствуется необходимость грандиозной, неудержимой революции, которая разрушит экономический режим, основанный на эксплуатации, спекуляции и обмане, и политическую организацию, построенную на господстве небольшой кучки, достигшей власти хитростью и интригами.

Эта революция обновит общество в его умственной и нравственной жизни и вдохнет в его мелочную, повседневную, развратную жизнь новую струю самоотверженных порывов и благородных стремлений.

В такие эпохи, когда самодовольная посредственность убивает мысль и преследует всякого, не преклоняющегося перед авторитетами, когда убогая нравственность и скудная добродетель людей золотой середины становится законом, когда везде царит низость и пошлость – революция становится необходимостью.

Лучшие люди всех слоев общества призывают бурю, чтобы она своим огненным дыханием очистила мир от чумы, заразившей его, уничтожила ржавчину, пощающую нас, увлекла в своем бурном порыве жалкие остатки прошлого, лишая нас воздуха и света, и принесла всему человечеству новый поток молодости, честности и благородства.

В такие эпохи забывают о насущном хлѣбе, и люди, уставшие от неподвижности и тупости окружающего, задыхающиеся в смрадном болоте жизни, всеми силами стремятся к свету, к прогрессу, к обновленной, полной мысли и силы, жизни. История в своем прошлом дает нам яркий пример подобной эпохи: падение Римской империи. Человечество переживает сейчас такую же фазу глубокого перерождения.

Если революция неизбежна при современном экономическом и политическом строе, то она является прямо-таки необходимостью для полной переделки всех наших нравственных устоев.

Ни одна форма общежития невозможна без нравственных связей и известных обязательств, налагаемых членами общества друг на друга и переходящих постепенно в привычку. Во всех организациях встречаем мы эти нравственные связи, эти социальные привычки. Особенно развиты они у первобытных народов, этих живых памятников того, чем было человечество на заре его жизни.

Но неравномерное распределение богатств, неравные условия, эксплуатация человека человеком, господство нескольких избранных над массами, подточили и разрушили с течением времени эти основы первобытной жизни народов. Промышленность, основанная на эксплуатации, торговля, держащаяся обманом, господство привилегированных, именующих себя „правительством“, не могут существовать рядом с принципами всеобщего равенства и единения, признаваемыми еще племенами, отброшенными на задворки так называемых цивилизованных государств. Какая может быть речь о солидарности между капиталистом и эксплуатируемым им рабочим? между командующим армией и солдатом? правителем и подвластным ему подданным?

Первобытная мораль, основанная на отождествлении каждого индивидуума со всеми ему подобными, уступила место лицемерной морали религии, которая старается софизмами оправдать эксплуатацию и рабство и для виду порицает лишь самые дикие и жестокие проявления господствующей власти. Религия освободила человека от его нравственных обязанностей по отношению к ближним и взамен этого внушила ему поклонение невидимой абстракции – Высшему Существо, расположение которого можно купить, хорошо заплатив его так называемым служителям.

Однако, отношения, установившиеся в наше время между отдельными личностями, группами, нациями, континентами, налагают на человечество новые нравственные обязательства. По мере того, как исчезают религиозные верования, человек начинает сознавать необходимость некоторых обязанностей по отношению к тем, с кем ему приходится входить в сношения. Он понял, что его личное счастье всецело зависит от счастья всего человечества. Отрицательные принципы религиозной морали: „Не воруй, не убий“, уступают место более жизненным положительным принципам человеческой морали. Повеления Бога, которого можно всегда послушаться,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
умилостививъ его предварительнo приношенiями, зам?няются теперь
требованiями равенства и солидарности, гласящими: „Если ты хочешь быть
счастливымъ, д?лай вс?мъ и каждому только то, что ты хот?ль-бы, чтобъ теб?
д?лали”. И этотъ простой положительный принципъ, не им?ющiй ничего общаго
съ предписанiями религии, открываетъ сразу челоу?честву обширное поприще
для самоусовершенствованiя.

Необходимость изм?нить наши взаимныя отношенiя, соотв?тственно этому
принципу, заставляетъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все сильн?е. Но
ничто не можетъ быть и не будетъ достигнуто въ этомъ направленiи, пока
эксплоатацiя, господство, лицем?рiе и софизмы останутся основами нашей
социальной организацiи.

Тысячи прим?ровъ могутъ быть приведены въ подтвержденiе этого. Но мы зд?сь
ограничимся лишь однимъ, – самымъ ужаснымъ, – прим?ромъ нашихъ д?тей. Что
д?лаемъ мы изъ нихъ въ современномъ обществ??

Уваженiе къ д?тству, любовь къ ребенку – лучшiя качества, выработанныя
челоу?чествомъ на всемъ его тяжеломъ пути отъ первобытнаго состоянiя къ
современному. Сколько разъ приходилось вид?ть самага закорен?лаго
преступника обезоруженнымъ улыбкой ребенка! Въ наше время это уваженiе
исчезаетъ; ребенокъ сталь у насъ рабочимъ скотомъ или же, въ лучшемъ
случа?, игрушкой для удовлетворенiя страстей.

Мы вид?ли недавно, какъ буржуазiя истребляетъ нашихъ д?тей, заставляя ихъ
работать на заводахъ и фабрикахъ[5]. Тамъ ихъ убиваютъ физически.
Развращенное же до мозга костей общество убиваетъ ихъ и нравственно.

Оно свело образованiе къ бессмысленному заучиванiю, которое, конечно, не
можетъ дать пищи возвышеннымъ стремленiямъ и жад? идеала, проявляющимся въ
изв?стномъ возраст? у большей части нашихъ д?тей. Оно, напротивъ, вс?ми
силами старается забить всякую талантливую, независимую и гордую натуру.
д?ти, бол?е или мен?е сознательныя, начинаютъ ненавид?ть школу, озлобляются
и на всю жизнь замыкаются въ себя или съ отчаянiемъ бросаются искать какого
бы то ни было выхода своимъ страстямъ и стремленiямъ. Они жадно
накидываются на романы, стараясь найти въ нихъ поэзию, которой не дала имъ
жизнь; они зарываются въ эту грязную, рыночную литературу, сфабрикованную
для буржуазiи по пятаку за строчку и, начитавшись, подобно молодому
Леметру, вонзаютъ ножъ въ горло какому-нибудь ребенку, чтобы стать
знаменитымъ преступникомъ. Другiе со страстью предаются гнуснымъ порокамъ,
и только т? д?ти, у которыхъ н?тъ ни порывовъ, ни страстей, ни стремленiй
къ независимости и самостоятельности, благополучно достигаютъ конца. Они
снабдятъ общество достаточнымъ контингентомъ хорошихъ буржуа, съ ихъ скудной
нравственностью и убогой доброд?телью. Это люди, которые, конечно, не
станутъ таскать платковъ изъ кармановъ проходящихъ, но т?мъ не мен?е будутъ
съ спокойной сов?стью, „честно” обворовывать своихъ клiентовъ. Они не
предадутся сильной, безразсудной страсти, но будутъ исподтишка б?гать къ
своимъ любовницамъ, чтобъ развлечься и отдохнуть отъ однообразiя семейнаго
очага. Они всец?ло втянутся въ засасывающее болото пошлости и будутъ
вопить, какъ только кто-нибудь захочетъ дотронуться до пл?сени, покрывающей
ихъ.

Вотъ, что даетъ буржуазiя своимъ сыновьямъ. Что же касается дочерей, она
развращаетъ ихъ съ ранняго д?тства. нел?пное чтенiе, разод?тыя куклы,
роскошныя наряды, назидательный прим?ръ матери, бес?ды въ будуарахъ, – все
способствуетъ тому, чтобы сд?лать изъ ребенка женщину, которая продастъ
себя тому, кто дастъ за нее большую ц?ну. Ребенкомъ еще она распространяетъ
вокругъ себя заразу: д?ти рабочихъ съ завистью смотрятъ на эту д?вочку въ
роскошномъ плать?, съ изящной поступью, съ манерами куртизанки въ
дв?надцать л?тъ. Если же мать доброд?тельна, на сколько могутъ быть
доброд?тельны буржуа – тогда еще хуже. д?вочка рано пойметъ ц?ну двуличной
морали, гласящей: „Люби ближняго, но грабь его, когда можешь! Будь
доброд?тельна, но до изв?стной степеня, и т. п.”; она задохнется въ этой
атмосфер? нравственности а la Тартюфъ и, не найдя въ жизни ничего
прекраснаго, захватывающаго и ц?ннаго, бросится въ объятiя первому
встр?чному, лишь-бы онъ могъ удовлетворить ея потребностямъ роскоши.

Вглядитесь какъ сл?дууетъ въ эти явленiя, вдумайтесь поглубже въ ихъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
причины, и вы убьдитесь въ необходимости бурной революціи, которая очиститъ современное общество и вырветъ съ корнемъ то зло, которое съдѣдуетъ челоѳчество и служить источникомъ заразы.

Пока среди насъ есть паразиты, живущіе нашимъ трудомъ подѣ предлогомъ управлять нами, эти паразиты будутъ очагомъ чумы и разврата для общественной нравственности. Праздные люди всю жизнь ищутъ безмысленныхъ развлеченій; чувство солидарности убито въ нихъ самыми основами ихъ существованія; преступный эгоизмъ развивается самой ихъ жизнью; такіе люди всегда склонны къ самой грубой чувственности: они унижаютъ и оскверняютъ все, къ чему прикасаются. Своимъ золотомъ и животными инстинктами они развращаютъ женщину и дѣтей; они развращаютъ искусство, театръ, прессу; они готовы продать свою родину, продать ея защитниковъ и, слишкомъ трусливые, чтобы сами убивать, они, не колеблясь, заставляютъ убить лучшихъ представителей родной страны, если только что-либо будетъ угрожать ихъ богатству – единственному источнику ихъ радости.

Чума у нашихъ очаговъ; надо уничтожить источникъ заразы и, если даже придется дѣйствовать огнемъ и мечемъ, – мы не должны останавливаться: дѣло идетъ о спасеніи всего челоѳчества.

Грядущая Революція.

Въ предыдущихъ главахъ мы пришли къ заключенію, что Европа катится по наклонной плоскости къ революціи.

Изслѣдуя способы производства и обмѣна, установленные буржуазіей, мы замѣчаемъ, что гангрена охватила весь современный строй жизни.

Мы видимъ полное отсутствіе какихъ-бы то ни было научныхъ и гуманитарныхъ основъ, безумное расточеніе общественнаго капитала, жажду наживы, дошедшую до полнаго пренебреженія всякими законами общественности, непрерывныя промышленныя войны и невообразимый хаосъ. Мы съ восторгомъ привѣтствуемъ приближеніе дня, когда крикъ: долой буржуазію! вырвется изъ всѣхъ устъ съ тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ провозглашалось некогда паденіе династій.

Изучая развитіе государствъ, роль ихъ въ исторіи и разложеніе, охватившее ихъ, мы видимъ, что современный способъ группировки заканчиваетъ свое существованіе; онъ совершилъ все, на что былъ способенъ, и теперь рушится подѣ своей собственной тяжестью, чтобы уступить мѣсто новымъ организаціямъ, основаннымъ на новыхъ принципахъ, соотвѣтствующихъ современнымъ стремленіямъ челоѳчества.

Стоитъ только прослѣдить за возникновеніемъ идей въ современномъ обществѣ, чтобы понять, съ какимъ рвеніемъ челоѳческая мысль работаетъ сейчасъ надѣ полной переоцѣнкой цѣнностей, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, и надѣ выработкой новыхъ философскихъ и научныхъ системъ, предназначенныхъ стать основами грядущихъ челоѳческихъ организацій. Не только реформаторы изъ народа, изнуренные непосильнымъ трудомъ и нестерпимой нуждой, мечтающіе о лучшемъ будущемъ, возстаютъ сейчасъ противъ современныхъ учрежденій. Ученые, воспитанные на старыхъ предразсудкахъ, стараются отряхнуть съ себя пыль ветхости, прислушиваются къ броженію мысли въ народѣ и становятся выразителями и провозвѣстниками новыхъ идей. „Все разѣдающій ядъ критики подрываетъ завѣщанныя намъ непреложныя истины; философія, естественныя науки, этика, исторія, искусство, все гибнетъ въ этой разрушительной работѣ, ничему нѣтъ пощады!“ – восклицаютъ возмущенные консерваторы. Да ничему и не будетъ пощады, даже самимъ основамъ вашего соціального строя – частной собственности и власти. Всѣ работаютъ сейчасъ надѣ ихъ разрушеніемъ, – всѣ, отъ негра мастерской до работниковъ мысли, отъ заинтересованныхъ въ реорганизаціи современнаго строя до тѣхъ, которые содрогнутся при видѣ своихъ же мыслей, осуществленныхъ на практикѣ, отряхнувшихъ съ себя пыль библиотекъ, воплощенныхъ самой жизнью.

Полное разложеніе и распаденіе современнаго строя и всеобщее недовольство; выработка новыхъ формъ жизни и жажда какой-бы то ни было перемѣны, юношескій порывъ критики въ области науки, философіи, этики и броженіе общественной мысли; возмутительное равнодушіе или преступное сопротивленіе новымъ теченіямъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть...

Вотъ каково было всегда состояніе общества наканунѣ великихъ революцій.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Таково оно и сейчас; и это не безумная фантазия возбужденного воображения группы недовольных; самое спокойное научное наблюдение убеждает нас в этом. Даже те, которые для оправдания своей преступной индифферентности говорят: „Будьте спокойны, опасность не дошла еще до наших жилищ”, признают, что положение все ухудшается и что они не знают, куда мы идем. Однако, облегчив себя этим признанием, они снова впадают в свое обычное состояние – прозябание без мысли.

„Нам столько раз предсказывали эту революцию”, вздыхает пессимист; „был момент, когда я сам повзрился в ее наступление, а между тем ее все нет!”

Она придет и чем позже, тем она будет плодотворнее. „Два раза, в 1754 и в 1771 году готова была вспыхнуть революция”, говорит Феликс Рокэн[6], описывая события XVIII века (чуть было не написал в 1848 и 1871 году). Не разразившись тогда, она стала гораздо могучее и плодотворнее к концу века.

Но не будем тревожить сна индифферентных и мешать броужаню пессимистов. Подумаем лучше о том, каков будет характер этой революции, предчувствуемой и подготовляемой столькими людьми, и каково должно быть наше отношение к ней.

Мы не будем заниматься историческими пророчествами: ни эмпирическое состояние социологии, ни современное положение истории, которая, по выражению Огюстэна Тьерри, „подавляет истину условными формулами”, нас на это не уполномочивают. Ограничимся тем, что поставим себе несколько самых простых вопросов.

Возможно-ли допустить хоть на мгновение, что одна только перемна образа правления успокоит брожение умов и приостановит совершающуюся во всех слоях общества работу над пересозданием всего существующего? Что недовольство экономическим строем, возрастая с каждым днем, не захочет проявиться в общественной жизни, как только наступят благоприятные обстоятельства – дезорганизация власти?

Конечно, нет!

Возможно-ли, чтобы ирландские и английские крестьяне не воспользовались первой представившейся возможностью, чтобы изгнать ненавистных помещиков и завладеть землей, о которой они мечтают столько веков?

Возможно-ли, чтобы Франция, если только наступит новый 1848 год, ограничилась замной своего нового Гамбетта каким-нибудь Клемансо и не испробовала, что может дать коммуна для улучшения быта рабочих? Чтобы французские крестьяне, видя центральную власть униженной, не постарались завладеть бархатными лугами своих сослуживцев – святых сестер и плодородными полями толстых буржуа, устроившихся около них и все округляющих свои владения? Возможно-ли, чтобы они не встали в ряды борцов, предлагающих им поддержку для осуществления мечты всего рабочего народа: обеспеченного, хорошо оплачиваемого труда?

Возможно-ли, чтобы крестьяне – будь то итальянцы, испанцы или славяне – не присоединились к этому движению?

Возможно-ли, чтобы рудокопы, изнуренные нуждой и страданиями, работающие под вечным страхом смерти, не постарались изгнать владыц рудников, как только они заметят малейший признак дезорганизации среди своего начальства?

А мелкий ремесленник, ютящийся в темном сыром подвале, работающий день и ночь с окоченными пальцами и пустым желудком, выбивающийся из сил, чтобы прокормить пять маленьких ртов, тем более любимых, чем они становятся бледнее и прозрачнее от голода и лишения? А этот несчастный, проводящий ночи под открытым небом, так как он не может позволить себе роскоши – переночевать за пятак в ночлежном доме? Неужели вы думаете, что они не постараются найти в роскошных дворцах теплого угла для своих семейств, более достойных и честных во всяком случае, чем семьи толстых буржуа? Что они не мечтают о том, чтобы в магазинах

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
коммуны было достаточно хлеба для всех тех, которые не привыкли к безделью, достаточно одежды, чтобы покрыть как плечи несчастных детей рабочих, так и упитанных тел детей буржуа? Неужели вы думаете, что те, которые ходят в лохмотьях, не знают, что в магазинах большого города есть достаточно припасов для удовлетворения первых нужд всех его жителей и что если-бы все рабочие трудились над производством необходимых предметов, вместо того, чтобы чахнуть над выделкой предметов роскоши, то выработанного ими хватило бы не только на их коммуны, но и на соседние?

Наконец, возможно-ли, чтобы народ в тот день, когда почувствует в себе силу, не постарался-бы осуществить все то, о чем он мечтает столько лет и что само собой вырвется наружу в критический момент (вспомните осаду Парижа!)?

Здравый смысл человечества ответил уже на эти вопросы, и вот его ответ:

Наступить всеобщая революция, которая вызовет потоки крови во всех странах Европы. При связях, установившихся сейчас между отдельными государствами и при настоящем неустойчивом политическом равновесии местная революция невозможна, если только она будет сколько-нибудь продолжительна. Разразившись в одной стране, она, как в 1848 году, вызовет непременно вспышки во всех остальных, и революционное пламя охватит сразу всю Европу.

Но если в 1848 году возставшие города возлагали большие надежды на перемену образа правления и на конституционные реформы, то сейчас, конечно, это невозможно. Парижской рабочей не будет ждать, чтобы правительство – будь то даже свободная Коммуна – исполнило его настоящие желания. Он сам возьмется за дело и скажет: „Так, по крайней мере, что-нибудь будет сделано!”

Русский народ не будет ждать, чтобы учредительное собрание даровало ему землю, которую он столько лет обрабатывает для других; как-бы мало надежды на успех у него ни было, он постарается сам ею завладеть; он уже стремится к этому: доказательством чему служат постоянные бунты. То же самое происходит в Италии и в Испании; и если в Германии рабочей позволяет еще распоряжаться собой теми, которые бы желали, чтобы все в мире совершалось по предписаниям из Берлина, то приморские соседи и неспособность правителей скоро укажут ему настоящий путь.

Будущая революция будет носить экономический характер. Всеми народами одновременно будут произведены попытки пересоздать весь экономический строй; они больше не будут ждать, чтобы благосостояние свалилось им с неба, как манна небесная.

Но... мы уже видим пессимиста с лукавой улыбкой на губах, говорящего: „несколько возражений, только несколько возражений”. Что же, мы его выслушаем и ответим ему.

Политические права.

Буржуазная пресса ежедневно твердит нам на все лады о значении политической свободы и „политических прав человека”: всеобщей подаче голосов, свободы выборов, свободы печати, союзов, собраний и т. д., и т. д.

– „Зачем возставать, зачем прибегать к оружию, – говорит она, – когда у вас есть все эти права, а следовательно, и возможность произвести все необходимые реформы!” Отнимите же эти пресловутые политические права с нашей точки зрения, т. е., с точки зрения того класса, который ничего не имеет, никак не управляет и у которого очень мало прав и слишком много обязанностей.

Мы не скажем, как это говорилось раньше, что политические права не имеют в наших глазах никакой цены. Мы прекрасно знаем, что со времени крепостного права и даже с прошлаго века в этом отношении кое-что сделано. Французской рабочей уже не то существо, лишенное всяких человеческих прав, каким он был раньше, когда аристократия смотрела на него, как на рабочего скота; в своей мастерской, он считает себя

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
равнымъ всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Французскаго крестьянина нельзя сѣчь на улицахъ, какъ это дѣлается еще въ Россіи. Бурными революціями и пролитой кровью народъ завоевалъ себѣ нѣкоторыя личныя права, умаляя значеніе которыхъ мы не хотимъ.

Но есть права и права, и надо умѣть ихъ различать; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ реальное значеніе, другіе же лишены его; кто смѣшиваетъ, только обманываетъ народъ. Есть права, какъ, напримѣръ, равенство передъ закономъ аристократа и крестьянина, телесная неприкосновенность каждаго гражданина и т. п., которыя достались народу послѣ упорной борьбы и настолько дороги ему, что малѣйшая попытка нарушить ихъ вызоветъ возстаніе. И есть такія права, какъ всеобщая подача голосовъ, свобода печати и т. п., къ которымъ народъ былъ всегда равнодушенъ, такъ какъ онъ чувствуетъ, что эти права, защищая буржуазію отъ самовластия правительства и аристократіи, служатъ орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ для поработенія народа. Ихъ даже нельзя назвать политическими правами, такъ какъ они не охраняютъ интересовъ народа; это только нашъ политическій языкъ – жаргонъ, выработанный правящими классами исключительно для своихъ нуждъ, – величаетъ ихъ этимъ громкимъ именемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое политическое право, какъ не оружіе для защиты независимости и свободы тѣхъ, которые сами не могутъ внушить уваженія къ этимъ своимъ правамъ? Каково его назначеніе, если оно не можетъ дать свободы всѣмъ тѣмъ, которые должны ею обладать? Люди, подобные Гамбетта, Бисмарку и Гладстону, не нуждаются ни въ свободѣ печати, ни въ свободѣ собраній; они и такъ пишутъ все, что хотятъ, устраиваютъ какія угодно собранія, исповѣдываютъ тѣ ученія, которыя имъ больше по вкусу; они и такъ, свободны. А если кому-нибудь и нужно дать эту свободу слова, печати и собраній, то только тѣмъ, которые сами не могутъ обезпечить себѣ этихъ правъ и проводить въ жизни свои идеи, свои принципы. Таково происхожденіе всѣхъ политическихъ правъ.

Но въ наше время даются-ли эти права тѣмъ, кто въ нихъ нуждается?

Конечно, нѣтъ. Всеобщее избирательное право можетъ до нѣкоторой степени оградить буржуазію отъ злоупотребленій центральной власти, не заставляя ее прибѣгать къ оружію. Оно можетъ служить для умиротворенія соперниковъ, оспаривающихъ другъ у друга власть и удержать ихъ отъ кровопролитія. Но это право безсильно тамъ, гдѣ надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привилегированныхъ. Прекрасное орудіе для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между правителями, какую оно можетъ принести пользу подданнымъ?

Исторія отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ. – Пока буржуазія думала, что всеобщая подача голосовъ будетъ въ рукахъ народа оружіемъ для борьбы съ привилегированными классами, она всѣми силами противилась ей. Когда же, въ 1848 году, она поняла, что это право не только не грозитъ ея привилегіямъ, но даже не мѣшаетъ ей властвовать надъ народомъ, она сразу ухватила за него. Теперь буржуазія стала его ярой защитницей, такъ какъ она знаетъ, что это лучшее средство, чтобы удержать въ своихъ рукахъ господство надъ массами.

То же самое относительно свободы печати. – Какой доводъ былъ самымъ убѣдительнымъ въ глазахъ буржуазіи въ пользу свободы печати? – Ея безсиліе! Ея несостоятельность! „Когда-то”, – говоритъ Жирарденъ, – „сжигали колдуновъ, потому что имѣли глупость ихъ считать всемогущими; теперь дѣлаютъ ту же глупость относительно печати. Но печать такъ же безсилна, какъ средневековыя колдуны. И потому – долой преслѣдованія печати!” Вотъ, что говорилъ когда-то Жирарденъ. А какой аргументъ выставляетъ теперь буржуазія въ защиту свободы печати? – „Посмотрите”, – говоритъ она, – „на Англію, Швейцарію, Соединенные Штаты. Тамъ полная свобода печати, а между тѣмъ нигдѣ такъ не развита эксплуатація, нигдѣ такъ властно не царитъ капиталъ. Пусть нарождаются вредныя теченія. Мы всегда сумѣемъ заглушить голосъ ихъ органовъ, не прибѣгая даже къ насилію. А если когда-нибудь, въ моментъ возбужденія, революціонная пресса и станетъ опасной, мы всегда успѣемъ уничтожить ее подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ”.

На счетъ свободы собраній тѣ же разсужденія.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
– „Дадимъ полную свободу собраній”, говоритъ буржуазія; – „народъ не см?еть
коснуться нашихъ привилегій. Мы должны больше всего бояться тайныхъ
обществъ, а публичныя собранія лучшее средство, чтобъ положить имъ конецъ.
Если же въ моментъ сильнаго возбужденія публичныя собранія и стали бы
опасными, мы всегда можемъ ихъ воспретить, такъ какъ въ нашихъ рукахъ
правительственная власть”.

„Неприкосновенность жилищъ? – Пожалуйста! записывайте ее въ кодексы,
прокричите повсюду!” говорятъ хитрые буржуа. – „Мы не им?емъ ни мал?йшаго
желанія, чтобы агенты полиціи тревожили насъ у семейнаго очага. Но мы
учредимъ тайную канцелярію, мы заселимъ страну агентами тайной полиціи, мы
составимъ списки неблагонадежныхъ и будемъ зорко сл?дить за ними. Когда же
мы почуемъ, что опасность близка, плюнемъ на неприкосновенность, будемъ
арестовывать людей въ постеляхъ, допрашивать ихъ, обыскивать жилища. Не
будемъ останавливаться ни передъ ч?мъ и т?хъ, кто посм?еть слишкомъ громко
заявлять свои требованія, упрячемъ въ тюрьмы. Если же насъ будутъ обвинять,
скажемъ: „Что же д?лать, господа! A la guerre comme a la guerre”!

Неприкосновенность корреспонденціи? – Говорите вс?мъ, пишите, что
корреспонденція неприкосновенна. Если начальникъ почтоваго отд?ленія въ
глухой деревн? изъ любопытства распечатаетъ какое-нибудь письмо, лишите его
тотчасъ же должности, кричите во всеуслышаніе: „Чудовище! преступникъ!”
Остерегайтесь, чтобъ т? мелочи, которыя мы сообщаемъ другъ другу въ
письмахъ, не были разглашены. Но если вы нападете на сл?дъ предумышленнаго
заговора противъ нашихъ привилегій, – тогда нечего ст?сняться: будемъ
вскрывать вс? письма, учредимъ ц?лый штатъ спеціальныхъ чиновниковъ, а
протестующимъ скажемъ, какъ это сд?лалъ недавно при апплодисментахъ всего
парламента одинъ англійскій министръ:

„Да, господа, съ глубокимъ отвращеніемъ вскрываемъ мы письма, но, что же
д?лать, в?дь отечество (в?рн?е, аристократія и буржуазія) въ опасности!”

Вотъ, къ чему сводится эта, такъ называемая, политическая свобода.

Свобода печати, свобода собраній, неприкосновенность жилищъ и вс? остальные
права признаются только до т?хъ поръ, пока народъ не пользуется ими, какъ
орудіемъ для борьбы съ господствующими классами. Но какъ только онъ
дерзнетъ посягнуть на привилегіи буржуазіи, вс? эти права выкидываются за
борть.

Это вполне естественно. Неотъемлемы лишь т? права, которыя челов?къ
завоевалъ упорной борьбой и ради которыхъ готовъ каждую минуту снова
взяться за оружіе.

Сейчасъ не с?кутъ на улицахъ Парижа, какъ это д?лается въ Одесс?, лишь
потому, что позволъ себ? это правительство, народъ растерзаетъ своихъ
палачей. Аристократы не прокладываютъ себ? пути ударами, щедро раздаваемыми
лакеями, лишь потому, что лакеи самодура, позволившаго себ? что-либо
подобное, будутъ убиты на м?ст?. Изв?стное равенство существуетъ сейчасъ на
улицахъ и въ общественныхъ м?стахъ между рабочимъ и хозяиномъ, потому что,
благодаря предыдущимъ революціямъ, чувство собственнаго достоинства
рабочаго не позволитъ ему снести обиды со стороны хозяина. Писанные же
законы тутъ не причемъ.

Въ современномъ обществ?, разд?ленномъ на рабовъ и хозяевъ, не можетъ
существовать настоящей свободы; о ней не можетъ быть и р?чи, пока будутъ
эксплоататоры и эксплуатируемые, правители и подданные. Но изъ этого не
сл?дууетъ, что до того дня, когда анархическая революція уничтожитъ вс?
соціалныя различія, мы согласны, чтобъ печать была порабощена, какъ въ
Германіи, свобода собраній пресл?дуема, какъ въ Россіи, неприкосновенность
личности пренебрегалась, какъ въ Турціи.

Какими-бы рабами капитала мы ни были, мы хотимъ печатать все, что найдемъ
нужнымъ, собираться и организоваться по своей вол? и все это, главнымъ
образомъ, для того, чтобъ, какъ можно скор?е, свергнуть постыдное иго
капитала.

Но пора понять, что не у конституціоннаго правительства мы должны просить
помощи. Не въ кодекс? законовъ, который можетъ быть уничтоженъ по первому

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
капризу правителей, мы должны искать защиты своих естественных правъ.
Только, когда мы станемъ организованной силой, способной внушить уваженіе
къ своимъ требованіямъ, мы сум?емъ постоять за свои права.

Захотимъ-ли мы свободы печати, свободы слова, собраній, союзовъ – мы не
должны просить ихъ у парламента, не должны ждать отъ сената, какъ
милостыни, изданія соотв?тствующаго закона. Станемъ организованной силой,
способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права;
будемъ сильны, и никто не посм?етъ тогда запретить намъ говорить, писать и
собираться. Въ тотъ день, когда мы сум?емъ вселить единодушіе въ среду
эксплуатируемыхъ, въ эту молчаливую, но грозную армію, объединенную однимъ
желаніемъ – пріобр?сти и защищать свои права, никто не дерзнетъ оспаривать
ихъ у насъ. Тогда и только тогда, мы завоюемъ себ? эти права, которыя мы
тщетно бы просили десятки л?тъ у какого бы ни было конституціоннаго
правительства, тогда они будутъ принадлежать намъ в?рн?е, ч?мъ если бы ихъ
гарантировали писанные законы.

Правъ не даютъ, ихъ берутъ!

Къ молодымъ людямъ.

I.

Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно къ вамъ. Пусть старики, т
е. старые духомъ и сердцемъ, оставятъ эту книгу и не утомляютъ даромъ глазъ
надъ чтеніемъ, которое имъ ничего не дастъ.

Я полагаю, что вамъ восемнадцать, двадцать л?тъ, что вы заканчиваете ваше
образованіе или обученіе ремеслу и вступаете въ жизнь.

Я думаю, что вы свободны отъ предрасудковъ, которые вамъ старались
внушить; вы не боитесь чертей и не станете слушать пустыхъ бредней
священниковъ и пасторовъ.

Вы не принадлежите, конечно, къ т?мъ печальнымъ продуктамъ челоу?чества въ
період? упадка, къ т?мъ жуирамъ, которые ц?лые дни м?рятъ тротуары въ
модныхъ брюкахъ, съ вылощенными фізіономіями, и уже въ этомъ возраст?
мечтаютъ только о бесплодныхъ развлеченіяхъ. Напротивъ, я думаю, что вы
здоровые люди, жаждующіе разумнаго труда, и потому я обращаюсь къ вамъ.

Не разъ уже вы ставили себ?, должно быть, сл?дующій вопросъ: к?мъ я буду?
Въ васъ ясно сознаніе, что вы изучали какую-нибудь науку или ремесло – на
счетъ общества, зам?тете это, – не для того, чтобъ воспользоваться ими,
какъ орудіемъ для эксплуатаціи. Надо быть слишкомъ испорченнымъ и
изв?деннымъ пороками, чтобъ не желать въ вашемъ возраст?
посвятить вс? свои способности, знанія и силы служенію т?мъ, которые косн?ютъ въ нев?жеств? и
нищет?.

Вы, конечно, мечтали объ этомъ?

Поговоримъ о томъ, какъ осуществить ваши мечты.

Я не знаю, въ какихъ условіяхъ вы родились и воспитывались. Можетъ быть,
баловни судьбы, вы получили научное образованіе; вы будете докторомъ,
адвокатомъ, писателемъ или ученымъ; широкое поле д?ятельности откроется
передъ вами; вы вступите въ жизнь съ обширными познаніями, съ выработанными
способностями къ труду.

Можетъ быть, вы будете честными ремесленниками; ваши научныя познанія
ограничиваются т?мъ немногимъ, что вы получили въ начальной школ?; но зато
вы хорошо знаете, какова тяжелая трудовая жизнь нашихъ рабочихъ.

Остановимся сначала на первомъ предположеніи. Представьте себ?, что вы
докторъ.

Завтра придетъ рабочій звать васъ къ больной. Онъ поведетъ васъ въ одинъ
изъ т?хъ грязныхъ, узкихъ переулковъ, гд? сос?дки черезъ улицу жмутъ другъ
другу руки надъ головами прохожихъ.

При тускломъ осв?щеніи коптящей лампы, задыхаясь отъ спертаго воздуха и

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
вони, подымаются вы въ пятый этаж по грязной, скользкой л?стниц?. Вы входите въ темную, холодную комнату, гд? въ углу, на куч? грязных тряпокъ, лежитъ больная, покрытая какими-то лохмотьями. Бл?дныя, исхудалыя д?ти, дрожа отъ холода, вопросительно смотрятъ на васъ широко открытыми глазами. Всю жизнь мужъ работаль по дв?надцати, тринадцати часовъ въ сутки, какъ-бы ни былъ тяжелъ его трудъ: теперь, вотъ уже три м?сяца, какъ онъ не находитъ работы. Безработица бывала и прежде: она повторяется періодически каждый годъ. Но тогда жена ходила работать поденно... быть можетъ, стирать ваши рубашки, по полтиннику въ день.

Но вотъ уже три м?сяца, какъ она не встаетъ съ постели, и ужасающій призракъ нищеты и голода сталъ передъ семьей.

Что посоветуете вы больной, господинъ докторъ? Вы, который знаете, что единственная причина ея бол?зни – недостатокъ пищи и воздуха? Хорошій бифштексъ каждый день, немного движеній на св?жемъ воздух?, сухую, св?тлую комнату? Какая насм?шка! Разв? она безъ вашихъ советовъ не знаетъ, что все это ей нужно!

Если вы сум?ете вселить къ себ? дов?ріе и захотите поговорить съ этой семьей, она расскажетъ вамъ, что за перегородкой живетъ гладильщица, которую постоянно мучаетъ душу раздрающій кашель, что въ нижнемъ этаж? вс? д?ти лежатъ въ лихорадк?, что прачка, поселившаяся въ подвал?, не дотянетъ до весны и что въ сос?днихъ домахъ еще того хуже.

Что посоветуете вы вс?мъ этимъ больнымъ? Хорошее питаніе, перем?ну климата, мен?е изнурительный трудъ?.. Вы не р?шитесь, конечно, этого сд?лать и поторопитесь уйти съ разбитымъ сердцемъ, съ проклятіемъ на устахъ.

Вы еще находитесь подъ впечатл?ніемъ этой ужасной нищеты, когда вашъ товарищъ рассказываетъ вамъ, что за нимъ только что прі?зжалъ вы?здной лакей; онъ повезъ его въ роскошный отель къ св?тской барын?, изнуренной бессонными ночами, отдающей жизнь туалетамъ, визитамъ, танцамъ и бесконечнымъ ссорамъ съ дуракомъ мужемъ. Вашъ товарищъ предписаль ей бол?е спокойную жизнь, мен?е возбуждающую пищу, побольше прогулокъ и комнатную гимнастику, чтобъ зам?нить до н?которой степени продуктивный трудъ.

Одна умираетъ оттого, что она никогда не была сыта и не отдыхала; другая чахнетъ оттого, что всю свою жизнь она не знала, что такое трудъ...

Если вы одна изъ т?хъ дряблыхъ натуръ, которая легко мирятся со вс?мъ, и при вид? самыхъ возмутительныхъ фактовъ ограничиваются пустыми словами и ут?шаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь съ этими контрастами и постараетесь, чего-бы это ни стоило, поскор?е стать въ ряды привилегированныхъ, чтобъ не попасть, какъ нибудь, въ число угнетенныхъ. Но, если вы „челов?къ“, если вы реагируете соотв?тствующимъ поступкомъ на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили въ васъ окончательно мыслящаго существа, тогда, выходя изъ дома нищеты и страданій, вы скажете: „Это несправедливо, это не должно итти такъ дальше! Надо предупреждать бол?зни, а не л?чить ихъ. Немного довольства, побольше умственного развитія и половина бол?зней исчезнетъ. Бросимъ вс? л?карства! Воздухъ, питаніе, мен?е изнурительный трудъ, вотъ съ чего надо начать. Безъ этого медицина – только обманъ и надувательство!“

Въ этотъ день вы поймете, что такое социализмъ. Вы захотите поближе познакомиться съ нимъ, и если альтруизмъ для васъ не пустой звукъ, и вы прим?ните къ изученію социальныхъ вопросовъ строгій методъ натуралиста, вы попадете въ наши ряды и будете вм?ст? съ нами работать для социальной революціи.

Но, быть можетъ, вы скажете: „Бросимъ практику! Посвятимъ себя наук?. Предадимся, подобно физику, астроному, химику, т?мъ безконечнымъ радостямъ, которая даютъ изученіе тайнъ природы и развитіе нашихъ умственныхъ способностей“. Въ такомъ случа?, скажите, ч?мъ отличается ученый, занимающійся наукой, отъ пьяницы, который ищетъ въ жизни только непосредственного наслажденія и находитъ его въ вин?? Конечно, источникъ радости ученаго даетъ бол?е интенсивныя и продолжительныя наслажденія, но въ этомъ вся разница! Оба они, и ученый, и пьяница, пресл?дуютъ одну и ту же эгоистическую ц?ль – личное удовлетвореніе.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Но вы не желаете этого эгоистичного счастья. Занимаясь наукой, вы хотите приносить пользу всему человечеству; эта мысль будет руководить всеми вашими научными изысканиями...

Красивая иллюзия! Кто из нас не лелял ее, отдаваясь впервые изучению науки!

Но если на самом деле вы заботитесь о человечестве, если счастье его – цель ваших научных работ, то перед вами не может не предстать следующее ужасное возражение: наука в современном обществе является исключительно предметом роскоши. Недоступная большей части человечества, она исключительно служит для наслаждения жизни небольшого числа избранных.

Посмотрите, вот уже более века, как наука установила здравые космогонические начала, а каково число тех, которые их постигли и выработали в себе критическое, научное отношение к окружающему. Едва оно достигает нескольких тысяч, теряющихся среди сотен миллионов, которые затемняют свой разум предрассудками и суевериями, достойными дикарей, и служат игрушкой в руках духовенства.

Посмотрите, сколько сделала наука для выработки рациональных основ физической и нравственной гигиены. Она учит нас, как устроить жизнь, чтобы сохранить здоровье, как поддерживать в хорошем состоянии людские сообщества; она указывает нам путь к умственному и нравственному благосостоянию. И вся эта огромная научная работа остается мертвой буквой, не выходя из кабинета ученого. А почему? Потому что наука существует сейчас только для привилегированных, потому что социальное неравенство, разделяющее людей на капиталистов и наемников, обращает все научные указания относительно улучшения условий жизни в издевательство над девятыми десятыми человечества.

Я бы мог вам привести еще много примеров в подтверждение моей мысли, но вы сами найдете их: выйдите только из кабинета Фауста, уставленного книгами, с запыленными окнами, не пропускающими дневного света, и посмотрите на все то, что делается вокруг вас.

В наше время дело идет не о накоплении истин и научных открытий. Нам следует распространить и вложить в жизнь истины, добытые уже наукой, сделать их всеобщим достоянием. Мы должны стремиться к тому, чтобы все человечество стало способным их воспринять, чтобы наука стала основой жизни, вместо того, чтобы быть предметом роскоши. Этого требует справедливость.

Даже больше: это в интересах самой науки. Наука только тогда прогрессирует, когда новые истины попадают в среду, способную их воспринять. Теория механического происхождения тепла, изложенная в прошлом веке почти в тех же выражениях, как у Гирна и Клаузиуса, оставалась восемьдесят лет зарытой в академических мемуарах, потому что познания по физике не были достаточно распространены, чтобы создать среду, способную ее воспринять. Нужно было три поколения, чтобы теория Эразма Дарвина об изменчивости видов была принята из уст его внука и признана учеными академиками, не без некоторого давления со стороны общества. Ученый так же, как поэт и артист, является продуктом той среды, в которой он вырастает.

Если вы проникнетесь всеми этими мыслями, вы поймете, что прежде всего должен быть произведен полный переворот во всем современном строе, при котором ученые избилуют научными истинами, между тем как большая часть человечества обречена оставаться тем, чем она была пять, десять веков тому назад; рабами и машинами, неспособными приобщиться к истинам, добытым наукой. В тот день, когда вы проникнетесь этой широкой, гуманной и глубоко-научной идеей, у вас пропадет желание заниматься чистой наукой. Вы всеми силами будете стремиться найти способ, чтобы изменить все существующее, и если безпристрастие, сопровождающее ваши научные изыскания, не покинет вас, вы перейдете на сторону социализма. Вы отдаетесь от разных софизмов и станете в наши ряды. Вы скажете: „довольно работать на наслаждение жизни тех, которым и так хорошо живется; посвятим свои знания, способности и силы на освобождение угнетенных!“ И будьте уверены, что тогда сознание исполненного долга и гармония между вашими чувствами и поступками пробудят в вас силы, о существовании которых вы и не

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
подозрываете. Въ тотъ день, когда свершится переворотъ, наука, черная
безконечная силы въ свободномъ коллективномъ трудѣ цѣлой арміи работниковъ,
совершить грандіозный полетъ, въ сравненіи съ которымъ настоящіе ея успѣхи
покажутся ученическими упражненіями. День этотъ не далекъ, какъ бы не
гнѣвались ваши учителя.

Тогда наслаждайтесь наукой! Это наслажденіе будетъ доступно всему
человѣчеству!

II.

Положимъ, вы кончаете курсъ юридическихъ наукъ и думаете заняться
адвокатурой; у васъ, должно быть, есть иллюзіи относительно вашей будущей
дѣятельности; я предполагаю, что вы честные, сердечные люди, и что вамъ не
чуждъ альтруизмъ. „Можно-ли себѣ представить болѣе благородную
дѣятельность: посвятить свою жизнь безкорыстной борьбѣ съ
несправедливостью, заставляя всегда торжествовать законъ – выразитель
высшаго правосудія!” думаете вы и вступаете въ жизнь съ полной вѣрой въ
себя и въ избранную вами дѣятельность.

Но откроемъ наугадъ судебную хронику и посмотримъ, что намъ скажетъ сама
жизнь.

Богатый помѣщикъ требуетъ, чтобы удалили съ его земли фермера-крестьянина
за невзносъ арендныхъ денегъ. Съ точки зрѣнія закона не можетъ быть
никакихъ сомнѣній: разъ крестьянинъ не платитъ, онъ долженъ уйти.

Но глубже вникая въ дѣло, мы узнаемъ, что помѣщикъ все время расточал свои
доходы на праздныя увеселенія, а крестьянинъ всегда работалъ. Помѣщикъ
ничего не дѣлалъ для улучшенія своей земли, а стоимость ея за пятьдесятъ
лѣтъ утроилась, благодаря проведенію проселочныхъ дорогъ, осушенію болотъ,
расчисткѣ неплодородныхъ склоновъ. Крестьянинъ же, на счетъ котораго,
главнымъ образомъ, все это производилось, разорился, влѣзъ въ долги и не въ
состояніи теперь заплатить помѣщику. Законъ, всегда оберегающій
собственность, конечно, на сторонѣ помѣщика. Но что сдѣлаете вы, въ
которыхъ юридическія фикціи не успѣли еще убить живого чувства?
Потребуется-ли вы, чтобы выгнали на улицу фермера или чтобы помѣщикъ вернулъ
крестьянину часть дохода за его трудъ? – Вѣдь послѣдняго требуетъ отъ васъ
справедливость. Перейдете-ли вы на сторону закона противъ справедливости,
или же на сторону справедливости противъ закона?

А когда рабочій устроитъ стачку противъ хозяина, не предупредивъ его объ
этомъ за пятнадцать дней, кого вы будете защищать? Станете-ли вы на сторону
закона, т. е. на сторону хозяина, который воспользуется моментомъ кризиса,
чтобы безсовѣстно увеличить свои барыши (просмотрите послѣдніе процессы),
или же противъ закона – за рабочихъ, умирающихъ въ это время съ голода?
Станете-ли вы защищать эту фикцію, состоящую въ утвержденіи „свободы
міровыхъ сдѣлокъ”? Или же вы постараетесь поддержать справедливость, въ
силу которой контрактъ, заключенный между сытымъ и продающимъ свой трудъ за
хлѣбъ, между сильнымъ и слабымъ, нельзя признать за контрактъ?

Вотъ вамъ другой примѣръ. Въ Парижѣ арестовали челоѣка за то, что онъ
стачилъ изъ мясной лавки бифштексъ. Оказалось, что это рабочій, не имѣющій
заработка, семья котораго не ѣла уже четверо сутокъ. Всѣ упрасиваютъ
мясника отпустить его, но онъ преслѣдуетъ несчастнаго и требуетъ торжества
правосудія! Бѣдняка приговариваютъ къ шестимѣсячному заключенію. Того
хочетъ слѣпая ѣмида. – Возможно-ли, чтобы, при видѣ подобныхъ фактовъ,
ваша совѣсть не возропала противъ закона и общества!

Станете-ли вы, на примѣръ, требовать примѣненія закона къ несчастному, не
слышавшему ни разу въ жизни добраго слова, оскорбляемому съ самаго дѣтства,
за то, что онъ убилъ сосѣда изъ-за пяти франковъ. Потребуется-ли вы, чтобы
казнили или – что еще хуже – приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію
этого преступника, вѣрнѣе, больнаго, когда все общество отвѣтственно за его
преступленіе?

Потребуется-ли вы, чтобы засадили въ тюрьму ткачей, которые въ моментъ
отчаянія подожгли фабрику? Потребуется-ли вы, чтобы сослали на каторгу этого
юношу, покушавшагося на коронованнаго убійцу, стоящаго внѣ закона? чтобы
разстрѣляли возставшій народъ, который рѣшился выкинуть на баррикадахъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
красное знамя будущего?

– Н?ть, тысячу разъ н?ть!

Если вы сознательно относитесь къ окружающему, а не повторяете то, чему васъ учили; если вы освободите законъ отъ фикцій, которыми его затуманили съ ц?лью скрыть его происхождение – волю сильнаго, и его сущность – оправданіе прит?сненій, зав?щанныхъ челов?честву его кровавой исторіей, – вы безусловно отнесетесь съ глубокимъ презр?ніемъ къ этому закону. Вы поймете, что писанные законы стоятъ въ прямомъ противор?чїи съ законами сов?сти. Вы откажетесь отъ традиціи и придете къ намъ работать надъ уничтоженіемъ вс?хъ несправедливостей: экономической, политической и соціальной.

Но тогда вы будете соціалистомъ, – тогда вы станете революціонеромъ.

А вы, молодой инженеръ, мечтающій улучшить положеніе рабочихъ усовершенствованіемъ способовъ производства, – знаете-ли вы, сколько разочарованій васъ ожидаетъ! Съ юношеской энергіей вы беретесь за проведеніе горной дороги, извивающейся надъ пропастью и разр?зающей глыбы гранита, чтобъ соединить дв? страны, отд?ленные другъ отъ друга самой природой. Когда вы приступите къ работ?, вы увидите, какъ въ темныхъ тоннеляхъ ц?ляя партїи рабочихъ гибнутъ отъ бол?зней и лишеній, какъ другіе уходятъ съ несомн?нными признаками чахотки, унося съ собой лишь н?сколько грошей. Каждый метръ вашей дороги вамъ будетъ стоить многихъ челов?ческихъ жизней, благодаря преступной скупости капиталистовъ. Когда же будетъ окончена ваша работа, вы поймете, что вы трудились надъ проведеніемъ дорогъ для пушекъ завоевателей...

Вы посвящаете свою молодость открытію, которое должно облегчить производство, и посл? долгихъ усилій, многихъ бессонныхъ ночей, вы, наконецъ, достигли ц?ли.

Что же оказалось? Десять, двадцать тысячъ рабочихъ остались безъ заработка! Для приведенія въ д?йствіе вашей машины достаточно будетъ н?сколькихъ рабочихъ силъ, д?тей, большей частью, сведенныхъ на положеніе машинъ! Трое, четверо фабрикантовъ разбогат?ютъ отъ этого открытія и „будутъ пить шампанское полными бокалами"... Объ этомъ-ли вы мечтали?

Изучая положеніе рабочаго класса, мы видимъ, что швея ничего не выиграла отъ изобр?тенія швейной машины; что рабочіе въ Сень-Готард? умираютъ отъ глистовъ, несмотря на употребленіе горныхъ сверлильныхъ станковъ съ алмазными головками; что каменщикъ и поденщикъ по прежнему страдаютъ отъ безработицы, вопреки изобр?тенію подъемныхъ машинъ жиффара. Если вы отнесетесь къ соціальнымъ вопросамъ съ той непредуб?жденностью мысли, которая руководила вашими техническими изысканіями, вы неизб?жно придете къ заключенію, что, при существованіи частной собственности и заработной платы, каждое новое открытіе, даже если оно и улучшаетъ н?сколько благосостояніе рабочаго, д?лаетъ условія его службы тяжел?е, трудъ бол?е притупляющимъ, учащаетъ безработицу, обостряетъ кризисы. Эти изобр?тенія увеличиваютъ лишь барыши т?хъ, которые проводятъ жизнь въ в?чномъ наслажденіи и праздности.

Что же вамъ остается д?лать?

Или убаюкать свою сов?сть софизмами и въ одинъ прекрасный день, распроставшись съ честными мечтами юности, постараться завлад?ть вс?мъ, что даетъ право на наслажденіе и пойти въ станъ эксплуататоровъ. Или же, если вы еще не окончательно зачерств?ли душой, сказать себ?: – „Н?ть, теперь не время д?лать новыя открытія! будемъ работать надъ преобразованіемъ современнаго промышленнаго строя. Когда частная собственность будетъ уничтожена, тогда каждое новое промышленное усовершенствованіе будетъ служить благу всего челов?чества. Эта масса работниковъ, сведенныхъ нын? на положеніе машинъ, будетъ тогда ц?лой арміей мыслящихъ существъ, которые внесутъ въ промышленность свою инициативу, развитую наукой и практикой ручного труда. Техника достигнетъ въ какихъ-нибудь пятьдесятъ л?тъ такихъ усп?ховъ, о которыхъ мы теперь не см?емъ и мечтать.”

Что скажемъ мы школьному учителю, не тому, который смотритъ на свою

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
профессию, как на скучное ремесло, н?ть – учителю по призванию,
чувствующему себя прекрасно среди толпы веселых шалунов, скачущих
вокруг него с горящими глазами и радостным см?хом, мечтающему привить
этим младенцам т? гуманитарная идеи, которые он? лел?ял в молодости?

Часто я вас вижу грустным, и я знаю причину вашей тоски. Сегодня ваш
любимый ученик, живой и впечатлительный мальчик, с воодушевленіем
разсказывал легенду о Вильгельм? Телл?. Глаза его блест?ли; казалось, он?
готовъ былъ заколотъ вс?хъ тирановъ, такъ горячо прочелъ он? эти строки
Шиллера:

Предъ рабомъ, разбивающимъ ц?пи,

Передъ свободнымъ – не дрожи!

Но когда мальчикъ вернулся домой, он? получилъ строгій выговоръ отъ отца,
матери, дяди за недостатокъ почтительности къ пастору. Родители ц?лый день
твердили ему о необходимости „осторожности, подчиненія властямъ,
послушанія”, такъ что Шиллеръ былъ отложенъ въ сторону и зам?ненъ
„Искусствомъ устроить свою жизнь на б?ломъ св?т?”!

Вчера еще вамъ говорили, что ваши лучшіе ученики идутъ по плохой дорог?:
одинъ мечтаетъ лишь объ эполетахъ, другой, сообщая съ хозяиномъ,
эксплуатируетъ рабочихъ. А сколько надеждъ вы возлагали на этихъ молодыхъ
людей! Какъ ужасно противор?чіе между д?йствительной жизнью и идеаломъ!

Я уже предвижу, что года черезъ два, посл? многихъ разочарованій, вы
отложите въ сторону вашихъ любимыхъ авторовъ и скажете:

„Конечно, Телль честный отецъ, но он? безусловно ненормаленъ. Поэзія
прекрасна, когда сидишь у теплаго камина, посл? того, какъ ц?лый день
преподавалъ сложные проценты; но жизнь им?етъ мало общаго съ стихами
поэтовъ, парящихъ въ небесахъ, особенно, когда ждешь пос?щенія господина
инспектора”...

Или же, ваши юныя мечты станутъ уб?жденіями зр?лаго челов?ка. Вы будете
стремиться къ тому, чтобъ вс? получали широкое, гуманитарное образованіе и,
уб?дившись, что это невозможно при современныхъ условіяхъ, вы приметесь за
разрушеніе основъ буржуазнаго строя. Тогда, уволенный со службы, вы бросите
школу и придете къ намъ работать съ нами, чтобъ показать людямъ, старше
васъ – но мен?е опытнымъ – ч?мъ должно быть челов?чество, ч?мъ оно можетъ
быть и что есть привлекательнаго въ знаніи. Вы будете помогать социалистамъ
въ ихъ работ? надъ полнымъ преобразованиемъ современнаго строя; вы будете
вм?ст? съ ними стремиться къ достиженію всеобщаго равенства, солидарности и
свободы.

А вы, молодой артистъ, скульпторъ, художникъ, поэтъ, музыкантъ, неужели вы
не зам?чаете, что въ васъ н?тъ того священнаго огня, который вдохновлялъ
вашихъ предшественниковъ, что искусство стало банальнымъ, что везд? царитъ
посредственность?

Да и возможно-ли, чтобъ это было иначе? Восторгъ, охватившій творцовъ эпохи
Возрожденія, когда для нихъ воскресъ древній міръ, когда они обратились къ
чистымъ источникамъ самой природы, – отсутствуетъ въ современномъ
творчеств?. Революціонныя идеи еще не отразились въ искусств?, и, за
отсутствіемъ какой-бы то ни было идеи, современные художники увлекаются
реализмомъ. Они изоцряются въ фотографированіи капли росы на листьяхъ
растеній, въ воспроизведеніи мускуловъ коровы, въ тщательномъ описаніи, въ
стихахъ или проз?, смрада помойныхъ ямъ и роскоши будуаровъ хорошенькихъ
женщинъ.

Но что же д?лать, спросите вы. Если священный огонь, который горитъ въ
васъ, лишь тл?ющей уголь, то продолжайте д?лать то, что вы д?лаете и
доведите искусство до вырожденія въ ремесло декоратора, поставщика либретто
для Буффа и фельетоновъ какому-нибудь Жирардену. Большая часть изъ васъ уже
вступила на этотъ пагубный путь.

Но, если ваше сердце бьется въ униссонъ съ сердцемъ челов?чества, если вы,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
как истый поэтъ, способны вслушиваться въ біеніе жизни, то, при видѣ
народа, умирающаго отъ голода, труповъ, наполняющихъ рудники, изувѣченныхъ
тѣлъ, лежащихъ грудами у подножія баррикадъ, при видѣ сосланныхъ, идущихъ
умирать за свои убѣжденія въ снѣга Сибири и на берега тропическихъ
острововъ, въ хаосѣ всемірной борьбы, сопровождающей воплями побѣжденныхъ
и оргіями побѣдителей, ожесточенныхъ схватокъ героизма съ трусостью,
вдохновенія съ пошлостью, – развѣ можете вы оставаться пассивными! Вы
перейдете на сторону угнетенныхъ, потому что вы знаете, что прекрасное,
великое, – словомъ, сама жизнь, тамъ, гдѣ борются за истину, за свѣтъ, за
справедливость!

Но вы возразите мнѣ: „Если чистая наука – предметъ роскоши, медицина –
обманъ, если законъ – несправедливость, техническія открытія – орудія
эксплоатаціи, если дѣятельность учителя – ложь, если искусство вырождается
безъ революціонныхъ идей, то что же мнѣ дѣлать?”

„Вамъ предстоитъ”, отвѣчу я, „громадная, увлекательная работа; трудъ, при
которомъ ваши поступки будутъ гармонировать съ вашей совѣстью, трудъ,
способный захватить самыя благородныя, сильныя натуры”.

Какой трудъ? Я вамъ сейчасъ скажу.

III.

Или поступать все время противъ совѣсти и кончить пошлымъ восклицаніемъ:
„Пусть гибнетъ человѣчество, лишь-бы я могъ наслаждаться и пользоваться
всеми благами жизни, пока народъ по глупости не предъявляетъ своихъ правъ!”
или перейти на сторону социалистовъ и вмѣстѣ съ ними работать надъ
преобразованіемъ всего современнаго строя. Таково неизбѣжный выводъ
произведеннаго нами анализа. Таково логическое заключеніе, къ которому
долженъ прійти всякій мыслящій человѣкъ, если только онъ отнесется честно
къ тому, что происходитъ вокругъ него, и сумѣетъ отдѣлаться отъ софизмовъ,
привитыхъ ему буржуазнымъ воспитаніемъ и пристрастнымъ мнѣніемъ
окужающихъ.

Тогда передъ вами предстанетъ вопросъ „что дѣлать?”

Отвѣтъ не заставитъ себя ждать.

Покиньте среду, гдѣ вы родились и гдѣ смотрите на народъ, какъ на бездушное
стадо, идите къ этому народу съ вѣрой въ него, съ желаніемъ помочь ему.
Тамъ вы найдете себѣ работу.

Вы увидите, что вездѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, какъ въ Италіи,
такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, вездѣ, гдѣ есть привилегированные и
угнетенные, въ нѣдрахъ рабочаго класса происходитъ грандіозная работа надъ
уничтоженіемъ рабства, налагаемаго капиталистическимъ феодализмомъ, и
созданіемъ новаго общественнаго строя, основаннаго на справедливости и
равенствѣ. Народъ уже не довольствуется теперь пѣніемъ душу раздирающихъ
мелодій, въ которыя выливались страданія рабовъ XVIII вѣка, которыя поются
еще русскими крестьянами. Онъ рѣшительно идетъ къ освобожденію съ полнымъ
сознаніемъ своихъ силъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями.
Его мысль неустанно работаетъ надъ созданіемъ жизни, обеспечивающей счастье
всѣмъ людямъ, переставшей быть проклятіемъ для трехъ четвертей
человѣчества. Онъ беретъ за самыя сложные вопросы социологіи и старается
ихъ рѣшить, пользуясь своимъ здравымъ смысломъ, своей наблюдательностью и
тяжелымъ опытомъ.

Чтобы установить связи съ другими угнетенными, онъ организуетъ общества,
содержащіяся на средства самаго народа. Онъ входитъ въ соглашеніе съ
рабочими другихъ странъ и лучше чѣмъ самыя краснорѣчивые проповѣдники
филантропіи, подготавливаетъ день, когда войны между народами станутъ
невозможными. Чтобы знать, что дѣлаютъ его братья и сговориться съ ними,
чтобы выработать и пропагандировать новыя идеи, онъ содержитъ, – но цѣною
какихъ лишеній, какихъ усилій! – свою рабочую прессу. Наконецъ, когда
настаетъ часъ, онъ подымается и, обагривъ свою кровью подножія баррикадъ,
идетъ завоевывать себѣ свободу и права, которыя богачи и власти сумѣютъ
вскорѣ направить опять противъ него, обращая ихъ въ свои привилегіи.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Сколько постоянных, упорных усилий! Какая непрерывная борьба! Какая гигантская работа, работа, вечно прерываемая, то чтобы пополнить ряды, порывшись от пуль и картечи; то чтобы замнить бгглицевъ, не вынесшихъ тяжести борьбы и преслдованій; то чтобы взяться за изученіе соціальныхъ вопросовъ, прерванное массовыми избіеніями!

Ихъ газеты создаются людьми, которые должны были вырывать у общества обрывки знанія, лишая себя сна и пищи; агитація поддерживается на средства бггдняковъ, отдающихъ свои послдніе гроши; и все это подъ вчнымъ страхомъ, что семья будетъ обречена на самую ужасную нищету, если только хозяинъ узнаетъ, что „его рабочій, его рабъ – социалистъ!”

Вотъ что, прежде всего, вы найдете въ средъ народа.

И сколько разъ, въ этой безконечной борьбѣ, рабочіе, изнемогая подъ тяжестью обстоятельствъ, тщетно задавали себѣ слдующій вопросъ:

„Гдѣ же эти молодые люди, которые получили образованіе на нашъ счетъ, которыхъ мы одъвали и кормили, пока они учились? молодежь, для которой, не разгибая спины, съ пустымъ желудкомъ, мы строили дома, академіи, музеи и, съ изможденными лицами, печатали книги, недоступныя намъ? А гдѣ профессора, эти двигатели гуманитарной науки, въ глазахъ которыхъ челоъчество не стоитъ рдкого вида гусеницъ? Эти люди, которые постоянно кричатъ о свободѣ и не попробуютъ никогда защитить нашу свободу, ежедневно попираемую? Эти писатели, художники, поэты, вся эта шайка лицемровъ, которые со слезами на глазахъ говорятъ о народѣ и никогда не попытаются помочь этому народу въ его тяжелой борьбѣ?”

Одни довольствуются трусливой индифферентностью; другіе, большая часть, презираетъ народъ, „la canaille”, и готовы растерзать его, если только онъ посмѣетъ коснуться ихъ привилегій.

Появится, правда, иногда какой-нибудь юнецъ, мечтающій о барабанномъ боѣ и баррикадахъ, ищущій сильныхъ ощущеній, но какъ только онъ увидитъ, что путь къ баррикадамъ тяжелъ, а въ лавровомъ вѣнкѣ, котораго онъ добивается, слишкомъ много терній, онъ отказывается отъ борьбы за освобожденіе народа. Большею частью, это честолюбцы, которые стараются хитростью снискать расположеніе народа и будутъ первые громить его, когда онъ захочетъ провести въ жизнь тѣ принципы, которые они сами проповдовали. Они готовы даже навести пушки на эту „презрнную толпу”, если только она посмѣетъ возстать не по ихъ сигналу.

Прибавьте къ этому бессмысленное надругательство и высокомерное презрніе большей части нашего общества, и вы получите ясную картину того, что даетъ сейчасъ буржуазная молодежь народу, чтобы помочь ему въ его соціальной эволюціи.

И вы еще спрашиваете: „что дѣлать?”

Что дѣлать, когда ничего еще не сдѣлано, когда цѣлой арміи молодыхъ силъ, готовыхъ пожертвовать своими способностями, энергіей и талантомъ, не хватило-бы на то, чтобы помочь народу въ предпринятой имъ грандіозной работѣ.

Вы, любители чистой науки, неужели, если вы прониклись принципами социализма и поняли значеніе наступающей революціи, вы не замъчаете, что вся наука должна быть измънена соотвѣтственно новымъ принципамъ; что и въ этой области нужна революція, которая своимъ значеніемъ должна превзойти переворотъ, измънившій теченіе наукъ въ XVIII вѣкѣ? Неужели вы не понимаете что современная исторія – басня о величіи царей, исторія генераловъ и парламентовъ должна быть обращена въ исторію народа, въ исторію эволюціи челоъчества? Что соціальная экономія, оправдывающая сейчасъ эксплуатацію капиталистами, должна быть переработана, какъ въ своихъ основныхъ принципахъ, такъ и въ неисчислимыхъ приложеніяхъ? Что антропологія, социологія и этика должны быть пересозданы, что даже естественныя науки должны получить новое освъщеніе, измъняющее, какъ способы пониманія явленій природы, такъ и методы ихъ изложенія? Что же, неужели вамъ мало работы? Посвятите ваши знанія, ваши силы служенію новой наукѣ. А, главнымъ образомъ, помогите намъ вашей желзной логикой побѣдить вѣковые

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
предразсудки, выработать путем синтеза основы лучших организаций; научите нас проявлять в наших рассуждениях убежденность, присущую точным наукам; покажите своим примером, как посвящать жизнь служению истин.

Вы, доктора, которых тяжелый опыт заставил понять социализм, повторяйте нам каждый день, что человечество вырождается, что оно погибнет, если не будут изменены условия его жизни и работы. Что ваши лекарства бессильны, пока девяносто девять сотых человечества прозябает в условиях жизни, прямо противоположных требованиям медицины; что должны быть искоренены сами причины болезней, и что есть средства для их искоренения. Возьмите ваш скальпель; разсеките враной рукой современное общество, идущее по пути к разложению и внушите нам, что рациональная жизнь не сказка и что нельзя останавливаться перед ампутацией члена, зараженного гангреной, когда опасность грозит всему организму.

А вы, изыскивающие способы приложения науки к промышленности, расскажите нам откровенно, каков результат вашей работы. Скажите тем, кто не решается порвать с настоящим, сколько зачатков новых открытий несет в себе современное знание, чья бы могла быть промышленность при нормальных условиях и сколько бы мог производить человек, если бы он постоянно работал над улучшением способов производства. Посвятите вашу интуицию, ваш практический ум, ваши организаторские таланты народу, вместо того, чтобы отдавать все на служение эксплуататорам.

А вы, поэты, художники, скульпторы и музыканты, если вы способны понять, в чем ваше призвание и интересы искусства, принесите ваше перо, вашу кисть, ваш рожец на алтарь революции. Изобразите нам в сильных образах, захватывающих картинах, бодрящих звуках титаническую борьбу народа с его притеснителями; вдохните в сердца молодежи частичку того революционного огня, который вдохновлял наших предков, расскажите женщинам, как возвышенна и красива будет деятельность ее мужа, если он посвятит свою жизнь социальной эмансипации. Покажите человечеству в ярких красках все уродство современной жизни и заставьте его приглядеться к причинам этого уродства; опишите ему, чья бы была жизнь, если бы она не сталкивалась на каждом шагу с нелюбовью и гнусностью современного строя.

Словом, вы все, обладатели знаний и талантов, если в вас не умерло все человеческое, ваш долг работать для тех, кто унижен и оскорблен. Там нуждаются в вас, там ждут вас. Идите к ним не как учителя, а как товарищи по борьбе; не руководить ими, а вдохновляться в новой для вас среде; не поучать, а впитывать в себя стремления масс, их предугадывать и формулировать. Возьмитесь за эту работу с юношеским пылом и постарайтесь провести в жизнь те принципы, которые вы почерпнули у народа. Тогда, и только тогда, вы будете жить полной рациональной жизнью. Каждое ваше усилие в этом направлении будет приносить обильные плоды; гармония, установившаяся между вашими поступками и требованиями вашей совести, пробудит в вас силы, о существовании которых вы и не подозреваете.

Борьба за истину, за справедливость, за равенство, в среде народа – что может быть возвышеннее?

IV

В трех длинных главах доказывал я молодым людям состоятельных классов, что при дилемме, поставленной им жизнью, если они смелы и искренни, они придут в ряды социалистов и с ними будут работать для социальной революции. Ведь эта истина так проста! А сколько предразсудков приходится разрушать, сколько софизмов и возражений опровергать, говоря о ней с молодыми людьми из буржуазии!

Мне легче будет иметь дело с вами, молодые люди из народа. Сама жизнь нас заставит стать социалистами, если вы хоть сколько-нибудь сознательно относитесь к окружающему. Ведь современный социализм создан народом. Мыслители из буржуазии только изложили его в научной форме и дали ему философское обоснование, но основные принципы социализма – продукт коллективной мысли рабочего народа. А рациональный социализм Интернационала, составляющий нашу главную силу, разве он не был создан в организациях рабочих самими народом? И писатели, содействующие его развитию, формулировали только идеи и стремления, уже намеченные в среде

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
народа.

Принадлежать къ рабочему классу и не посвятить себя торжеству социализма – это значитъ дѣйствовать противъ своихъ собственныхъ интересовъ, отрицать самую основу своего существованія и свою историческую миссію.

Помните-ли вы то время, когда, еще ребенкомъ, въ холодный зимній день, вы бѣгали играть въ вашъ темный переулочекъ? Морозъ пробиралъ васъ черезъ вашу старенькую одежду, и ноги мокли въ рваныхъ сапожкахъ. Уже тогда, видя издали упитанныхъ и богато одѣтыхъ дѣтей, вы прекрасно знали, что вы и ваши товарищи превосходите и умомъ, и энергіей, и сообразительностью, этихъ разодѣтыхъ малышей, свысока смотрящихъ на васъ. Но въ то время, какъ нужда заставляла васъ работать по двѣнадцати часовъ въ сутки въ грязной мастерской и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдя за равномернымъ движеніемъ машинъ, вы сами превращались въ машины, – они, баловни судьбы, получали образованіе въ школахъ, въ гимназіяхъ, въ университетахъ. А теперь эти самыя дѣти, менѣе даровитыя, но болѣе образованныя, стали вашими хозяевами и будутъ наслаждаться всѣми благами жизни, всѣми плодами цивилизаціи. А вы? Что васъ ожидаетъ въ жизни?

Вы живете въ темной, сырой комнатѣ, въ которой ютятся пять, шесть человѣкъ; вы питаетесь исключительно хлѣбомъ, картофелемъ и какой-то черной жижицей, именуемой кофеемъ... И кромѣ заботы о томъ, чтобы заплатить за черный хлѣбъ и за грязную конуру, есть-ли у васъ время подумать о чемъ-либо другомъ?!

Неужели и вамъ придется влачить то жалкое существованіе, которое влачили ваши мать и отецъ въ теченіе тридцати-сорока лѣтъ! неужели и вамъ придется всю жизнь работать только для того, чтобы доставить нѣсколькимъ избраннымъ возможность наслаждаться благосостояніемъ, наукой, искусствомъ, а самимъ вѣчно заботиться только о кускѣ хлѣба? неужели и вамъ придется отказаться отъ всего, что дѣлаетъ жизнь прекрасной, чтобы предоставить всѣ преимущества горсти бездѣльниковъ? неужели и вамъ придется вѣчно работать до изнеможенія и знать лишь нужду и даже нищету въ періоды безработицы?..

Можетъ быть, вы смиритесь и, не видя возможности измѣнить свое положеніе, скажете: „Цѣлая покоренія покорялись этой участи, и я, не имѣя силы протестовать, долженъ также покориться! Что-же, буду работать, а тамъ посмотримъ!”

Пусть будетъ такъ! Жизнь сама васъ научить.

Придетъ день, когда наступитъ ужасный кризисъ, который убьетъ цѣлую отрасль промышленности, и тысячи рабочихъ останутся безъ заработка; семьи ихъ будутъ гибнуть отъ голода. Вы, конечно, всѣми силами будете бороться съ этимъ бѣдствіемъ. Но вскорѣ вы увидите, что ваша жена, вашъ ребенокъ, вашъ другъ изнемогаютъ отъ лишеній; таютъ на вашихъ глазахъ и, за недостаткомъ пищи и ухода, медленно чахнутъ и молча умираютъ въ своемъ темномъ углу. А жизнь, которой нѣтъ дѣла до этихъ жертвъ, кипитъ въ богатыхъ, залитыхъ солнцемъ кварталахъ большого города, принося волны наслажденія и веселья баловнямъ судьбы. Вы поймете тогда всю подлость современнаго строя, вы призадумаетесь надъ причинами кризисовъ и нищеты, вы постигнете весь ужасъ несправедливости, отдающей тысячи людей въ руки небольшого числа алчныхъ капиталистовъ, проводящихъ всю жизнь въ праздности. Вы согласитесь тогда, что социалисты правы, говоря о необходимости полного преобразованія основъ современнаго общества.

Когда хозяинъ уменьшитъ вашу заработную плату, не брезгуя этими грошами, чтобы округлить свое состояніе, и вы будете протестовать, онъ вамъ надменно скажетъ:

– „Питайтесь воздухомъ, если не хотите работать за эту цѣну”.

Вы поймете тогда, что вашъ хозяинъ не только хочетъ содрать съ васъ шкуру, но смотритъ на васъ, какъ на существа низшей расы, что онъ не довольствуется тѣмъ, что своими деньгами держитъ васъ въ когтяхъ, но и стремится сдѣлать изъ васъ раба во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда, – или вы покоритесь, откажетесь отъ человѣческаго достоинства и молча будете переносить всякія оскорбленія; или же кровь бросится вамъ въ голову, вамъ станетъ противна ваша работа, вы возстанете и, получивъ расчетъ отъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
хозяина, поймете, что правы социалисты, когда говорят:

– „Возстань, возстань против экономического рабства, так как в нем источник всякого рабства!“

Тогда вы придете в ряды социалистов и будете вместе с ними работать над уничтожением всякого рабства: экономического, политического и социального.

Наступит день, когда вы узнаете о судьбе, постигшей молодую девушку, горячо любимую вами за ее открытый, честный взгляд, стройный стан, оживленную речь. После долгих лет голода и нищеты, она решила покинуть деревню и поехала в город искать заработка; она знала, что борьба за существование тяжела, но надеялась честно заработать кусок хлеба. В город за ней стала ухаживать состоятельный юноша, увлек ее своим красноречием, и она отдалась ему со всею страстью молодой чистой души. Через год бедная девушка была брошена, с ребенком на руках. Она не упала духом, продолжала бороться, но не вынесла нищеты и страданий и умерла в больнице... Что же сделаете вы тогда? Утешитесь пошлыми словами: „Она не первая, не последняя“, и пойдете с товарищами в ресторан, оскорбляя непристойными словами память несчастной девушки? Или же возмутитесь до глубины души, постараетесь найти мерзавца-соблазнителя и отомстить ему за его преступление? Но во всяком случае, вы призадумаетесь над причинами подобных фактов, ежедневно повторяющихся, и поймете, что из этого положения нет выхода, пока общество раздвлено на угнетенных тружеников и праздных жуиров со скотскими наклонностями. Вы поймете, что необходимо уничтожить эту пропасть, и придете в ряды социалистов.

А вы, женщины из народа, можете ли вы быть равнодушными к подобным историям? Лаская блокующую головку, нежно прильнувшего к вам ребенка, не задумываетесь ли вы над участью, ожидающей его при современном социальном строе? Хотите ли вы, чтобы ваши сыновья прозябали подобно тому, как прозябал ваш отец, всю жизнь думая о куске хлеба, не имея других радостей, как посещение кабака?

Хотите ли вы, чтобы ваш муж и ваш сын оставались во власти первого встречного, получившего от отца капитал для эксплуатации? Согласны ли вы, чтобы они оставались пушечным мясом, рабами капиталистов, навозом, удобряющим поля богачей?

Нет, тысячу раз нет! Я знаю, как вы возмущались, когда ваши мужья, смело начавши забастовку, покорно приняли унижительные условия, предложенные им надменным тоном толстым буржуа! Я знаю, как вы восторгались женщинами-испанками, идущими во время народных восстаний в первых рядах подставлять свою грудь под штыки солдат! С каким уважением, с какой гордостью вы произносите имя женщины, стрелявшей в деспота, посмевшего оскорбить социалиста, содержавшегося в тюрьме. Я знаю, с каким трепетом вы читали о храбрости женщин, стоявших под градом пуль на улицах Парижа, вдохновляя мужей своих на героические подвиги.

Зная все это, я уверен, что и вы, современные женщины, примкнете к тем, кто работает над завоеванием лучшего будущего.

Все вы, честные молодые люди, крестьяне, рабочие, чиновники, солдаты, вы поймете ваши права и придете к нам. Вы придете помогать вашим братьям пролагать путь революции, которая уничтожит рабство, разрушит старую традицию, откроет человечеству новые горизонты, дает истинную свободу, истинное равенство, труд для всех, всеобщее пользование плодами своих трудов и счастливую рациональную жизнь!

Тогда нам не скажут, что мы маленькая горсточка, не имеющая сил достигнуть намеченной нами цели.

Сделаем подсчет и узнаем, сколько нас, жертв несправедливости. Крестьяне... нас, работающих на других, довольствующихся овсом, предоставляя пшеницу хозяину, целые миллионы; мы составляем большую часть человечества. Рабочие... нас, ходящих в лохмотьях, изготавливая шелка и бархаты для богачей, тоже немало: когда свистки заводов и фабрик предоставляют нам кратковременный отдых, мы, как бушующее море, заливаем улицы и площади больших городов.

Страждущие и угнетенные, мы грозная сила, – океанъ, способный все поглотить. Стоит намъ захотѣть, и мы въ одинъ мигъ завоюемъ счастье всего человечества.

Война.

Современная Европа представляет собою крайне печальное и назидательное зрѣлище. Съ одной стороны, царить вѣчная сутолока дипломатовъ и маклеровъ, увеличивающаяся съ головокружительной быстротой, какъ только почуеться запахъ пороха на старомъ континентѣ. Заключаютъ, расторгаютъ союзы; какъ скотомъ, торгуютъ людьми, чтобы обезпечить себѣ союзниковъ. „Столько-то миллионовъ головъ гарантируемъ мы вамъ, столько-то десятинъ пастбищъ, такіе-то порта для вывоза шерсти“, говорятъ они, искусно обманывая другъ друга въ этой куплѣ и продажѣ. Вотъ что называется дипломатіей на ихъ политическомъ жаргонѣ.

Съ другой стороны, вооруженіе растетъ безъ конца. Каждый день намъ приносятъ новые усовершенствованные способы истребленія себѣ подобныхъ, новые расходы, новые займы, новые налоги. Кричать о патриотизмѣ, распространять шовинизмъ, разжигать вражду между народами стало самымъ выгоднымъ занятіемъ политики и журналистики. Не щадятъ даже дѣтства: наряжаютъ ребятишекъ солдатами, даютъ имъ оружіе и вселяютъ ненависть къ пруссаку, англичанину, итальянцу. Внушаютъ слѣпое повиновеніе существующему правительству, будь оно черное, бѣлое или синее. Когда же этимъ дѣтямъ минетъ двадцать одинъ годъ, ихъ, какъ вьючныхъ животныхъ, нагружаютъ патронами, провіантомъ, утварью, дадутъ въ руки ружье и заставятъ маршировать подъ звуки трубъ. Они будутъ по первому приказанію убивать другъ друга, душить, какъ дикіе звѣри, никогда не спрашивая себя, къ чему, съ какою цѣлью? Будутъ-ли передъ ними голодные бѣдняки нѣмцы, итальянцы или даже собственные братья, доведенные до возстанія нуждой и голодомъ – раздалось приказаніе, прозвучали трубы – надо убивать!

Вотъ къ чему сводится вся мудрость нашихъ правителей! Вотъ, что они способны дать намъ, въ то время, какъ угнетенные труженики всѣхъ странъ протягиваютъ другъ другу руки черезъ границы!

„А! вы не хотѣли социализма, – такъ у васъ будетъ война, война, продолжающаяся тридцать, пятьдесятъ лѣтъ!“ – говорилъ Герценъ послѣ 1848 года. Его предсказаніе сбылось; если громъ пушекъ и умолкаетъ на время, то вскорѣ онъ раздастся съ новою силой въ другомъ мѣстѣ. Европейская война – всеобщая хватка всѣхъ народовъ – угрожаетъ вамъ вотъ уже десять лѣтъ, и никто не знаетъ, за что придется драться, съ кѣмъ, съ какою цѣлью, во имя какихъ принциповъ?

Въ прежнее время, если и бывали войны, то, по крайней мѣрѣ, знали, для чего идутъ на смерть. – „Такой то царь обидѣлъ нашего, – отомстимъ ему, истребимъ его подданныхъ!“ – „Такой то императоръ хочетъ отнять у нашего его провинціи – умремъ, но сохранимъ ихъ Его Величеству!“

Сражались изъ-за соперничества царей. Это было глупо, и цари не могли найти для войны больше нѣсколькихъ тысячъ человекъ.

Но теперь, чортъ знаетъ, во имя чего, цѣлые народы накидываются другъ на друга, какъ дикіе звѣри!

Съ царями не считаются больше въ вопросахъ о войнахъ. Викторія не обращаетъ вниманія на обиды, щедро расточаемыя ей во Франціи; чтобы отомстить за нее, англичане не двинуть пальцемъ; а, между тѣмъ, можете-ли вы утверждать, что черезъ два года англичане и французы не передушатъ другъ друга за преобладаніе въ Египтѣ? – То же самое на Востокѣ... Какъ въ Россіи, такъ и въ Англии, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи больше не сражаются для удовлетворенія капризовъ королей. Теперь сражаются за неприкосновенность доходовъ, за ростъ капиталовъ всемогущихъ господъ Ротшильдовъ, Шнейдеровъ, за благосостояніе бароновъ капитализма и промышленности.

Соперничество королей замѣнилось соперничествомъ буржуазныхъ обществъ.

Правда, говорятъ еще о „политическомъ преобладаніи“. Но переведите

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
метафизическую сущность этого понятия на языке действительных фактов, проследите, как проявляется сейчас в Германии политическое преобладание, и вы увидите, что дело идет исключительно об экономическом преобладании на международных рынках. Германия, Франция, Россия, Англия, Австрия стремятся сейчас не к военному господству, а к господству экономическому. Они стараются завоевать себе право предписывать свои таможенные тарифы, навязывать свои товары, эксплуатировать народы, оставшие в промышленности; они стремятся оставить за собой привилегию строить железные дороги в тех местностях, где их нет, и под этим предлогом становиться хозяевами рынков; наконец, они хотят присвоить себе право от времени до времени отнимать у соседей то порт, для поднятия своей торговли, то провинцию, для сбыта излишка своих товаров.

Мы сражаемся теперь, чтобы обеспечить нашим крупным промышленникам тридцать процентов прибыли, баронам капитализма – господство на бирже, акционерам рудников и железных дорог – ежегодный доход в сто тысяч франков. Если бы мы были более или менее последовательны, мы заменили бы орлов наших знамен золотыми тельцами, старая эмблема – мшком золота, названия наших полков, заимствованные некогда у принцев крови, – именами принцев промышленности и капитализма: „третий Шнейдер“, „двадцатый Ротшильд“. Мы знали бы, по крайней мере, тогда, из-за чего мы убиваем друг друга.

Открывать новые рынки, навязывать свои товары, хорошие или дурные, – вот что составляет основу современной политики, европейской и континентальной, вот настоящая причина войн девятнадцатого века.

В прошлом столетии Англия первая положила начало обширной промышленности и экспорту. Она притянула своих пролетариев в большие города, обучила их усовершенствованным ремеслам, неимоверно увеличила производство и сосредоточила в своих магазинах целую гору предметов. Но эти товары не были предназначены тем гольшам, которые их производили. Получая ровно столько, чтобы не умереть с голода и размножаться, – что могли купить те, которые всю жизнь ткали шерстяные и льняные материи и английские корабли, разоряющая океан, шли искать покупателей на европейский континент, в Азию, Австралию, Америку, нигде не находя себе конкурентов. Ужасная нищета царил в городах, а фабриканты и купцы увеличивали с каждым днем свои доходы. Богатства, выманенные за границей, сосредоточивались в руках немногих, а экономисты континента восхваляли англичан и приглашали своих соотечественников следовать их примеру.

В конце прошлого века Франция вступила на тот же путь. Она принялась за организацию обширного производства с целью экспорта. Революция, переместив власть, притянув в города деревенских босняков и обогатив буржуазию, дала новый толчок экономической эволюции. Английская буржуазия возмутилась этим гораздо сильнее, чем всеми республиканскими декларациями и кровью, пролитой в Париже; поддерживаемая аристократией, она объявила войну французским буржуа, которые грозили закрыть английским продуктам все европейские рынки.

Исход этой войны нам известен. Франция была побеждена, но она отвоевала себе место на международных рынках. Английская и французская буржуазия заключили даже на время трогательный союз: они признали друг друга сестрами.

Производя для экспорта, Франция стремилась захватить все рынки, не считаясь с тем, что промышленный прогресс растет с каждым днем, распространяясь с Запада на Восток и завоевывая все новые страны. Французская буржуазия ничем не брезгала, чтобы увеличить свои доходы. В течение восемнадцати лет она была под сапогом Наполеона III и молчала в надежде, что этот узурпатор сумеет подчинить всю Европу своим экономическим законам. Но когда она поняла, что он на это не способен, она возстала и отвергла его.

Нарождающаяся страна, Германия, ввела у себя тот же экономический режим. Она обезлюдилась свои деревни и собрала бедняков в города, население которых в несколько лет удвоилось. Она принялась за обширное производство. Ея промышленность, вооруженная усовершенствованными орудиями, поддерживаемая наукой и техникой, начинает вырабатывать целые груды продуктов, предназначенных для экспорта и обогащения господствующих

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
классовъ. Капиталы накаплиются и ищутъ выгодныхъ помѣщеній въ Азіи, въ Африкѣ, въ Турціи, въ Россіи. Берлинская биржа соперничаетъ съ парижской и хочетъ господствовать надъ ней.

Изъ нѣдръ нѣмецкой буржуазіи вырывается крикъ: объединимся подъ какимъ-бы то ни было знаменемъ, будь то даже прусское, и воспользуемся своей силой, чтобы навязать сосѣдямъ свои продукты, свои тарифы, чтобы завладѣть удобнымъ портомъ на Балтійскомъ или Адриатическомъ морѣ! Уничтожимъ военное могущество Франціи, которая двадцать лѣтъ тому назадъ угрожала подчинить всю Европу своимъ экономическимъ законамъ, угрожала продиктовать послѣдней свои торговые договоры.

Слѣдствіемъ этого явилась война 1870 года. Франція потеряла свое преобладаніе на рынкахъ; теперь Германія старается овладѣть имъ и съ неутомимой жадной наживы стремится расширить свою эксплуатацію, не считаясь съ кризисами, крахами и нищетой, подрывающими ея экономическій строй. Берега Африки, нивы Кореи, равнины Польши, степи Россіи, покрытыя розами долины Болгаріи, – все возбуждаетъ алчность нѣмецкихъ буржуа.

И каждый разъ, какъ нѣмецкій негоціантъ видитъ невоздѣланныя долины, города съ незначительной промышленностью, мертвыя рѣки, сердце его обливается кровью, воображеніе рисуетъ ему заманчивыя картины: онъ представляетъ себѣ, сколько золота можно добыть, обрабатывая эти естественныя богатства, какъ легко поработить жителей этихъ мѣстностей силою капитала. Онъ клянется ввести „цивилизацию“, т. е. эксплуатацію на востокъ. Въ ожиданіи этого, онъ пробуетъ навязать свои товары, свои желѣзныя дороги Италіи, Австріи и Россіи.

Но эти государства въ свою очередь освобождаются отъ экономической опеки сосѣдей. Они входятъ понемногу въ кругъ „промышленныхъ“ государствъ, и ихъ молодая буржуазія не откажется отъ экспорта, чтобы увеличить свои доходы. Въ нѣсколько лѣтъ Россія и Италія сдѣлали поразительные успѣхи въ развитіи промышленности.

Крестьяне, доведенные до самой ужасной нищеты, не въ состояніи ничего покупать, и потому русскіе, австрійскіе и итальянскіе фабриканты производятъ для экспорта. Имъ тоже нужны рынки, и такъ какъ европейскіе заняты, они набрасываются на Азію и Африку, ежеминутно готовые дойти до драки, когда приходится дѣлить большіе барыши.

Какой союзъ можетъ существовать при современном положеніи, созданномъ тѣмъ характеромъ промышленности, который придали ей ея организаторы? Союзъ Германіи и Россіи – дѣло приличія. Императоры могутъ лобызаться, но нарождающаяся буржуазія Россіи не перестаетъ ненавидѣть отъ всей души нѣмецкую буржуазію, которая ей платитъ тѣмъ же. Вспомните крикъ бѣшенства, поднятый всей нѣмецкой прессой, когда русское правительство увеличило на одну треть свои ввозныя пошлины.

„Война съ Россіей“, говорятъ нѣмецкіе буржуа и сочувствующіе имъ рабочіе, „была-бы у насъ гораздо популярнѣе, чѣмъ война 1870 года!“

А пресловутый союзъ между Германіей и Австріей, развѣ онъ начертанъ не на пескѣ? Далекі-ли эти державы, вѣрнѣе, ихъ буржуазія, отъ серьезнаго конфликта по поводу тарифовъ? Даже близнецы, Австрія и Венгрія, готовы каждую минуту объявить другъ другу войну изъ-за тарифовъ, такъ какъ ихъ интересы при эксплуатаціи южныхъ славянъ діаметрально противоположны. Да сама Франція страдаетъ не мало отъ разногласій по тарифному вопросу.

Вы не хотѣли социализма, такъ у васъ будетъ война. Война продолжится тридцать лѣтъ, если новая революція не положитъ конца этому бессмысленному и гнусному положенію. Но замѣтьте: третейскій судъ, политическое равновѣсіе, отмѣна постоянныхъ войскъ, разоруженіе – все это красивыя мечты, не имѣющія никакого практическаго значенія. Только революція, которая пересоздастъ весь промышленный строй и сосредоточитъ въ рукахъ производителей общественныя богатства, орудія и машины, положитъ конецъ этимъ войнамъ изъ-за рынковъ.

Трудъ cadaго для всѣхъ и всѣхъ для cadaго – вотъ единственное средство, способное принести миръ всѣмъ націямъ. Человѣчество не въ силахъ болѣе

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
переносить гнета господствующих классов, завладевших всеми общественным
достоянием; оно настоятельно требует полного преобразования всего
социального строя.

Революционное меньшинство.

– „Все, что вы проповедуете, вполне справедливо”, говорят наши противники.
– „Ваш идеал анархического коммунизма прекрасен, и его осуществление
принесло-бы человечеству мир и благоденствие. Но много-ли тех, которые к
нему стремятся, которые его понимают и готовы самоотверженно работать над
его проведением в жизнь! Вы составляете незначительное меньшинство,
разбросанное там и сям, слабые группы, затерянные среди индифферентной
массы, а ваш враг силен, хорошо организован и вооружен капиталом,
образованием и армией. Борьба, предпринятая вами, превышает ваши силы”.

Вот возражение, которое нам представляют наши противники и даже
некоторые наши друзья. Разсмотрим, насколько справедливо это возражение.

Что наши анархические группы составляют меньшинство в сравнении с
десятками миллионов, населяющих Францию, Испанию, Италию и Германию –
совершенно верно. Но что же из этого?

Представители нарождающихся идей всегда составляли меньшинство. Весьма
возможно, что мы, как организация, останемся этим меньшинством до самого
дня грядущей революции. Но разве это аргумент против нас? – В наше
время оппортунисты составляют большинство, не стать же нам из-за этого
оппортунистами? До 1790 года большинство составляли роялисты и
конституционалисты: неужели республиканцы той эпохи должны были из-за
этого отказаться от своих республиканских идей и стать роялистами, когда
вся Франция шла большими шагами к уничтожению королевской власти?

Дело не в том, что мы составляем меньшинство. Это не важно. Успех
будет на нашей стороне, если только наши идеи анархического коммунизма
соответствуют современной эволюции человечества. На наш взгляд
относительно этого не может быть сомнений. Человечество стремится не к
усилению власти, а к освобождению личности, к свободе производителя и
потребителя, к коммунам, к свободным союзам; оно возстает против
частной собственности и мечтает о коллективном производстве и потреблении
всех товаров всеми членами коммуны. В больших городах коммунизм не
страшит уже никого, особенно анархический коммунизм. В деревнях
эволюция происходит в том же направлении. За исключением некоторых
местностей, поставленных в особые условия, везде крестьяне начинают
понимать преимущество общественных работ и приобретают орудия и машины
для всеобщего пользования. Вот почему каждый раз, как мы излагаем
трудящимся массам свои идеи, каждый раз, как мы говорим им простым
понятным языком о социальном перевороте, они встречают нас
сочувственно, как в крупных промышленных центрах, так и в деревнях.

И возможно ли, чтобы это было иначе? Если анархия и коммунизм были-бы
продуктами научных исследований и философских размышлений, то, быть
может, они не нашли-бы себе отклика. Но эти два принципа возникли в среде
народа. Они являются выразителями того, что думают и говорят рабочие и
крестьяне, когда, забыв на время свою обыденную жизнь, они мечтают о
лучшем будущем. Эти принципы являются плодами медленной эволюции,
происшедшей за последнее столетие. Народ надеется, что они принесут миру
справедливость, единение и братство. Он радостно приветствует каждого,
излагающего в понятной форме эти идеи, зародившиеся в его среде.

В этом сочувствии народа и заключается настоящая сила анархического
коммунизма; число же активных сторонников, сгруппированных и
организованных, достаточно самоотверженных, чтобы пренебречь опасностями
борьбы и преодолеть все возникающие препятствия, играет второстепенную
роль. Число это растёт с каждым днем, и мы надеемся, что в решающий
момент оно из меньшинства станет большинством.

История своим прошлым подтверждает нам это. Те, которые составляли
меньшинство накануне революции, становились преобладающей силой в день её
наступления, если они являлись выразителями стремлений народа, а революция
была достаточно продолжительна, чтобы пустить корни и дать плоды. Разрушить
современный строй и создать общество, основанное на принципах

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
анархического коммунизма, невозможно в два-три дня. Кратковременный взрыв может свергнуть одно правительство, чтобы поставить на его место другое, замкнуть Наполеона каким-нибудь Жюль Фавром, но он не в силах переродить основных устоев общества. Чтобы свершить предполагаемый нами переворот, изменить современные способы группировки людей и уничтожить частную собственность, – необходимы три-четыре года непрерывных восстаний. В течение пяти лет, с 1788 по 1793 г., Франция боролась с режимом феодального землевладения и с могуществом королевской власти. Не меньше чем в три-четыре года можно будет сразить буржуазный феодализм и могущество европейской плутократии.

В этот период усиленного возбуждения, когда мысль работает с неимоверной быстротой, когда все, как в больших городах, так и в глухой деревне, принимают участие в общем деле, анархические идеи, появившиеся уже существующими группами, пускают корни и принесут плоды. В такие моменты даже люди, индифферентные ко всему становятся ярыми защитниками новых принципов.

Таков был всегда ход новых идей; великая французская революция подтверждает нам это.

Французская революция, конечно, была не так глубока, как та, которую мы предсказываем Европе. Она свергла аристократию, чтобы поставить на ее место буржуазию. Она не коснулась режима частной собственности и укрепила эксплуатацию низших классов буржуазией. Но эта революция окончательно уничтожила рабство, уничтожила его с оружием в руках, а не писанными законами. Она открыла эру революций, непрерывно сменяющихся одна за другой, все более и более приближающихся к Социальной Революции. Она дала человечеству революционный импульс, без которого народы коснулись бы до сих пор в рабстве. Она завещала миру целый поток плодотворных идей, пробудила дух восстания, дала французскому народу революционное воспитание. Если в 1871 году Франция дошла до Коммуны; если теперь она готова принять принципы анархического коммунизма, между тем, как другие нации пребывают еще в период монархизма или конституционализма (эти периоды были пройдены Францией до 1848 года, или вернее до 1879), то это несомненно объясняется тем, что в конце прошлого века она пережила четыре года великой революции.

Вспомните, какую печальную картину представляла собою Франция за несколько лет до революции и как бессильно было то меньшинство, которое мечтало об уничтожении королевской власти и феодализма.

Крестьяне были погружены в самую ужасную нищету и невежество. Затерянные в глухих деревнях, не имеющие между собой правильного сообщения, не зная, что делается за двадцать верст от них, задыхавшиеся под тяжестью труда и лишений, эти несчастные существа, казалось, были обречены на вечное рабство. Малейшее восстание подавлялось вооруженной силой: солдаты разстреливали беззащитный народ и вели на виселицу его предводителей. Попадались иногда в деревнях агитаторы, проповедующие народу ненависть к его угнетателям, стремившиеся пробудить в нем надежду и жажду свободы. Смелчаков, рвавшихся слушать их, было мало. Крестьяне не смели даже просить хлеба и уменьшения налогов.

Что касается буржуазии, то она поражала своей трусостью. Изредка попадались в ее среде революционеры, заявлявшие правительству свой протест. Но большая часть буржуазии гнула спину перед королем и придворными, перед знатью, перед слугами аристократов. Самой гнусной подлостью, самой ужасной низостью дышать ее слова и поступки до 1789 года, – что-бы там ни говорили Луи Блань и другие защитники этой буржуазии. Глубоким отчаянием проникнуты слова революционеров той эпохи. Как прав Камилль Демулен, говоря: „Нас, республиканцев, было в Париже до 1789 года едва двенадцать человек”...

И какое глубокое перерождение произошло за какие-нибудь три-четыре года. Как только власть короля была поколеблена, угнетенный народ поднялся. Весь 1788 год прошел в непрерывных, частичных восстаниях крестьян. Подобно стачкам нашего времени, они вспыхивали там и сям на территории Франции, захватывая все большие и большие пространства, становясь все продолжительнее и ожесточеннее.

За два года до революции, народъ униженно просилъ уменьшенія податей (какъ теперь онъ просить увеличенія заработной платы). Въ 1789 году онъ ищетъ свободы и хочетъ свергнуть иго аристократіи, духовенства и частныхъ собственниковъ – буржуа. Какъ только народъ замѣтилъ, что правительство больше не въ силахъ подавлять мятежи, онъ возсталъ противъ своихъ враговъ. Его предводители идутъ поджигать дворцы аристократовъ, между тѣмъ какъ еще покорная и трусливая толпа ждетъ, пока пламя пожара охватитъ холмы и освѣтитъ облака, чтобъ вздернуть сборщиковъ податей на тѣ висѣлицы, на которыхъ погибли провозвѣстники революцій. Войска отсутствуютъ; они заняты въ другомъ мѣстѣ. Возстаніе идетъ отъ хижины къ хижинѣ, изъ деревни въ деревню, и скоро поль-Франціи пылаетъ огнемъ. Будущіе революціонеры изъ буржуазіи гнутъ еще спину передъ королемъ, будущіе герои революціи пытаются подавить возстаніе незначительными уступками. Но города и деревни требуютъ свободы и предъявляютъ свои права, не дожидаясь созванія Генеральныхъ Штатовъ и зажигательныхъ рѣчей мирабо. Сотни мятежей (тѣмъ ихъ насчитываетъ болѣе трехсотъ) вспыхиваютъ въ деревняхъ и готовятъ тотъ день, когда парижане, вооруженные пиками и нѣсколькими пушками, овладѣваютъ Бастиліей.

Если-бы революція разразилась только въ Парижѣ, если-бы это была парламентская революція, ее можно было-бы залить потоками крови. Тогда контр-революціонеры, высоко поднявъ бѣлое знамя, толпами ходили-бы изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, избивая крестьянъ и санкюлотовъ. Но, къ счастью, революція сразу приняла другой характеръ. Она вспыхнула почти одновременно въ тысячѣ мѣстъ. Революціонное меньшинство, черпая силы въ правотѣ своихъ стремленій и въ безмолвномъ сочувствіи народа, побѣдоносно шло изъ деревень, сель и городовъ всей Франціи взять Бастилію, королевскій дворецъ и городскую думу. Оно терроризировало аристократію и крупную буржуазію и увлекало за собой народъ, который гордо шелъ уничтожать привилегіи и завоевывать свою свободу, свои права.

Таковъ же будетъ путь наступающей революціи. Идеи анархическаго коммунизма проникнуть въ сознаніе массъ и привлекутъ ихъ на свою сторону. Тогда меньшинство, поддерживаемое народомъ, подыметъ красное знамя возстанія. Вспыхнувъ почти одновременно во-всѣхъ концахъ міра, препятствуя учрежденію какого-бы то ни было правительства, могущаго задержать ходъ событій, революція будетъ свирѣпствовать до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своей миссіи: уничтоженіе частной собственности и государства.

Въ этотъ день меньшинство станетъ большинствомъ. Народъ, перешагнувъ черезъ частную собственность и государство, придетъ къ анархическому коммунизму.

Порядокъ.

Насъ упрекаютъ часто въ томъ, что мы избрали своимъ девизомъ слово анархія, запугивающее трусливые умы. „Ваши идеи прекрасны“, говорятъ намъ, „но согласитесь, что вашъ девизъ неудаченъ. Анархія – синонимъ безпорядка, хаоса. Это слово вызываетъ въ сознаніи представленіе о непрерывномъ столкновеніи интересовъ, о вѣчной борьбѣ, о полной невозможности установить гармонію“.

Замѣтимъ прежде всего, что активная партія, партія новыхъ теченій, рѣдко имѣетъ возможность сама себѣ выбрать имя. Санкюлоты 1793 года не сами дали себѣ это прозвище. Оно было придумано врагами народной революціи. Но развѣ это прозвище не заключаетъ въ себѣ опредѣленной идеи – идеи возстанія изстрадавшагося народа противъ роялистовъ, этихъ такъ называемыхъ патріотовъ, и якобинцевъ, которые, какъ-бы ни поклонялись имъ историки-буржуа, – были настоящими врагами народа, ненавидѣли и презирали его за нищету, за стремленіе къ равенству и свободѣ, за революціонные порывы.

То же самое можно сказать относительно слова нигилисты, которое такъ долго занимало вниманіе журналистовъ и служило темой для безконечныхъ каламбуровъ, пока не выяснилось, что нигилисты не изступленная религіозная секта, а настоящая революціонная сила. Употребленное впервые Тургеневымъ въ его романѣ „Отцы и дѣти“, оно было подхвачено „отцами“, которые мстили этимъ прозвищемъ своимъ непокорнымъ „дѣтямъ“. Дѣти спокойно приняли его; когда же они замѣтили, что это слово служитъ поводомъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, избавиться отъ него было уже невозможно.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Пресса и общество не хот?ли величать другимъ именемъ русскихъ революціонеровъ. Да и нельзя сказать, чтобъ оно было неудачнымъ; оно заключаетъ въ себ? вполн? опред?ленную идею. Оно выражаетъ отрицаніе всей современной цивилизаціи, основанной на господств? одного класса общества надъ другимъ, отрицаніе существующаго экономического строя, отрицаніе правительства и власти, отрицаніе буржуазной политики и морали, рутинной науки и искусства, способствующихъ эксплуатаціи, отрицаніе лицем?рныхъ нравовъ и обычаевъ, зав?щанныхъ намъ прошлыми в?ками, – словомъ отрицаніе всего того, передъ ч?мъ благогов?еть буржуазная цивилизація.

Такъ это было и съ анархистами. Въ Интернаціонал? возникла партія, которая отрицала всякую власть въ Ассоціаціи и возставала противъ какого-бы то ни было авторитета; она называла себя въ начал? партией федералистовъ, а потомъ партией анти-государственниковъ (anti-etatistes) или противовластниковъ (anti-autoritaires). Въ то время она изб?гала названія анархической. Слово ан-архія (такъ писали тогда это слово), казалось, сблизало эту партію съ посл?дователями Прудона, съ идеями экономической реформы котораго сражался тогда Интернаціональ. Противники ея нам?ренно употребляли названіе анархистовъ, позволяющее имъ доказывать, что представители этой партіи стремятся водворить повсюду безпорядокъ и хаосъ, никогда не задумываясь надъ посл?дствіями своихъ теорій.

Анархисты приняли все же это названіе. Они настаивали сначала, чтобъ писали ан-архія, говоря, что это слово, написанное такъ, означаетъ по-гречески отсутствіе власти, а не безпорядокъ. Но потомъ они перестали обращать на это вниманіе и сами называли себя анархистами.

Вотъ что говорилъ объ анархистахъ англійскій философъ Бентамъ въ 1816 году: – „Философъ, стремящійся къ преобразованію какого-нибудь закона, никогда не призываетъ къ возстанію противъ него. Анархистъ поступаетъ иначе. Онъ отрицаетъ самое существованіе закона и уб?ждаетъ своихъ посл?дователей не признавать его и противиться его исполненію”. Теперь же мы скажемъ, что анархистъ отрицаетъ не только вс? существующіе законы, но и всякую возможность власти и авторитета. Онъ начинаетъ съ того, что возстаетъ противъ какой-бы то ни было власти, противъ какого-бы то ни было авторитета.

Анархизмъ, говорятъ намъ, отрицаетъ порядокъ, исходя изъ понятія о безпорядк? и хаос?.

О какомъ же порядк? тутъ р?чь? О той ли гармоніи, о которой мечтаемъ мы, анархисты? о гармоніи, которая установится въ людскихъ отношеніяхъ, когда чело?чество не будетъ больше разд?лено на два класса, изъ которыхъ одинъ приносится въ жертву другому? о гармоніи, которая возникнетъ изъ солидарности интересовъ, когда вс? люди сплотятся въ одну семью, когда каждый будетъ работать для благоденствія вс?хъ и вс? для благоденствія каждаго? Очевидно, н?тъ! Т?, которые упрекаютъ анархію въ отрицаніи порядка, говорятъ не о гармоніи будущаго, а о порядк?, признаваемомъ современнымъ обществомъ. Посмотримъ же, что изъ себя представляетъ этотъ пресловутый порядокъ, къ разрушенію котораго стремится анархія.

Порядокъ, в?рн?е, то, что они называютъ порядкомъ, – это девять десятыхъ чело?чества, работающихъ для доставленія роскоши и наслажденія избраннымъ для удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей горсти безд?льниковъ.

Порядокъ – это лишеніе девяти десятыхъ чело?чества всего того, что составляетъ необходимыя условія нормальной жизни, раціональнаго развитія умственныхъ способностей. Свести девять десятыхъ чело?чества на положеніе вьючныхъ скотовъ, живущихъ изо дня въ день, не см?я даже думать о радостяхъ, доставляемыхъ чело?ку наукой, искусствомъ и творчествомъ, – вотъ что называютъ они „порядкомъ!”

Ихъ порядокъ – это голодъ, нищета, ставшіе нормальными условіями жизни современнаго общества. – Это ирландскій крестьянинъ, умирающій отъ голода; это треть Россіи, погибающая отъ дифтерита и тифа, умирающая отъ неурожаевъ, когда ц?лые вагоны пшеницы вывозятся за границу. Это народъ Италіи, вынужденный покидать свои роскошныя, плодоносныя поля и итти искать работы въ какомъ-нибудь тоннел?, рискуя каждую минуту быть задавленнымъ. Это земля, отнятая у крестьянина и отданная подъ пастбища, чтобъ разводить скотъ для стола богачей. Это заброшенныя, невозд?ланныя поля, въ то время

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
как у крестьянина н?ть клочка земли для обработки. Это женщина, продающая себя, чтоб? прокормить своих д?тей; это ребенок, прикованный к? фабрике и умирающ?й от? истощения; это рабоч?й, сведенный на положение машины. Это призрак? возставшаго рабочего у порога богачей, призрак? возставшаго народа у порога правителей.

Их? порядок? – это незначительное меньшинство, господствующее над? большинством? и воспитывающее своих д?тей так?, чтоб? они сум?ли путем? хитрости, разврата и изб?ений удержать в? своих руках? власть и привилегии.

Их? порядок? – это непрерывная война чело?ка с? чело?ком?, ремесла с? ремеслом?, класса с? классом?, нации с? нацией. Это в?чный гром? пушек?, разорение деревень, изб?ение ц?лых? покол?ний на полях? сражения, уничтожение в? один? миг? богатств?, накопленных? ц?лыми в?ками тяжелого труда.

Их? порядок? – это рабство мысли, унижение чело?ка, укрощаемаго кнотом? и оружием?. Это тысячи рудокопов?, умирающих? от? скупости и безопасности хозяев?, разстр?ливаемых? картечью и пресл?дуемых? штыками, как? только они посм?ют? поднять голову.

Их? порядок? – это потопление в? крови парижской Коммуны. Это смерть тридцати тысяч? мужчин?, женщин? и д?тей, растерзанных? гранатами, разстр?лянных? картечью, погребенных? под? мостовыми Парижа...

Это уд?ль русской молодежи, заключенной в? тюрьмы, погребенной в? сн?гах? Сибири, умирающей от? рук? палача.

Вот? что называется „порядком?“

А что такое беспорядок?, – в?рн?е, то, что они называют? беспорядком?

Беспорядок? – это разрушение существующаго гнуснаго строя, это возстание народа, разрывающаго свои ц?пи, идущаго к? лучшему будущему. Это пробуждение сознания народа, это самое ц?нное, что есть в? истории чело?чества.

Это возмущение мысли накануне? революций, это разрушение гипотез?, санкционированных? неподвижностью предыдущих? в?ков?; это расцв?ть ц?лаго потока новых? мыслей и см?лых? открытий; это р?шение научных? проблем?.

Беспорядок? – это уничтожение древняго рабства, уничтожение феодальнаго кр?постничества, попытки к? уничтожению экономического рабства.

Это возмущение против? духовенства и пом?щиков?, это возстание крестьян?, сжигающих? дворцы, чтоб? очистить м?сто для хижин?, идущих? из? темных? подвалов? занять себ? м?сто на солнц?. Это – Франция, уничтожающая королевскую власть и наносящая смертельный удар? рабству по всей Западной Европ?.

Это 1848 год?, заставивш?й содрогнуться королей и провозгласивш?й права труда; это парижск?й народ?, сражающ?йся за новую идею, умирающ?й на баррикадах?, зав?щая чело?честву идею свободной коммуны, указывая ему путь к? Социальной Революции.

Беспорядок? – это эпохи непрерывной борьбы ц?лых? покол?ний за лучшее будущее чело?чества, за его освобождение от? рабства. Это эпохи пробуждения народнаго гения, эпохи свободаго творчества народа, гигантских? шагов? вперед?, без? которых? чело?к? остался-бы навсегда пресмыкающим? существом?, подавленным? своей нищетой.

Беспорядок? – это расцв?ть благородных? страстей и самоотверженных? порывов?, это эпопея возвышенной? любви к? чело?честву!

Слово анархия, выражающее отрицание существующаго строя и пробуждающее воспоминание о самых? красивых? моментах? жизни чело?чества, не соотв?тствует-ли оно идеям? анархистов? Не подходит-ли оно к? названию партии, стремящейся к? завоеванию лучшаго будущаго?

1.

Когда мы говоримъ, что социальная революція должна произойти путемъ основанія свободныхъ коммунъ, намъ возражаютъ, что мы обращаемся къ устарѣлой формѣ общественной жизни, которая отжила свой вѣкъ. А между тѣмъ, только вполнѣ независимыя и освобожденныя отъ опеки государства коммуны способны подготовить среду, необходимую для революціи и дать намъ возможность ее осуществить. „Но коммуна” говорятъ намъ, – „организация устарѣлая. Стремясь уничтожить государство и поставить на его мѣсто свободныя коммуны, вы обращаете ваши взоры къ прошлому: вы хотите вернуть насъ къ среднимъ вѣкамъ, когда коммуны вели между собой безконечныя войны, и нарушить національное единство, установившееся послѣ многихъ вѣковъ тяжелой борьбы”.

Разберемъ эти возраженія.

Начнемъ съ того, что будущая коммуна не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была въ средніе вѣка, не можетъ облечься въ формы, выработанныя 700 лѣтъ тому назадъ. Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, космополитической науки и изслѣдованій научныхъ истинъ, она неизбѣжно должна принять новую форму. Имѣя совершенно иную организацию, поставленная въ новыя условія, она приведетъ къ новымъ послѣдствіямъ.

Наши противники, защитники государства, забываютъ, что мы можемъ имъ сдать то же возраженіе.

Государство столь же устарѣлая форма, какъ и коммуна. Но государство – это отрицаніе свободы, абсолютизмъ, произволь, разореніе подданныхъ, казни и пытки, между тѣмъ какъ жизнь свободныхъ коммунъ и возстанія народовъ и коммунъ противъ государства составляютъ самыя красивыя страницы исторіи человѣчества. Обращаясь къ прошлому, мы вспоминаемъ не вѣка Людовика XI, Людовика XV и Екатерины II, а эпохи свободныхъ коммунъ и республикъ Флоренціи, Тулузы и Лана, времена Аугсбурга и Нюрнберга, Пскова и Новгорода.

Дѣло не въ томъ, чтобы обмѣниваться пустыми словами и софизмами: надо изучить современное положеніе дѣлъ и дать себѣ отчетъ въ томъ, что можетъ дать будущая коммуна. Тѣмъ же, которые говорятъ: „коммуна – это средніе вѣка, мы не должны думать о ея возрожденіи”, мы отмѣтимъ: „Государство – это безконечныя вѣка гоненій и бѣдствій, и надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ!”.

Между коммуной средневѣковой и той, которая установится въ скоромъ будущемъ, есть существенное различіе: между ними лежитъ цѣлая пропасть, вырытая семью вѣками эволюціи человѣчества. Разсмотримъ, въ чемъ это различіе.

Какова основная цѣль „союза”, заключеннаго между собой жителями городовъ въ XII вѣкѣ? – Цѣль эта очень узка и опредѣленна. Она состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ гнета феодальныхъ владѣльцевъ. Всѣ жители города, купцы и ремесленники, объединяются и даютъ клятву, „не позволять кому-бы то ни было обращаться съ собой, какъ съ рабами, и защищать другъ друга отъ всякаго произвола”. Они организуются въ коммуны и съ оружіемъ въ рукахъ встаютъ противъ своихъ прежнихъ господъ. „Коммуна”, – говоритъ одинъ историкъ двѣнадцатаго вѣка, котораго цитируетъ Огюстѣнъ Тіерри, – „слово новое, возмутительное, и вотъ, что оно означаетъ: оброчные должны платить деньги своимъ господамъ только разъ въ годъ; за всякій проступокъ они подвергаются штрафу, установленному закономъ; что же касается податей, налагаемыхъ на рабовъ, то отъ нихъ они совершенно освобождаются”.

Коммуна среднихъ вѣковъ возставала противъ сеньеровъ, коммуна нашихъ дней возстаетъ противъ государства. Въ этомъ существенное различіе: государство, въ лицѣ короля, замѣтивъ, что коммуны стремятся къ полной независимости, посылало свои войска „наказывать” какъ говоритъ хроника, „всѣхъ смѣльчаковъ, которые ради осуществленія Коммуны, возставали противъ короны”.

Коммуна будущаго не признаетъ надъ собой никакой власти; она войдетъ въ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
добровольное соглашение с другими коммунами и будет считаться
исключительно с интересами федерации.

Она знает, что остановиться на пол-пути нельзя: или Коммуна станет
вполн? независимой, будет основывать какія ей угодно учрежденія,
производить вс? необходимыя реформы, или же она останется т?мъ, ч?мъ была
до сихъ поръ, отд?леніемъ государства, связаннымъ во вс?хъ своихъ
проявленіяхъ, готовымъ каждую минуту вступить въ борьбу съ государствомъ,
не им?я никакой надежды на поб?ду.

Коммуна знает, что надо уничтожить государство и зам?нить его федераціей;
въ этомъ смысл? она и будет д?йствовать. Для достиженія этой ц?ли у нея
хватитъ силъ. Теперь уже не только мелкіе города, но и Парижъ, Ліонъ,
Марсель, поднимаютъ знамя возстанія; въ скоромъ будущемъ къ нимъ примкнутъ
вс? крупные центры. Это движеніе не им?етъ ничего общаго съ т?мъ, что
происходило въ средніе в?ка.

Освобождаясь отъ ига феодальныхъ влад?льцевъ, освобождалась-ли
среднев?ковая коммуна отъ гнета буржуазіи, которая путемъ торговли
увеличила свои капиталы и пріобр?ла въ частную собственность крупныя
влад?нія въ самомъ центр? городовъ? нисколько!

Разрушивъ замки своихъ сеньеровъ, городскіе жители смотр?ли, какъ вырастали
роскошные дворцы богатыхъ купцовъ и какъ эти посл?дніе стремились
поработить ихъ силой своего капитала.

Исторія внутренней жизни коммунахъ среднихъ в?ковъ, это – исторія
ожесточенной борьбы б?дняка съ богачемъ, борьбы, которая неизм?нно
приводила къ вм?шательству короля. Видя, что аристократія растетъ съ
каждымъ днемъ и подчиняетъ себ? вс? проявленія жизни Коммуны, народъ,
освободившійся отъ гнета своихъ прежнихъ господъ и подпавшій подъ иго
богачей, понималъ, что ему нечего ждать отъ Коммуны. Онъ покинулъ валы и
ограды, воздвигнутые имъ для завоеванія свободы и ставшіе, благодаря
индивидуалистическому режиму, путями къ новому рабству. Такъ какъ народу
терять было нечего, онъ предоставилъ богачамъ самимъ защищать свои
влад?нія, и они, конечно, были поб?ждены; изн?женные роскошью,
разслабленные пороками, безъ поддержки народа, они должны были уступить
требованіямъ герольдовъ короля и передать имъ ключи городовъ. Въ н?которыхъ
же коммунахъ богачи сами отперли ворота своихъ городовъ императорскимъ и
королевскимъ арміямъ, чтобъ изб?гнуть народной мести, готовой обрушиться на
нихъ.

Коммуна XIX в?ка поставитъ себ? ц?лью уничтожить социальное неравенство.
Она постарается завлад?ть вс?мъ общественнымъ капиталомъ и предоставитъ его
т?мъ, которые будутъ работать надъ улучшеніемъ благосостоянія всего
общества. Она будетъ стремиться сломить силу капитала и предупреждать
возможность возникновенія аристократіи, которая была причиной гибели
коммунахъ среднихъ в?ковъ. Возьметъ-ли она въ союзники священника и монаха?
Будетъ-ли она подражать предкамъ, которые, создавая Коммуну, учредили
государство въ государств? и, уничтоживъ власть короля, создали въ коммунахъ
ту же власть, забывая, что ст?ны города не избавятъ этой власти отъ
присущихъ ей недостатковъ? Будутъ-ли пролетаріи нашего в?ка подражать
флорентинцамъ, которые, уничтожая титулы или сохраняя ихъ, какъ клеймо, не
препятствовали возникновенію новой аристократіи, аристократіи туго набитаго
кошелька? Захотятъ-ли они, подобно своимъ предшественникамъ, возсоздать ту
іерархію власти, которую они только что низвергли? Будуте-ли они заменять
однихъ людей другими, не касаясь самихъ учреждений?

Конечно, н?тъ! коммуна XIX в?ка не повторитъ старыхъ ошибокъ. Она будетъ не
только коммуналистической, но и коммунистической. Она произведетъ полный
переворотъ какъ въ политик?, такъ и въ вопросахъ производства и обм?на.
Коммуна будущаго не будетъ разрушать государства, чтобъ сейчасъ же
возстановитъ его; она положитъ конецъ представителю правительству и не
передастъ своихъ правъ случайно избраннымъ.

II.

Свергнувъ тяжелое иго своихъ господъ, попыталась-ли коммуна среднихъ в?ковъ
нанести имъ окончательное пораженіе? помогла-ли она сельскому населенію,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org предоставила-ли ему свое оружие, защитила-ли т?хъ несчастныхъ, на которыхъ гордо смотр?ла съ высоты своихъ ст?нь? – далеко н?ть! Руководимая чисто эгоистическимъ чувствомъ, среднев?ковая Коммуна заперлась въ своихъ укр?пленіяхъ. Сколько разъ она поднимала мосты и запирала ворота передъ рабами, тщетно пришедшими искать у нея спасенія; съ преступнымъ равнодушіемъ смотр?ла она, какъ ихъ истребляли на ея глазахъ. Гордая своей свободой, она не стремилась распространить ее на т?хъ, которые изнемогали подъ тяжестью рабства. Ц?ной этого рабства не одна коммуна получила свою независимость. Да и, собственно говоря, богатымъ буржуа было выгодно, чтобъ рабы были в?чно прикр?плены къ земл?, не знали ни промышленности, ни торговли и были-бы вынуждены обращаться къ городу за жел?зомъ, металлами и вс?ми продуктами производства. Ремесленники пытались иногда протянуть руку рабамъ, но они были безсильны передъ буржуа, которые захватили власть, влад?ли оружіемъ и платили наемнымъ войскамъ.

Теперь д?ло обстоитъ совершенно иначе. Парижская Коммуна, будь она поб?дительною, не ограничилась бы т?мъ, что дала бы себ? бол?е или мен?е свободныя городскія учрежденія. Если бы парижскому пролетаріату удалось разорвать свои ц?пи, настала-бы социальная революція, которая изъ Парижа распространилась-бы на вс? сельскія коммуны. Парижская Коммуна въ моментъ самой отчаянной борьбы за свое существованіе не забыла-бы крестьянина и кричала-бы ему: „Бери землю, всю землю!” Она не ограничилась-бы одними словами и, если-бы это понадобилось, ея доблестные сыны съ оружіемъ въ рукахъ пошли-бы въ отдаленныя деревни помогать крестьянину совершить свою революцію, изгнать скупщиковъ, завлад?ть всей землей и передать ее т?мъ, кто хочетъ и ум?еть извлекать изъ нея урожай. Коммуна среднихъ в?ковъ стремилась запереться въ своихъ ст?нахъ; Коммуна XIX в?ка стремится расшириться, стать всемірной. Она отказалась отъ привилегій данной коммуны во имя интересовъ и солидарности всего челов?чества.

Коммуна среднихъ в?ковъ могла до н?которой степени изолировать себя отъ сос?днихъ. Ея сношенія съ другими коммунами ограничивались заключеніемъ договоровъ для защиты правъ городовъ или для взаимнаго охраненія членовъ Коммуны во время ихъ дальнихъ путешествій. Лиги, заключенныя отд?льными городами, какъ это было въ Ломбардіи, Испаніи и Бельгіи, были слишкомъ непрочны, всл?дствіе разнородности интересовъ и различія привилегій; он? быстро распадались на отд?льныя группы, или же гибли подъ давленіемъ сос?днихъ государствъ.

Группы, которыя образуются теперь, не будутъ им?ть съ ними ничего общаго. Самая маленькая коммуна не просуществоуетъ и нед?ли безъ того, чтобъ не быть принужденной войти въ сношенія съ промышленными, торговыми и артистическими центрами; эти центры, въ свою очередь, почувствуютъ необходимость широко открыть свои двери жителямъ сос?днихъ деревень, окружающихъ коммунъ и отдаленныхъ городовъ.

Пусть какой-нибудь крупный центръ провозгласитъ себя „коммуной”, уничтожить у себя частную собственность и введетъ коммунизмъ, т. е. коллективное пользованіе общественнымъ капиталомъ, орудіями и продуктами труда, и если этотъ городъ не будетъ окруженъ непріятельскими войсками, то по истеченіи н?сколькихъ дней безконечныя ряды подводъ устремятся на его рынки, и поставщики изъ отдаленныхъ портовъ будутъ присылать ц?лыя партіи сырого матеріала; продукты же производства этого города, удовлетворивъ потребностямъ его жителей, пойдутъ искать себ? покупателей во вс? концы св?та. Иностранцы ц?лыми толпами устремятся въ этотъ городъ, будутъ восторгаться его порядками и рассказывать у себя дома о чудной жизни свободного города, гд? вс? работаютъ, гд? н?тъ ни б?дныхъ, ни угнетенныхъ, гд? каждый пользуется плодами своего труда и никто не стремится захватить львиной доли. Отчужденности бояться нечего: если коммунисты Соединенныхъ Штатовъ и жалуются, то никакъ не на отчужденность, а на вм?шательство сос?дней буржуазіи въ ихъ д?ла.

Въ наше время торговля и обм?нъ не только перешагнули черезъ искусственныя границы, но и разрушили ст?ны среднев?ковыхъ городовъ. Они установили ту связь, о которой нельзя было и думать въ средніе в?ка. Вс? населенныя пункты Западной Европы такъ т?сно связаны между собой, что отчужденность стала невозможной. Не найдется ни одной деревни, будь она расположена даже на вершин? недоступной горы, которая не им?ла-бы своего промышленнаго и торговаго центра, порвать съ которымъ она уже не можетъ.

Развитіе крупныхъ промышленныхъ центровъ им?ло еще большее значеніе.

И въ наше время личные интересы могут помешать объединению двух соседних коммун, возбудить между ними раздоры и вызвать ожесточенную борьбу. Но если эти причины и будут препятствовать союзу двух коммун, то он все же будет заключен, благодаря вмешательству крупных центров. Часто встречаются два мелких соседних городка, которые ничем между собой не связаны: их редкие сношения приводят чаще к столкновениям, чем объединению. Но оба они поддерживают непрерывные сношения с одним и тем же центром, без которого они не могут существовать; как-бы сильна ни была вражда между ними, их принуждает объединиться тот большой город, в который они возят свои продукты и откуда получают запасы. Каждый из них должен будет примкнуть к одной и той же федерации, чтобы поддерживать сношения с этим центром и группироваться вокруг него.

Но этот центр не будет иметь значительного преобладания над окружающими коммунами. Благодаря безконечному разнообразию нужд торговли и промышленности, все населенные места имеют по несколько центров; по мере развития потребностей городов, они будут примыкать еще к новым центрам, которые будут удовлетворять их новым нуждам. Наши потребности так разнообразны и нарождаются с такой быстротой, что скоро одна федерация не будет в состоянии их удовлетворить. Коммуна почувствует необходимость заключать новые союзы, основывать новые федерации. Состоя членом одной группы, заведующей доставкой пищевых продуктов, коммуна должна будет стать членом второй группы для приобретения необходимых предметов, например, металлургии, потом третьей, четвертой для приобретения материй и произведений искусства и т. д. Возьмите экономический атлас какой угодно страны, и вы увидите, что экономических границ не существует: зоны производства и обмена различных продуктов врезаются друг в друга, переплетаются и скрещиваются. Точно также федерации коммун, если бы они существовали естественным развитием, стали бы врезываться друг в друга, переплетаться и образовали бы с тем „единую и неделимую“, несравненно более компактную, чем современные государства.

Те, которые говорят, что коммуны, освободившись от опеки государства, будут постоянно сталкиваться, вести междоусобные войны и уничтожать друг друга, забывают, что теперь уже между отдельными местностями установилась тесная связь, благодаря тяготению к центрам промышленности и торговли, непрерывным сношениям между ними и многочисленности этих центров. Они не дают себе отчета в том, что представляли из себя средние века с их замкнутыми городами и караванами, медленно двигающимися по дорогам, охраняемым господами-разбойниками. Они забывают, что непрерывные потоки людей, товаров, писем, телеграмм и идей циркулируют теперь между нашими городами, подобно водам неизсякаемых рек; у них нет ясного представления о различии тех двух эпох, которые они пытаются сравнивать.

Да и история говорит нам, что федерации стали самой насущной потребностью человечества. Как только государство будет дезорганизовано по той или другой причине и правительственная машина потеряет свою силу, свободные союзы возникнут сами собой. Вспомните добровольные федерации, вооруженной буржуазии во времена великой революции. Вспомните федерации, возникшие в Испании и отстаившие независимость страны, когда государство было потрясено в своих основах победоносными армиями Наполеона. Как только государство теряет возможность насильственно поддерживать вынужденные союзы, — свободные союзы, соответствующие естественным потребностям, возникают сами собой. Разрушите государство, и на его развалинах вырастет федеративное общество; это будет общество действительно единое и неделимое, вполне свободное и истинно солидарное в силу своей свободы.

Но есть еще одно существенное различие, которое упускают из вида наши противники. Для буржуа средних веков коммуна была изолированным государством с точно определенными границами. Для нас коммуна уже не территориальная агломерация; это скорее родовое понятие, синоним группировки „равных“, не признающей ни границ, ни ступеней. Социальная коммуна в скором будущем перестанет представлять собою нечто целое и вполне определенное. Каждая группа коммуны будет в силу необходимости вступать в сношения с тождественными ей группами других коммун, заключать с ними союзы не менее прочные, во всяком случае, чем союзы сограждан и образует коммуны, основанные на общности интересов и имеющую членом во всех городах и деревнях.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Каждый индивидуум найдёт удовлетворение своим потребностям только тогда, когда он будет группироваться с индивидуумами других коммун, имеющими те же потребности.

Уже теперь с каждым днём нарождаются новые свободные общества, которые покрывают постепенно необъятное поле всей человеческой деятельности. Не только для удовлетворения своих научных, литературных или художественных потребностей человек создаёт общества. Не только для классовой борьбы заключаются теперь лиги.

Трудно найти хоть одну из многочисленных и разнообразных отраслей человеческой деятельности, которая не имела бы своим представителем свободного общества, организованного на добровольном соглашении; их число растёт с каждым днём, завоеывая все более и более обширное поле деятельности вплоть до тех отраслей, которые раньше состояли исключительно в ведении самого государства. Литература, искусство, наука, образование, торговля, промышленность, производство, развлечения, гигиена, музеи, дальние предприятия, полярные экспедиции, даже защита территории, помощь раненым и суды... все служат источником для проявления частной инициативы, облечённой в формы свободного сообщества. Такая тенденция, такая отличительная черта второй половины XIX века.

Эта тенденция, свободная в своём развитии, найдёт новое обширное поле для применения и послужит основой для общества будущего. Социальная коммуна организуется путём свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью „равных” всех индивидуумов, разбросанных по различным концам земного шара.

Парижская Коммуна.

I.

18 марта 1871 года Париж возстал против ненавистного и всемирно презираемого правительства и провозгласил себя свободным и независимым.

Это низвержение центральной власти произошло само собой, без ужасов, сопровождающих революции: в этот день не было ни одного выстрела, не было крови, пролитой на баррикадах. Правители исчезли при виде вооружённого народа на улицах; войска очистили город; сановники поспешили скрыться в Версаль, унося с собой все, что было возможно. Правительство испарилось, как гнилое болото, осушённое весенним ветром, и девятнадцатого Париж, не пролив ни капли крови, был свободен от смрада, заражавшего великий город.

Эта мирная революция открыла новую эру в серии революций, ведущих человечество от рабства к свободе. Под именем Парижской Коммуны возникла новая идея, призванная стать исходным пунктом всех будущих революций.

Как все великие идеи, она не была продуктом концепций философа или учёного: она создалась коллективной мыслью и работой цела народа. Эта идея была крайне неопределённая вначале; даже те, которые стремились привести её в исполнение и посвятили ей свою жизнь, не понимали всего её значения. Они не отдавали себе отчёта в революции, которую сами создавали; не понимали величия того нового принципа, который стремились осуществить. Только в послыдающей работе мысли этот новый принцип выяснился, определился и предстал во всей своей красоте и справедливости.

За пять, за шесть лет до Коммуны, в эпоху усиленного развития социализма, перед подготовителями будущей социальной революции предстал следующий основной вопрос: надо было найти способ политической группировки общества, наиболее соответствующий той великой экономической революции, которой требует от нашего поколения существующий промышленный строй и которая приведёт к уничтожению частной собственности и предоставлению во всеобщее пользование богатств, накопленных предыдущими поколениями.

Интернациональный Союз Трудящегося Народа дал ответ на этот вопрос. Группировка, – говорит он, – не может ограничиться одной нацией: она должна перешагнуть через искусственные границы. И вскоре эта великая идея

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
охватила умы народовъ, овладѣла ихъ сердцами. Преслѣдуемая лигой всѣхъ реакцій, она не погибла; какъ только препятствія, мѣшající ея развитію, падуть по повелѣнію возставшихъ народовъ, она возродится, полная силы и могущества.

Но что будетъ представлять изъ себя подобная обширная ассоціація?

Двѣ могучихъ идеи отвѣтили на этотъ вопросъ: Народное Государство или Анархію.

Нѣмецкіе социалисты говорятъ, что все накопленные богатства должны быть сосредоточены въ рукахъ государства, которое предоставитъ ихъ рабочимъ ассоціаціямъ, организуеъ производство и обмѣнъ и будетъ слѣдить за жизнью и работой общества.

На это болѣе опытные социалисты латинской расы имъ возражаютъ, что подобное государство, – если-бы даже оно могло существовать, – было-бы самой ужасной изъ тираній. Этому идеалу, заимствованному изъ прошлаго, они противопоставляютъ новый идеалъ – анархію, т. е. полное уничтоженіе государства и организацію, основанную на свободномъ союзѣ народныхъ силъ, на добровольномъ соглашеніи производителей и потребителей.

Многіе сторонники Народнаго Государства, наименѣе зараженные правительственными предрасудками, признаютъ въ Анархіи наиболѣе совершенную организацію; но анархическіе идеалы, по ихъ мнѣнію, такъ далеки отъ насъ, что намъ незачѣмъ ими заниматься. Съ другой стороны, анархической теоріи не доставало ясной и конкретной формулы, чтобъ опредѣлить свою исходную точку, оформить свои концепціи, доказать, что она опирается на стремленія самого народа. Союзъ ремесленныхъ корпорацій и потребительныхъ группъ, распространяющійся за искусственные границы, выходящій за предѣлы существующихъ государствъ, казался въ то время невозможнымъ. Кромѣ того, было ясно, что онъ не можетъ охватить всего разнообразія человѣческихъ проявленій. Надо было найти для анархіи болѣе ясную и доступную формулу.

Если-бы дѣло шло исключительно о выработкѣ теоретическихъ формулъ, мы-бы сказали: оставимъ всѣ теоріи! Но пока новая идея не получила яснаго и точнаго опредѣленія, она не овладѣваетъ умами, не вдохновляетъ на рѣшительную борьбу. Народъ боится неизвѣстности и не берется за дѣло, пока у него нѣтъ, какъ точки опоры, вполне опредѣленной и ясно сформулированной идеи.

Эту точку опоры указала ему сама жизнь.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ осады изолированный Парижъ узналъ какъ великъ избытокъ его экономическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ средствъ, какова сила его инициативы. Онъ видѣлъ, что шайка болтуновъ, захватившая власть, неспособна организовать ни защиты Франціи отъ внѣшнихъ враговъ, ни ея внутренняго благоустройства. Онъ понялъ, что центральная власть препятствуетъ всякому свободному проявленію мысли и силъ великаго города, что правительство безсильно отражать удары и не можетъ облегчить эволюцію человѣчества. Во время осады онъ видѣлъ самую ужасную нищету, нищету своихъ рабочихъ и защитниковъ наряду съ наглою роскошью правителей бездѣльниковъ. Онъ понялъ, что центральная власть была причиной гибели всѣхъ его стремленій къ свободѣ, его попытокъ разрушить этотъ гнусный режимъ. Естественно возникла у него мысль преобразовать Парижъ въ независимую коммуну, способную осуществить все то, что продиктуетъ ей свободная мысль народа! Слово „Коммуна” вырвалось тогда изъ всѣхъ устъ.

Коммуна 1871 года – первая попытка. Рожденная на исходѣ войны, стиснутая двумя арміями, готовыми протянуть другъ другу руки, чтобъ раздавить народъ, она не посмѣла вступить на путь экономической революціи. Она не объявила себя открыто социальной коммуной, не рѣшилась приступить къ экспроприаціи капиталовъ, къ организаціи труда. Она не порвала окончательно съ традиціями государства и представительства правительства, не постаралась осуществить въ Коммунѣ той организаціи, которую она представляла себѣ, провозглашая независимость и свободную федерацію коммунъ. Если-бы Парижская Коммуна просуществовала еще нѣсколько мѣсяцевъ, естественный ходъ событій натолкнулъ-бы ее на путь экономической революціи. Потребовалось четыре года непрерывныхъ возстаній, чтобъ монархія стала буржуазной республикой;

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
неудивительно, что парижский народ не сумел в один миг превратить государство грабителей в анархическую коммуны. Будущая революция будет коммунистической и осуществит все то, чего не успела сделать Парижская Коммуна.

Коммуна пала, и буржуазия мстила народу за страх, который он ей причинил своими попытками к освобождению.

Она доказала, что современное общество действительно разделено на два класса; с одной стороны рабочие, отдающие буржуазии больше половины своего производства и легко прощающие своим господам их обиды; с другой – бездельники с инстинктами дикаго зверя, ненавидящие своих рабов и готовые их растерзать за малейшую провинность.

Оцепив Париж войсками и закрыв народу все выходы, они напустили на него целую армию солдат, озверевших от казарм и вина и сказали им: „Убивайте этих волков, волчиц и волчат!”

Народу же они сказали[7]:

„Что бы ты ни делал, ты погибнешь! Застанут тебя с оружием в руках, – смерть! Сложишь ты оружие, – смерть! Будешь сопротивляться, – смерть! Будешь молить о пощаде – смерть! Куда ты ни взглянешь: направо, налево, вперед, назад, вверх, вниз, всюду – смерть! Ты не только вне закона, ты вне человечества. Ни возраст, ни пол не спасут ни тебя, ни твоих. Ты умрешь, но раньше ты насладишься agonией твоей жены, сестры, матери, дочерей, сыновей, младенцев, взятых из колыбели! На твоих глазах будут вытаскивать раненых из госпиталей, рубить их шашками, добивать ружейными прикладами. Ты увидишь, как твоих братьев, обезумевших от боли, будут тащить за сломанную ногу и окровавленную руку и бросать в канавы, как кучу нечистоты.

„Смерть! Смерть! Смерть!”

А послы диких оргий и надругательств над грудями трупов, послы массового истребления – мечь! мечь самая мелочная и отвратительная: плети, кандалы, каторга, нищета, оскорбления, голод и все самые утонченные проявления безумной жестокости!

Забудет ли народ все эти ужасы?

„Подавленная, но не побужденная”, Коммуна возрождается сегодня. Возрождается она, не как мечта побужденных, ласкающих в своем воображении красивый мираж, – нет! Коммуна стала определенной и близкой целью наступающей революции; эта идея проникла в массы, стала их лозунгом, объединила все народы под одним знаменем.

Мы видим, что наше поколение совершит социальную революцию в Коммуну, положит конец гнусной эксплуатации буржуазией, освободит народы от опеки государства, откроет в эволюции человечества новую эру свободы, равенства и солидарности.

II.

Десять лет прошло с тех пор, как парижский народ, низвергнув правительство предателей, захвативших власть в день падения Империи, учредил Коммуну и провозгласил свою полную независимость[8]. И все же этот день остался самым светлым в воспоминании народа, все же к нему обращены наши взоры и надежды. Годовщину 18 марта 1871 года предлагают друг другу торжественно праздновать пролетарии Старого и Нового Света. Завтра вечером сотни тысяч сердец будут биться в унисон при воспоминании о смелом восстании парижского пролетариата; рабочие Европы, Соединенных Штатов и Южной Америки протянут друг другу руки через границы и океаны.

Идея, за которую французский пролетариат проливал кровь в Париже и долгие годы страдал на берегах Новой Каледонии, – одна из тех необъятных революционных идей, которые несут в изгибах своего знамени все стремления народов, идущих к освобождению.

Конечно, если мы ограничимся разсмотрѣніемъ реальныхъ и осязательныхъ фактовъ, сопровождавшихъ Парижскую Коммуну, мы придемъ къ заключенію, что эта идея недостаточно обширна, что она охватила лишь минимальную часть революціонной программы. Но если мы проникнемся настроеніемъ, вдохновлявшимъ 17 марта народныя массы, если мы оцѣнимъ стремленія, пытавшіяся пробиться наружу и задавленные грудями труповъ, – мы поймемъ все значеніе этого возстанія и раздѣлимъ симпатіи къ нему рабочихъ массъ всего міра. Коммуна привлекаетъ и вдохновляетъ не тѣмъ, что она сдѣлала, а тѣмъ, что она обѣщаетъ дать въ скоромъ будущемъ человѣчеству.

Откуда эта неодолимая сила движенія 1871 года, притягивающая къ себѣ симпатіи всѣхъ угнетенныхъ? Почему идея Парижской Коммуны такъ привлекательна для пролетаріевъ всѣхъ странъ, всѣхъ національностей?

Отвѣтъ очень простъ. – Революція 1871 года была народнымъ движеніемъ. Созданная самимъ народомъ, родившаяся внезапно въ его нѣдрахъ, она въ угнетенныхъ массахъ нашла своихъ защитниковъ, своихъ героевъ и мучениковъ. Этого характера „canaille” не проститъ ей никогда буржуазія. Основной идеей этой революціи, – еще не опредѣлившейся, но уже ясно намѣченной, – была идея социальной революціи, пришедшей дать міру, после многихъ вѣковъ борьбы, настоящую свободу, настоящее равенство.

Эта была революція народа, идущаго завоевывать свои права.

Напрасно стараются исказить ея смыслъ и представить эту революцію, какъ простую попытку завоевать независимость Парижа и учредить такимъ образомъ маленькое государство во Франціи. Парижъ никогда не стремился изолироваться, какъ не стремился подчинить себѣ оружіемъ остальной Франціи. Онъ не хотѣлъ укрыться въ своихъ стѣнахъ, какъ бенедиктинецъ въ монастырѣ, не вдохновлялся узкой замкнутой жизнью. Когда онъ требовалъ независимости, когда онъ стремился помѣшать вторженію въ свои дѣла какого-бы то ни было центрального правительства, онъ видѣлъ въ этомъ средство для совершенія социального переворота, для спокойной выработки основъ будущей организаціи. Онъ мечталъ о революціи, которая преобразуетъ современный режимъ производства и обмена, измѣнитъ людскія отношенія и создастъ общество, основанное на равенствѣ, справедливости и солидарности.

Независимость была только средствомъ въ глазахъ Парижа; цѣлью его была социальная революція.

И онъ достигъ бы этой цѣли, если-бы революція 18 марта не была прервана въ своемъ бурномъ теченіи, если-бы парижскій народъ не былъ разстрѣлянъ картечью, изрубленъ шашками по приказанію версальскихъ убійцъ. Найти ясное, опредѣленное и доступное выраженіе для всего того, безъ чего не могла совершиться революція, было главною задачей Парижа съ перваго же дня его освобожденія. Но великія идеи не созрѣваютъ въ одинъ день, какъ-бы усиленно ни работала мысль, какъ бы ускоренно ни вырабатывались и ни пропагандировались новыя идеи въ періоды революцій. Имъ нужно время, чтобъ развиться, проникнуть въ массы, перейти въ дѣйствія, а этого времени не было у Парижской Коммуны.

Рожденная въ переходное время, на рубежѣ двухъ періодовъ развитія современнаго социализма, она не успѣла исполнить своей задачи. Что могъ дать свободнымъ мыслителямъ 1871 года признающій власть и правительство и даже религію коммунизмъ 1848 года? Гдѣ было найти парижанина, который согласился-бы запереться въ фаланстерскую казарму? Съ другой стороны, коллективизмъ, стремящійся впредь въ одну телѣгу заработную плату и коллективную собственность, оставался непонятымъ, мало привлекательнымъ и представлялъ непреодолимыя затрудненія при практическомъ примѣненіи. А свободный, анархическій коммунизмъ только что зарождался; онъ едва смѣлъ отражать нападки приверженцевъ правительства и власти.

Нерѣшительность царя въ умахъ, и социалисты, не имѣя передъ собой опредѣленной цѣли, не смѣли приступить къ уничтоженію частной собственности. „Обезпечимъ себѣ побѣду, а тамъ посмотримъ что дѣлать”, говорили они, успокаиваясь на этомъ шаблонномъ разсужденіи.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Обеспечить поб?ду! Но разв? можно основать свободную Коммуну, не коснувшись собственности! Разв? можно поб?дить враговъ, пока народъ не заинтересованъ въ торжеств? революціи, не уверенъ, что она принесетъ челов?честву матерьяльное, умственное и нравственное благосостояніе! Они пытались учредить Коммуну, откладывая навремя соціальную революцію, когда единственнымъ средствомъ учрежденія Коммуны является соціальная революція!

Провозглашая Свободную Коммуну, парижскій народъ провозгласилъ принципъ преимущественно анархическій. Но, такъ какъ въ это время анархическія идеи не проникли еще въ сознаніе народа, онъ остановился на поль-пути. Въ своей Коммун? онъ высказался за старый принципъ власти и учредилъ Сов?тъ Коммуны, на подобіе Городской Думы.

Разъ мы признаемъ, что центральное правительство абсолютно не нужно для регулированія соотношеній между коммунами, неужели мы допустимъ его необходимость для регулированія взаимныхъ отношеній между группами, составляющими Коммуну! Разъ мы предоставляемъ свободной инициатив? коммунъ право входить въ соглашенія относительно предпріятій, касающихся н?сколькихъ коммунъ, неужели мы откажемъ въ этомъ прав? группамъ, составляющимъ каждую коммуну? Правительство въ Коммун? не им?етъ большаго *raison d'etre*, ч?мъ правительство надъ Коммуной.

Въ 1871 году, парижскій народъ, низвергшій столько правительствъ, впервые возсталъ противъ самой правительственной системы; но онъ не сум?лъ освободиться отъ правительственнаго фетишизма и тоже учредилъ у себя правительство. Мы знаемъ, каковы были посл?дствія. Онъ послалъ своихъ сыновъ въ Городскую Думу. Тамъ, вынужденные управлять, когда ихъ уб?жденія требовали работы совм?стно съ народомъ, вынужденные разсуждать, когда надо было д?йствовать, они поняли всю бессмысленность своего положенія, все свое безсиліе. Утративъ вдохновеніе, вдали отъ народа, этого очага революціи, они въ свою очередь парализовали народную инициативу.

Зарожденная въ переходное время, въ періодъ глубокаго перерожденія социализма, осуществленная на исход? войны, въ изолированномъ очаг?, подъ громомъ пушекъ, Парижская Коммуна должна была погибнуть.

Но своимъ пролетарскимъ характеромъ и соціальными идеями, она положила начало новой эр? въ серіи революцій и была предв?стницей Великой Соціальной Революціи. Массовыми избіеніями, неслыханными жестокостями, гнуснымъ изд?вательствомъ своихъ палачей надъ заключенными, буржуазія вырыла непроходимую пропасть между собой и пролетаріатомъ. Своей местью и оргіями каннибаловъ, она произнесла надъ собой смертный приговоръ. Теперь народъ знаетъ, съ к?мъ онъ им?етъ д?ло; знаетъ, что его ожидаетъ, если во время будущей революціи онъ не одержитъ р?шительной поб?ды.

Когда Франція покроется с?тью возставшихъ коммунъ, народъ не изберетъ уже себя? правительства и не будетъ ждать его приказаній. Изгнавъ вс?хъ паразитовъ, нас?вшихъ на него, онъ завлад?етъ общественными богатствами, и отдастъ ихъ во всеобщее пользованіе, согласно принципамъ анархическаго коммунизма. Онъ уничтожитъ частную собственность, правительство и государство и устроитъ свою жизнь на свободныхъ началахъ, продиктованныхъ ему силой необходимости. Разорвавъ ц?пи и разбивъ идола, челов?чество откроетъ себя? путь къ лучшему будущему. Въ своемъ гордомъ шествіи къ завоеванію свободы оно забудетъ, что были рабы и хозяева, и будетъ поклоняться только т?мъ великимъ мученикамъ, которые своею кровью и страданіями положили начало его эмансипаціи.

III.

Празднества и публичныя собранія, организованныя въ память 18 марта во вс?хъ городахъ, гд? есть соціалистическія группы, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ они ярко выражаютъ настроеніе социалистовъ всего міра. Это праздники труда, праздники пролетарія. На этихъ митингахъ соціалисты высказываютъ свои новыя идеи и стремленія и обсуждаютъ событія 1871 года. Они не ограничиваются т?мъ, что восхваляютъ героизмъ парижскаго пролетаріата и призываютъ мстить виновникамъ майскихъ избіеній. Они стремятся доказать, что предразсудки о частной собственности и власти, царившіе въ то время въ пролетарскихъ организаціяхъ, пом?шали осуществленію Коммуны, не дали революціонной иде? развиться и осв?тить міръ своими

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
живительными лучами.

1871 годъ послужилъ урокомъ для пролетаріевъ всѣхъ странъ. Они поняли, какова должна быть ихъ будущая революція и порвали со старыми предрассудками.

Будущее возстаніе коммунъ не будетъ уже простымъ коммунистическимъ движеніемъ. Народъ опередилъ тѣхъ, которые думаютъ, что надо учредить Коммуну и потомъ въ ней производить экономическія реформы. Онъ знаетъ, что только кореннымъ социальнымъ переворотомъ и уничтоженіемъ частной собственности будущія коммуны обезпечатъ себѣ независимость.

Въ день торжества социальной революціи, когда правители будутъ изгнаны, и буржуазія, поддерживаемая нынѣ государствомъ, потеряетъ свою силу – возставшій народъ не провозгласитъ уже новаго правительства и не будетъ ждать, чтобы оно со свойственной ему мудростью, объявило экономическія реформы. Онъ уничтожитъ частную собственность насильственной экспроприацией и завладѣетъ, во имя народа, всѣми общественными богатствами, добытыми тяжелымъ трудомъ предыдущихъ поколѣній. Онъ покинетъ свои сырые подвалы и переселится въ свѣтлые дома буржуевъ. Онъ немедленно примется за обработку естественныхъ богатствъ и постарается утилизировать цѣнности, накопленныя въ городахъ. Онъ самъ возьмется за производство и будетъ пользоваться общественнымъ капиталомъ такъ, какъ будто онъ никогда не былъ похищенъ у него буржуазіей. Когда капиталисты будутъ отстранены отъ промышленности, производство, уничтоживъ убивающія его спекуляціи, переродится и будетъ развиваться соотвѣтственно требованіямъ свободнаго труда. – „Никогда не пахали во Франціи такъ усердно, какъ въ 1793 году, когда земля была вырвана изъ рукъ сеньеровъ”, говоритъ Мишле. – Никогда не работали такъ, какъ будутъ работать въ тотъ день, когда трудъ станетъ свободнымъ и успѣхъ каждаго рабочаго будетъ источникомъ благосостоянія для всей Коммуны.

Среди социалистовъ существуютъ различныя взгляды на общественную собственность. Школа коллективистовъ, замѣняя коллективизмъ стараго Интернаціонала доктринерскимъ коллективизмомъ, стремится установить различіе между капиталомъ, предназначеннымъ для производства, и капиталомъ, идущимъ на удовлетвореніе первыхъ нуждъ. Машины, мастерскія, сырой матеріалъ, пути сообщенія и земля съ одной стороны, жилища, мануфактурные продукты, одежда и съѣстные припасы съ другой. Первые должны быть коллективной собственностью, вторые – частной.

Но народъ, со свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, убѣдился, что это различіе – кажущееся и что точно установить его невозможно. Онъ понялъ, что дома, укрывающіе насъ; уголь и газъ, сжигаемые нами; пища, поддерживающая нашу жизнь; одежда, защищающая насъ; книга, дающая намъ знанія, и даже развлеченія – являются необходимыми условіями нашего существованія. Они не менѣе способствуютъ успѣхамъ промышленности и прогрессивному развитію человечества, чѣмъ машины, сырой матеріалъ и другіе предметы производства. Народъ понялъ, что сохранить частную собственность на эти предметы, значило-бы сохранить неравенство, угнетенія, эксплоатацію и заранѣе парализовать всѣ результаты частичной экспроприаціи. Перескочивъ черезъ препятствія, поставленныя теоретическимъ коллективизмомъ, народъ идетъ къ коммунизму, не признающему власти (*commnisme anti-autoritaire*).

На революціонныхъ собраніяхъ пролетаріи предъявляютъ свои права на всѣ общественныя богатства и требуютъ уничтоженія частной собственности, какъ для потребительныхъ, такъ и для производительныхъ цѣнностей. „Въ день Соціальной Революціи мы завладѣемъ всѣми естественными богатствами, всѣми цѣнностями, накопленными въ городахъ, и предоставимъ ихъ во всеобщее пользованіе”, говорятъ представители рабочихъ массъ.

„Пусть каждый беретъ изъ общей кучи все, что ему нужно, и будьте уверены, что въ житницахъ нашихъ городовъ хватитъ пищи, чтобы прокормить весь міръ до дня объявленія свободы производства, достаточно одежды, чтобы одѣть всѣхъ, и даже предметовъ роскоши хватитъ на весь міръ”.

Однимъ словомъ, пролетарскія массы требуютъ отъ революціи: немедленнаго введенія анархическаго коммунизма и свободной организаціи производства. Эти два пункта окончательно установлены. Коммуны надвигающейся революціи не повторяютъ ошибокъ своихъ предшественниковъ, которые своими страданіями и

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
пролитой кровью открыли человечеству путь к лучшему будущему.

Относительно взглядов на правительство среди социалистов существуют различные мнения.

Одни говорят, что в день наступления революции надо учредить правительство и передать ему власть. Сильное и решительное, оно произведет революцию, издавая соответствующие постановления и строго следя за их исполнением.

„Печальное заблуждение!“ – говорят другие. – „Центральное правительство, составленное из разнородных элементов и призванное управлять одной нацией, будет служить помехой для революции, так как в силу самой природы власти оно должно быть консервативным. Неспособное вселить революционный дух в отсталые коммуны, оно будет препятствовать развитию революции в коммунах, идущих впереди движения. Внутри-же возставшей коммуны правительство или будет санкционировать факты, уже совершившиеся и следовательно станет излишним и даже вредным; или же будет действовать по своей воле, т. е. регламентировать то, что должно быть свободно выработано народом, приманять теории там, где должна действовать свободная творческая сила социального организма, создающего новые формы общественной жизни. Люди, облеченные властью, запершись в канцеляриях будут тратить на праздные споры т. способности и силы, которые при совместной работе с народом могли-бы быть употреблены на основании новых организаций. Безсильное там, где нужно настоящее дело, правительство будет служить тормазом для рационального развития человечества“.

Как бы естественно и справедливо не было это суждение, оно сталкивается с инстинктивными предубеждениями и встречает сопротивление со стороны тех, кому выгодно поддерживать религию правительства наряду с религией собственности и религией божества.

Бог, Собственность и Правительство – вот самые опасные препятствия для будущей революции.

Однако, эти предубеждения уже сильно поколеблены. „Мы сами устроим свои дела, без вмешательства правителей. Нам не нужна опека священника, собственника и правителя“, говорят уже пролетарии. Анархисты в свою очередь энергично борются с поклонением этим принципам и надо надеяться, что ко дню наступления революции они будут достаточно поколеблены, чтобы не увлечь пролетарские массы на ложный путь.

Однако, есть существенный пробел в деятельности революционных союзов. Дело в том, что почти ничего не сделано для деревни. Все ограничилось городами. Деревня, казалось, не существовала для городских рабочих. Ораторы даже избегают упоминать в своих речах о деревне и о земле. Не зная стремлений крестьян, они не решаются говорить от их имени. Нужно-ли доказывать, насколько это опасно? – Эмансипация пролетариата неосуществима, пока революционное движение не охватит деревни. Возстанье не продержится более года, если оно не встретит сочувствия среди крестьян. Когда налоги и подати будут уничтожены, конечно, крестьяне поймут преимущества революции. Но было бы крайне неосторожно рассчитывать на то, что революционные идеи проникнут из городов в деревни без предварительной пропаганды. Надо узнать, каковы стремления крестьянина, каковы его взгляды на земельную собственность, как он понимает надвигающуюся революцию. Надо познакомить его с деятельностью городских пролетариев и доказать ему, что они не будут вредить земледельцу. Необходимо, чтобы рабочие привыкли уважать крестьянина и действовать с ним за одно.

Рабочие должны действовать пропагандой в деревнях. В каждом городе должна быть маленькая специальная организация, в состав Аграрной Лиги, для пропаганды среди крестьян. Необходимо, чтобы к этой пропаганде относились так же, как к пропаганде в промышленных центрах.

От этого зависит успех революции. Только в тот день, когда рабочий и земледельец, рука об руку, пойдут завоевывать Равенство для всех, революция победит мир и принесет счастье всему человечеству, как в убогую хижину, так и в богатые сооружения крупных промышленных

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
агломераций.

Аграрный вопрос.

I.

Вопрос первостепенной важности предсталъ сейчасъ передъ Европой и требуетъ немедленнаго разрѣшенія. – Аграрный вопросъ, вопросъ о томъ, какова должна быть новая форма владѣнія и обработки земли? Кому будетъ принадлежать земля? Кто будетъ ее обрабатывать и какъ? никто не станетъ отрицать всей важности этого вопроса. Тѣ, которые внимательно слѣдятъ за крестьянскимъ движеніемъ въ Ирландіи, въ Англіи, въ Испаніи, въ Италіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Россіи, знаютъ, что въ деревняхъ, среди всѣми презираемаго класса земледѣльцевъ, готовится сейчасъ грандіозная революція.

Соціалистамъ все еще продолжаютъ возражать, что соціальные вопросы интересуютъ исключительно городскихъ рабочихъ, не затрагивая крестьянъ. Если уничтоженіе частной собственности и экспроприация фабрикантовъ и заводчиковъ встрѣчаютъ сочувствіе въ городахъ, то дѣло обстоитъ совершенно иначе въ деревняхъ. Крестьяне не довѣряютъ соціалистамъ и, если когда-нибудь городскіе рабочіе захотятъ привести въ исполненіе свои планы, то деревенскіе жители сумѣютъ помѣшать имъ.

Это возраженіе имѣло дѣйствительно нѣкоторое значеніе лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Тогда крестьяне, менѣе нуждающіеся и болѣе покорные, не выражали признаковъ неудовольствія и предавали себя на волю Божію. Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе. Концентрація недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ богачей, развитіе все растущаго деревенскаго пролетаріата, тяжелые налоги, подавляющіе земледѣліе, вторженіе машиннаго производства, конкуренція Америки и Австраліи и, наконецъ, быстрый обмѣнъ идей значительно измѣнили положеніе дѣлъ за послѣдніе тридцать лѣтъ. Теперь вся Европа охвачена сильнымъ аграрнымъ движеніемъ, которое растеть съ каждымъ днемъ и придастъ будущей революціи значеніе, какого она никогда-бы не достигла, если-бы ограничилась только большими городами.

Кто изъ насъ не знаетъ, что происходитъ сейчасъ въ Ирландіи? Возстаніе противъ помѣщиковъ охватило больше половины страны. Крестьяне не платятъ владѣльцамъ земли арендныхъ денегъ; если-бы между ними и нашлись желающіе это сдѣлать, то они не посмѣли-бы послушаться Аграрной Лиги – могучей тайной организаціи, имѣющей свои отдѣленія во всѣхъ деревняхъ и строго карающей за неисполненіе своихъ приказаній

Помѣщики не рѣшаются требовать слѣдуемыхъ имъ денегъ, такъ какъ пришлось бы прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, а это неизбѣжно вызвало бы возстаніе. Если-бы кто-нибудь изъ помѣщиковъ вздумалъ изгнать крестьянина за невзносъ платы, то на защиту послѣдняго выступили-бы тысячи вооруженныхъ крестьянъ. Да и ферма такого помѣщика не нашла бы себѣ арендатора, такъ какъ Лига или какая-нибудь другая тайная организація приговорили-бы измѣнника къ смерти, а крестьяне сожгли-бы его нивы и истребили скотъ. Положеніе становится невыносимымъ для самихъ помѣщиковъ; въ однихъ уѣздахъ стоимость земли пала на двѣ трети, въ другихъ помещики являются лишь номинальными владѣльцами своихъ имѣній: они не смеютъ даже показаться крестьянамъ безъ охраны полиціи. Земля остается невоздѣланной, и, по словамъ *Financial Reformer* за 1879 годъ, цѣнность урожая пала на 250 милліоновъ франковъ, а количество обрабатываемыхъ земель уменьшилось на 33.000 гектаровъ.

Положеніе дѣлъ принудило Гладстона дать ирландскимъ представителямъ формальное обязательство представить въ парламентъ проектъ закона, по которому владѣнія крупныхъ помѣщиковъ будутъ отчуждены и употреблены на общественныя нужды, земля будетъ объявлена собственностью націи и продана народу на условіяхъ ежегодныхъ погашеній въ теченіи 25 лѣтъ. Такой законъ не могъ быть, конечно, вотированъ англійскимъ парламентомъ, такъ какъ онъ нанесъ бы смертельный ударъ принципу земельной собственности въ Англіи. Уладить конфликтъ мирнымъ путемъ не предвидится никакой возможности. Повсемѣстное возстаніе крестьянъ можетъ быть предотвращено еще разъ, какъ въ 1846 году; но не далекъ тотъ день, когда ирландскій народъ выйдетъ, наконецъ, изъ терпѣнія после столькихъ ненужныхъ страданій и обманутыхъ надеждъ. Какъ только произойдетъ малѣйшая дезорганизація власти въ Англіи, ирландскій крестьянинъ, подстрекаемый тайными обществами, поддерживаемый мелкой деревенской буржуазіей, жаждущей для своей выгоды наступленія новаго 1793 года, выйдетъ изъ своихъ берлогъ и осуществитъ все то, о чемъ ему

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
говорили агитаторы. Онъ подожжетъ дворцы, завладѣетъ хлебами помѣщиковъ и захватитъ земли, о которыхъ онъ мечтаетъ уже столько лѣтъ.

Перенесемся на другой конецъ континента, въ Испанію, и посмотримъ, что дѣлается тамъ. Въ Андалузіи и Валенсіи, гдѣ земельная собственность сосредоточена въ рукахъ небольшого числа лицъ, цѣлые легіоны голодныхъ крестьянъ ведутъ непрерывныя войны съ помѣщиками. Подъ прикрытіемъ ночи они истребляютъ стада, поджигаютъ амбары, уничтожаютъ плантаціи; каждому, посмѣвшему выдать предводителей, и судья, привлекающему ихъ къ отвѣтственности, не избѣжать смерти. Въ Валенсіи стачка мелкихъ фермеровъ, отказывающихся платить арендныя деньги, продолжается годами; горе дерзнувшему нарушить это взаимное соглашеніе!

Могучая тайная организація, вывѣсивая по ночамъ на деревьяхъ прокламаціи, постоянно напоминаетъ своимъ союзникамъ, что если они измѣнятъ общему дѣлу, имъ грозитъ истребленіе жатвъ и скота, и даже смерть.

Въ другихъ частяхъ Испаніи, гдѣ собственность раздроблена, само государство дѣлаетъ все возможное, чтобы вызвать недовольство. Оно отягощаетъ мелкихъ собственниковъ безконечными налогами: національными, провинціальными, городскими, постоянными и временными. Десятки тысячъ мелкихъ помѣстій конфискуются государствомъ и не находятъ себѣ покупателей на публичныхъ торгахъ. Населеніе деревень совершенно разорено почти во всѣхъ провинціяхъ и голодъ заставляетъ крестьянъ объединяться и возставать противъ налоговъ.

Таково-же положеніе въ Италіи. Во многихъ провинціяхъ земледѣльцы разорены въ конецъ. Доведенные до нищеты государствомъ, они не платятъ налоговъ, и правительство отнимаетъ у нихъ послѣдній клочекъ земли. Въ теченіе года 6644 мелкихъ имѣній, стоимостью въ среднемъ по 99 франковъ, были отобраны. Удивительно-ли, что въ этихъ провинціяхъ царитъ непрерывное возстаніе! То фанатикъ, проповѣдующій религіозный коммунизмъ, увлекаетъ за собой тысячи крестьянъ и настраиваетъ ихъ такъ, что разогнать сектантовъ можно лишь градомъ пуль; то цѣлыя деревни захватываютъ невоздѣланныя поля помѣщиковъ и обрабатываютъ ихъ для себя; то громадныя толпы крестьянъ собираются на площадяхъ передъ Городской Думой и требуютъ, подъ угрозой возстанія, хлѣба и работы.

Пусть не говорятъ намъ, что это единичные факты! До мая 1789 года возстанія французскихъ крестьянъ повторялись не чаще и были менѣе сознательными, а между тѣмъ они послужили основой для революціи большихъ городовъ!

На восточной окраинѣ Европы, въ Россіи, аграрный вопросъ своимъ теченіемъ напоминаетъ положеніе Франціи до 1789 года. Крѣпостное право уничтожено и каждая община владѣетъ землей; но надѣлы такъ малы, земля мѣстами такъ неплодородна, а подати, налоги и выкупныя платежи такъ велики, что больше трехъ четвертей крестьянъ доведены до самой ужасной нищеты. Хлѣба не хватаетъ, и достаточно одного неурожайнаго года, чтобы голодъ свирѣпствовалъ въ цѣлыхъ губерніяхъ, унося многочисленныя жертвы.

Но прошло то время, когда крестьяне безропотно переносили всю тягость своего положенія. Новая идея и стремленія къ лучшему будущему зарождаются въ деревняхъ, имѣющихъ сношенія съ крупными центрами, благодаря сѣти шоссеиныхъ дорогъ. Крестьяне со дня на день ждутъ событій, которые положатъ конецъ современному экономическому строю и отдадутъ имъ во владѣніе землю, принадлежащую народу по праву. Если какой-нибудь Артуръ Юнгъ объѣдетъ сейчасъ Россію, какъ онъ объѣзжалъ Францію наканунѣ 1789 года, онъ услышитъ изъ устъ русскихъ крестьянъ тѣ же слова надежды и завѣтныя желанія, которыя записаны въ его книгѣ. Повсемѣстно начались крестьянскіе бунты. Недовольство растетъ, и стоитъ только политическимъ событіямъ вызвать малѣйшее замѣшательство въ правительствѣ, чтобы среди голодныхъ крестьянъ, поддерживаемыхъ мелкой деревенскою буржуазіей, возникло сильное аграрное движеніе. Мятежи вспыхнутъ во всѣхъ концахъ, возстаніе охватитъ всю Россію, будетъ продолжаться годами и, изнуливъ армію и правительство, положитъ начало грандіозной революціи, имѣющей громадное значеніе для всей Европы.

Но если аграрное движеніе приметъ во всѣхъ этихъ странахъ значительныя размѣры, если въ нихъ произойдетъ экспроприація земель, если вся старая Европа будетъ окружена, какъ огненнымъ кольцомъ, крестьянскими бунтами,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org неужели все это не отразится на центр? Европы, на такъ-называемыхъ цивилизованныхъ странахъ? Въ этомъ не можетъ быть сомн?нія. Если мы ознакомимся съ аграрнымъ положеніемъ Англїи, Франціи, Германїи и Швейцарїи, если мы обратимъ вниманіе на могучее вліяніе новаго элемента, заставляющаго Англїю бить тревогу, если мы вникнемъ въ новыя идеи и стремленія, захватившія крестьянъ, мы придемъ къ уб?жденію, что аграрный вопросъ требуетъ немедленнаго разр?шенія во всей Европ?: какъ въ Россїи, такъ и въ Англїи, какъ въ Италїи, такъ и во Франціи. Мы поймемъ, что положеніе стало невыносимымъ, что такъ дальше итти нельзя. Не далеко тотъ день, когда современный общественный строй долженъ будетъ уступить м?сто новому порядку вещей, порядку, который переродитъ режимъ собственности и обработки земли. Тогда крестьянинъ не будетъ больше парїемъ общества, онъ займетъ достойное м?сто на пиру жизни и прогресса. Тогда деревня перестанетъ быть очагомъ невежества и будетъ центромъ, испускающимъ лучи счастья и благосостоянія на всю страну.

II.

Въ предыдущей глав? мы вид?ли, насколько плачевно, в?рн?е возмутительно положеніе крестьянъ въ Ирландїи, въ Италїи, во Франціи и въ Россїи. Зд?сь аграрное возстаніе – вопросъ дня. Но въ Англїи, Германїи, Франціи и даже Швейцарїи, въ этихъ странахъ, которые мнятъ себя цивилизованными, положеніе землед?льца также невыносимо.

Возьмемъ для прим?ра Англїю. Дв?сти л?тъ тому назадъ – это была страна, въ которой землед?лецъ, обрабатывая землю принадлежащую ему, пользовался н?которымъ благосостояніемъ. Теперь – это страна баснословно богатыхъ пом?щиковъ и доведеннаго до нищеты землед?льческаго пролетарїата.

Четыре пятыхъ пахатной земли, около 23.976.000 гектаровъ, составляютъ собственность 2.340 крупныхъ пом?щиковъ; треть Англїи принадлежитъ 710 лордамъ, такой-то маркизь про?зжаетъ 30 миль, не выходя за пред?лы своихъ влад?ній; такому-то графу принадлежитъ ц?лая провинція; между т?мъ, какъ остальные собственники, приблизительно поль милліона семействъ, должны довольствоваться одной третью гектара на долю cadaго.

Дв? тысячи триста сорокъ семействъ получаютъ баснословные доходы, отъ 100.000 франковъ до 10.000.000 франковъ въ годъ. Маркизь Вестминстерскїй получаетъ 25.000 франковъ въ день т. е. 1.000 франковъ въ часъ – больше ч?мъ рабочїй въ теченіе ц?лага года. А въ это время сотнямъ тысячъ семействъ землевлад?льцевъ едва удается заработать тяжелымъ трудомъ отъ 300 до 1.000 франковъ въ годъ. Крестьянинъ, обрабатывающїй землю, считаетъ себя счастливымъ, если, работая по четырнадцати или даже шестнадцати часовъ въ сутки, онъ получитъ отъ 12 до 15 франковъ въ нед?лю – ровно столько, чтобъ не умереть съ голоду.

Позорное богатство и бессмысленныя траты безд?льниковъ наряду съ в?чной нищетой крестьянина.

Вы читали, должно быть, что, благодаря сосредоточенію собственности въ рукахъ небольшого числа лицъ, Англїя стала самой культурной страной. Лорды не обрабатываютъ сами своихъ земель и отдаютъ ихъ въ аренду фермерамъ, но за то фермеры – говорятъ вамъ – д?лаютъ изъ этихъ влад?ній образцы рациональнаго землед?лія.

Это все было в?рно когда-то; теперь же д?ло обстоитъ совс?мъ иначе.

Огромныя пространства остаются невозд?ланными или обращаются въ парки, чтобъ осенью пом?щикъ могъ устраивать въ нихъ охоту для своихъ гостей. Н?сколько тысячъ людей нашли бы себ? пропитаніе на этихъ земляхъ. Но хозяину н?тъ до этого д?ла: онъ безумно расточаетъ свое состояніе и для удовлетворенія своихъ прихотей отнимаетъ у крестьянина посл?дній клочекъ земли.

Огромныя пространства, которые когда-то возд?львались, отданы теперь подъ пастбища. Тысячи и тысячи землед?льцевъ были изгнаны пом?щиками, ихъ поля, кормившія народъ, превращены въ луга для разведенія быковъ, служащихъ пищею богачамъ. Количество зас?еваемой земли со дня на день уменьшается.

Даже фермеры, возд?львающїе отъ 50 до 100 гектаровъ земли, эти мелкіе

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
буржуа, стремящиеся стать господами и жить чужим трудом, раззорятся теперь. Внося громадные арендные деньги, они не могут улучшить своего хозяйства и бороться с конкуренцией Америки и Австралии. Газеты полны объявлений о продажах с торгов их ферм.

Вот каково аграрное положение Англии. Народ, оторванный от земли, стремится в большие города, в мануфактурные центры, где идет ожесточенная конкуренция между голодающими. Земля сосредоточена в руках горсти помещиков, получающих баснословные доходы и расточающих их на бессмысленную и непроизводительную роскошь. Посредники, фермеры хотели бы стать мелкими собственниками, но, разоренные непомерной арендной платой, они переходят на сторону народа, чтобы помочь ему вырвать землю из рук крупных помещиков. Это ненормальное положение земельной собственности отражается на жизни всей страны.

Удивительно-ли, что крик „Национализация земли!“ и стал девизом всех недовольных. Лига Земли и Труда еще в 1869 году требовала конфискации земель крупных помещиков; теперь эта идея получила широкое распространение. Лига деревенских рабочих, насчитывающая у себя 150.000 членов, стала также требовать экспроприации земель помещиков, между тем, как десять лет тому назад единственной ее целью было поднять заработную плату путем стачек.

Ирландская Лига Земли ведет широкую пропаганду в Шотландии и Англии и везде встречает сочувствие. Мы знаем каковы будут ее дальнейшие действия. Она объявит, что арендная плата уменьшена на одну четверть, по решению лиги. Она будет всеми силами препятствовать изгнанию крестьян, вносящих три четверти арендной платы и терроризировать трусов, вносящих деньги сполна. Став организованной силой, она вооружит крестьян и объявит отмену арендной платы. В решающий момент она сделает то, что делали французские крестьяне от 1789 до 1793 года: огнем и мечем принудит помещиков отказаться от своих прав на землю.

Трудно предвидеть, какова будет новая форма владения землей в Англии после революции; это зависит от продолжительности революции и от противодействия, которое аристократия и буржуазия окажут революционным идеям. Однако несомненно, что Англия идет к уничтожению частной собственности и что этот переворот не произойдет мирным путем; для осуществления своих целей английской народ будет принужден прибегнуть к оружию.

III.

Франция.

Как будет возмущено население французских деревень, если оно прочтет, что пишут про его жизнь господа депутаты и экономисты. В своих красивых книгах они говорят: „почти все крестьяне состоятельны и вполне довольны своей судьбой: у них достаточно земли и скота; им не трудно платить налоги; арендная плата не высока, крестьяне получают большие доходы и ежегодными сбережениями увеличивают свое состояние“. Крестьяне от души ругают этих господ, и они вполне правы.

Разсмотрим, из каких элементов состоит двадцати четырех миллионное деревенское население и каково число тех, которые довольны своим положением.

Начнем с того, что во Франции около 8.000 помещиков владеют землями, приносящими от десяти до двухсот тысяч франков в год.

Они, конечно, довольны своей судьбой. Проведя несколько летних месяцев в своих поместьях, забрав доходы, полученные благодаря тяжелому труду наемных рабочих и фермеров, они устремляются в города, где спускают эти деньги.

Там они пьют шампанское полными бокалами с женщинами, которым бросают горсти золота, живут в роскошных дворцах и не знают чем украсить свой обеденный стол. Их ежедневного расхода хватило бы на прокормление целой

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
семьи въ теченіе полугода. Отъ этихъ сытыхъ баловней судьбы вы не услышите, конечно, жалобъ; если они и недовольны чѣмъ-нибудь, то исключительно тѣмъ, что крестьянинъ со дня на день становится менѣе сговорчивымъ и отказывается работать даромъ.

Не будемъ говорить о нихъ. Въ день революціи они услышатъ наше слово.

Ростовщики, маклера и торговцы, какъ коршуны, набрасываются на деревню и, придя изъ города почти безъ гроша, возвращаются туда богатыми собственниками и банкирами; нотаріусы и адвокаты возбуждаютъ и ведутъ процессы противъ крестьянъ; инженеры и чиновники грабятъ народъ и безсовѣстно расточаютъ государственныя и общественныя деньги. Вся эта шайка, какъ моль, съѣдаетъ деревню и разоряетъ города. Они, конечно, довольны существующимъ строемъ и не желаютъ никакихъ преобразованій. Крестьяне, доведенные до нищеты векселями; фермеры, разоряющіеся на процессы; бѣдняки, изъ которыхъ высасываютъ послѣдніе соки окружающіе ихъ пауки, – вотъ все, что нужно этимъ ростовщикамъ. Города и деревни, безпрекословно повинующіеся правителямъ; государство, расточающее общественное достояніе, – вотъ все, что нужно чиновникамъ. Когда Франція будетъ окончательно разорена, они пойдутъ набивать карманы въ Венгрію, въ Турцію и даже въ Китай. Ростовщичество не имѣетъ родины.

Эти эксплуататоры довольны своимъ положеніемъ. Но сколько ихъ? Пятьсотъ тысячъ? Милліонъ, можетъ быть? Вполнѣ достаточно, чтобъ разорить въ нѣсколько лѣтъ деревни, но слишкомъ мало, чтобъ оказать сопротивленіе возставшимъ крестьянамъ.

Разсмотримъ положеніе помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 50 до 200 гектаровъ земли. Имъ нѣтъ дѣла до благосостоянія челоучества, до чужой нищеты; въ случаѣ какихъ-нибудь преобразованій, единственной ихъ заботой будетъ удержать свои владѣнія. Если они находятся въ нуждѣ, ихъ не покидаетъ надежда выйти скоро изъ этого положенія: счастливая спекуляція, выгодное предпріятіе, смерть богатаго родственника, кончившаго жизнь самоубійствомъ, – и благосостояніе вернется. Нужда и трудъ имъ не знакомы. Для обработки своихъ земель, они нанимаютъ рабочихъ, платя имъ за тяжелый трудъ отъ 250 до 300 франковъ въ годъ.

Они, несомнѣнно, будутъ врагами революціи; уже теперь они враги свободы и равенства, оплотъ эксплуатаціи. Этихъ помѣщиковъ около 200,000, и они представляютъ значительную силу. Государство считается съ ними, а ихъ богатство обезпечиваетъ имъ большое вліяніе. Что станутъ дѣлать эти эгоисты во время революціи? Конечно, не сопротивлятсяъ потоку возставшихъ народовъ. Они благоразумно запрутъ у себя и будутъ ждать окончанія борьбы.

Помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 10 до 50 гектаровъ земли, значительно больше. Ихъ около 250,000, приблизительно 1.200,000 считая и семьи. Четверть пахотной земли всей Франціи принадлежитъ имъ.

Эти не порвали еще съ деревней и пользуются тамъ большимъ вліяніемъ. Они обрабатываютъ сами свои поля и остались до сихъ поръ, въ сущности говоря, крестьянами. На ихъ консервативный духъ и рассчитываютъ реакціонеры.

Въ первой половинѣ нашего вѣка этотъ классъ земледѣльцевъ, продуктъ великой революціи, пользовался нѣкоторымъ достаткомъ; тогда онъ былъ противъ всякихъ преобразованій, такъ какъ боялся потерять все завоеванное имъ во время революціи. Теперь условія значительно измѣнились. Во всей Франціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей (юго-запада, напримѣръ), земледѣльцы этой категоріи терпятъ уже нужду. Они не могутъ дѣлать сбереженій и увеличивать своихъ имѣній, которыя раздробляются вслѣдствіе раздѣловъ. Въ то же время арендныя условія стали такъ тяжелы, что имъ приходится платить бѣшенныя деньги за землю.

Владѣя клочками земли, разсѣянными тамъ и сямъ, они получаютъ скудные доходы и съ трудомъ выплачиваютъ повинности. Хлѣбопашество не приноситъ почти ничего, а скотоводство даетъ самые незначительные барыши.

Государство обременяетъ этихъ мелкихъ помѣщиковъ налогами и община тоже не щадитъ ихъ: лошадь, повозка, удобреніе – все обложено податью. Налоги

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
растутъ съ каждымъ днемъ и своими размѣрами напоминають времена монархіи.
Крестьянинъ опять сталъ вычнымъ скотомъ для государства.

Ростовщики разоряють ихъ; подати обременяють; фабриканты эксплуатируютъ,
заставляя платить за каждое орудіе тройную цѣну. Они только воображаютъ
себя владѣльцами своихъ имѣній, но на самомъ дѣлѣ не пользуются ихъ
доходами и работаютъ для обогащенія ростовщиковъ, для прокормленія
чиновниковъ, для доставленія шелковыхъ платьевъ и богатыхъ выѣздовъ женамъ
фабрикантовъ, для услажденія жизни всѣмъ городскимъ паразитамъ.

Вы думаете, крестьяне этого не понимаютъ! какъ же! Они прекрасно все знаютъ
и какъ только почувствуютъ въ себѣ силу, не замедлятъ стряхнуть съ себя иго
этихъ господъ, живущихъ на ихъ счетѣ.

Мы разсмотрѣли положеніе одной десятой деревенскаго населенія. – Поговоримъ
теперь объ остальныхъ.

Остальные – это четыре милліона отцевъ семействъ (всего около 18.000,000
человѣкъ), имѣющихъ въ лучшемъ случаѣ пять или три гектара земли, иногда
одну десятую гектара, а большею частью – ничего. Изъ нихъ 8.000,000 едва
сводятъ концы съ концами, воздѣлывая свой жалкій клочекъ земли и посылая
ежегодно въ городъ на заработки десятки тысячъ своихъ дѣтей; 7.000,000
живутъ тяжелымъ поденнымъ трудомъ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ имѣя домикъ и
маленькій садъ; одинъ милліонъ истощенныхъ, умирающихъ съ голоду живетъ изо
дня въ день, питаясь картофелемъ и хлѣбомъ... – Вотъ основное населеніе
французскихъ деревень.

Экономисты не принимаютъ въ расчетъ этой массы. Для васъ же она все; она –
народъ, а остальные – грибы-паразиты, присосавшіеся къ стволу стараго дуба.

И про этихъ людей намъ говорятъ, что они богаты, довольны судьбой, не
хотятъ переменъ и не станутъ слушать социалистовъ!

Замѣтимъ прежде всего, что каждый разъ, какъ мы говоримъ съ крестьянами,
просто и ясно излагая наши мысли, они охотно выслушиваютъ насъ. Мы имъ не
предлагали, правда, выбрать насъ депутатами, не излагали въ длинныхъ рѣчахъ
теорій научнаго социализма, не совѣтовали отдать землю въ руки
правительства, которое будетъ распредѣлять ее по усмотрѣнію своихъ
чиновниковъ. Если-бы мы имъ предложили подобныя глупости, они бы
дѣйствительно повернули намъ спину и были-бы совершенно правы.

Мы излагали крестьянамъ свои взгляды на революцію и всегда встрѣчали
сочувствіе; они говорили, что ихъ идеи и стремленія вполне совпадаютъ съ
нашими.

Вотъ, что мы говорили крестьянамъ:

„Раньше земля принадлежала коммунамъ, состоящимъ изъ земледѣльцевъ, которые
сами обрабатывали свои имѣнія. Но путемъ обмановъ, силы и ростовщичества,
спекуляторы завладѣли всей землей. Теперь крестьянинъ не имѣетъ клочка
земли для обработки и не можетъ прокормить своей семьи, между тѣмъ какъ
богачи не обрабатываютъ сами своихъ владѣній и выжимаютъ изъ нихъ послѣдніе
соки для удовлетворенія своихъ безумныхъ прихотей.

Надо, чтобы крестьяне, организовавъ коммуны, вернули себѣ свои земли и
отдали ихъ въ пользованіе тѣмъ, которые сами будутъ ихъ обрабатывать.

Закладъ недвижимыхъ имуществъ – явная несправедливость. Никто не имѣетъ
права за то, что одолжилъ вамъ денегъ, присвоить себѣ вашу землю, потому
что земля приобрѣла цѣну, благодаря труду вашихъ отцевъ, которые ее
воздѣлывали, строили деревни, проводили дороги, осушали болота; теперь она
производитъ только благодаря вашему труду. Интернаціональ будетъ считать
своимъ долгомъ сжечь всѣ ипотечныя бумаги и положить конецъ этому
постыдному установленію.

Налоги, взимаемые съ васъ, поѣдаются шайкой чиновниковъ, никому ненужной и
безусловно вредной. Упраздните же ихъ. Провозгласите вашу полную
независимость и объявите, что вы сами возьметесь за свои дѣла.

Вы хотите провести шоссейную дорогу? – Сговоритесь съ сосѣдними коммунами и вы это сдѣлаете лучше, чѣмъ министерство общественныхъ работъ. – Вамъ нужна желѣзная дорога? Заинтересованныя коммуны проложатъ ее гораздо лучше, чѣмъ подрядчикъ, который захочетъ нажать миллионы на этомъ предпріятіи. – У васъ нѣтъ школъ? Устраивайте ихъ сами, не прибѣгая къ помощи разныхъ господъ изъ Парижа.

Придется-ли вамъ защищаться отъ враговъ? Устраивайте сами свою защиту и не прибѣгайте къ помощи генераловъ, которые обязательно изменять вамъ.

Помните, что никогда ни одна армія не могла остановить нашествія завоевателей, между тѣмъ какъ народъ, когда онъ хотѣлъ сохранить свою независимость, побѣждалъ самыя сильныя арміи.

Вамъ нужны орудія, машины?

Войдите въ соглашеніе съ городскими рабочими, и они будутъ доставлять вамъ ихъ въ обмѣнъ на продукты; вы ихъ получите за свою цѣну, не переплачивая фабриканту, который наживается, обирая крестьянина-покупателя и рабочаго, изготовляющаго эти орудія.

Грозная сила правительства не страшна. Всѣ эти правительства, какъ-бы они не казались несокрушимыми, рухнуть подъ первыми ударами возставшаго народа. Не трудно предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ вся Европа будетъ охвачена революціей, которая подорветъ авторитетъ власти. Воспользуйтесь этимъ моментомъ, чтобъ произвести вашу революцію. Прогоните крупныхъ помѣщиковъ и объявите ихъ владѣнія общественной собственностью, уничтожьте ростовщичество, положите конецъ ипотекѣ и провозгласите вашу полную независимость. Городскіе рабочіе произведутъ тѣмъ временемъ свою революцію въ городахъ. Тогда организуйтесь свободно, основывайте коммуны; остерегайтесь тѣхъ, которые подъ видомъ благодѣтелей крестьянина будутъ навязывать вамъ свои услуги. Дѣлайте все сами, не надѣйтесь на другихъ”.

Вотъ, что мы говорили крестьянамъ.

Единственное возраженіе, которое мы встрѣтили съ ихъ стороны, касающъ не сущности нашихъ принциповъ, а ихъ практическаго примѣненія.

– „Все это вѣрно и было-бы осуществимо, говорили они, если-бы крестьяне могли сговориться!”

Такъ поможемъ-же имъ сговориться! Будемъ пропагандировать наши идеи, распространять прокламаціи, облегчать сношенія между деревнями, а въ день революціи пойдемъ сражаться съ ними, за нихъ.

День этотъ гораздо ближе, чѣмъ это предполагаютъ.

Представительное правительство.

I.

Наблюдая развитіе человѣческихъ обществъ, не считаясь съ его второстепенными временными признаками, мы убѣждаемся, что политическій режимъ всегда является выразителемъ экономическаго.

Политическая организація не можетъ быть преобразована по желанію законодателей; она, правда, мѣняетъ свои названія: предстаетъ сегодня подъ видомъ монархіи, завтра – республики, но не претерпѣваетъ при этомъ соотвѣтствующихъ измѣненій; она всегда поддѣляется подъ экономическій режимъ и служитъ его выраженіемъ, освященіемъ и оплотомъ.

Если политическій режимъ страны въ своей эволюціи отстанетъ отъ совершающагося въ ней экономическаго перерожденія, то въ рѣшительный моментъ онъ подвергается внезапнымъ измѣненіямъ и приспособляется къ существующему экономическому строю.

Обратно: если, въ случаѣ революціи, политическій режимъ опередитъ экономическое состояніе страны, онъ остается мертвой буквой, формулой, записанной въ хартияхъ, безъ практическаго примѣненія. Декларація Правъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Человек, какова бы ни была его роль в истории, является теперь лишь историческим документом; слова *Liberte, Egalite, Fraternite* останутся красивой мечтой, впрочем, ложью, пока свобода и равенство не станут основами экономического строя.

Всеобщая подача голосов не совместима с рабством, так же, как деспотизм не имеет места в обществе, основанном на так называемой свободе мировых сделок, впрочем, свободой эксплуатации.

Рабочие классы Западной Европы поняли уже эту простую истину. Они знают, что человечество будет продолжать прозябать при современном политическом строе, пока существует капиталистический режим. Они знают, что все политические институты, не смотря на их красивые названия, основаны на господстве сильного, возведенном в систему, на разврате, на подавлении всякой свободы, всякого прогресса и что изменить все это можно только установлением экономических отношений, основанных на принципе коллективной собственности. Они знают, что глубокая и плодотворная политическая революция немыслима без экономической.

Обратно, при связи, существующей между политическим и экономическим режимом, переворот в способах производства и распределения продуктов не может произойти без политической революции.

Уничтожение частной собственности и эксплуатации, установление коллективистического или коммунистического режима неосуществимы при наших парламентах и королях.

Новый экономический режим требует нового политического; эта истина проникла в сознание масс: народная мысль стремится разрешить одновременно оба эти вопроса. Она работает над созданием лучшего экономического и политического будущего; рядом со словами „Коллективизм” и „Коммунизм” мы слышим слова: Рабочее Государство, Свободная Коммуна, Анархия, или: анархический Коммунизм, коллективистическая Коммуна.

„Вы хотите, чтобы ваша работа была плодотворна? Освободитесь прежде всего от тысячи предрассудков, которые вам внушили!” – Этими словами начинал свои лекции один знаменитый астроном: они приложимы ко всем отраслям знания; к социальным же наукам, больше чем к естественным. С первых же шагов в этой области мы наталкиваемся на массу предрассудков, завещанных нам прошлыми веками, ложных идей, распространенных с целью обмануть народ, софизмов, тщательно выработанных – чтобы направить на ложный путь народную мысль.

Среди всех этих предрассудков наибольшего внимания заслуживает тот, который лежит в основе современных политических организаций и проявляется почти во всех социальных теориях. Этот предрассудок – вера в представительное правительство.

В конце прошлого века французский народ свергнул монархию и последний из королей икупил на эшафоте свои грехи и грехи своих предшественников.

Тогда же выяснилось, что все великое, хорошее, что дала революция, было делом отдельных лиц или групп, достигших своей цели, благодаря дезорганизации и слабости центрального правительства. Казалось, что именно в эту эпоху народ не должен был искать ига нового правительства, основанного на тех же принципах, как и только-что свергнутое.

Но, находясь под влиянием предрассудков и введенный в заблуждение кажущейся свободой и мнимым благосостоянием конституционных государств Америки и Англии, французский народ поспешил учредить у себя конституцию, – конституцию, которая она преобразовывала без конца, не изменяя однако принципу представительного правительства. Монархия или республика, не все ли равно! Народ не свободен: он управляется представителями, больше или меньше удачно выбранными. Он провозглашает свою свободу, свои права, и сам же спешит отречься от них. Он избирает депутатов и поручает им разобраться в безконечном разнообразии смелых интересов и сложных человеческих отношений.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Во всѣхъ государствахъ континентальной Европы эволюція приняла тотъ же характеръ. Всѣ они, одно за другимъ, свергаютъ абсолютныя монархіи и вступаютъ на путь парламентаризма. Даже деспотическій Востокъ слѣдуетъ ихъ примѣру: Болгарія, Турція, Сербія пытаются учредить у себя конституцію; Россія, и та стремится свергнуть иго камарильи, чтобы замѣнить его болѣе сноснымъ игомъ представительнаго собранія.

Ужаснѣе всего то, что Франція, открывая новые пути, не можетъ освободиться отъ старыхъ предразсудковъ. Народъ, разочарованный въ конституціонной монархіи, свергаетъ ее, но на слѣдующій же день онъ провозглашаетъ новое правительство, основанное на старыхъ началахъ – правительство, готовое предать народъ въ руки какого-нибудь злодѣя, который навлечетъ на прекрасныя долины Франціи нашествіе непріятелей.

Черезъ двадцать лѣтъ онъ повторяетъ ту же ошибку. Видя, что Парижъ покинутъ войсками и правительствомъ, народъ, предоставленный самому себѣ, не пытается установить той новой формы политической жизни, которая привела-бы къ новому экономическому режиму. Замѣнивъ слово Имперія – Республикой, а это послѣднее – Коммуной, онъ и здѣсь прибѣгаетъ къ представительной системѣ. Онъ передаетъ свои права выборному собранію и поручаетъ ему создать ту новую форму человѣческихъ отношеній, которая дала-бы Коммунѣ силу и жизнь.

Конституціи, разорванныя въ клочки, разлетаются подобно мертвымъ листьямъ, увлекаемымъ въ рѣку осеннимъ вѣтромъ! Освободиться отъ старыхъ предразсудковъ не такъ легко; уничтоживъ шестнадцатую конституцію, народъ создаетъ семнадцатую.

Даже въ теоріи мы встрѣчаемъ то же поклоненіе представительному принципу. Многіе реформаторы, разсматривая современное экономическое положеніе, требуютъ полнаго преобразованія способовъ производства и обмѣна и уничтоженія капиталистическаго режима. Но какъ только дѣло дойдетъ до ихъ политическаго идеала, они не рѣшаются коснуться представительной системы: въ Рабочемъ Государствѣ, и даже въ свободной Коммунѣ они стремятся сохранить представительное правительство.

Къ счастью, престижъ этого принципа падаетъ. Прослѣдимъ за развитіемъ представительнаго правительства. Мы имѣемъ возможность это сдѣлать. Оно функционировало и функционируетъ на открытой аренѣ Западной Европы во всемъ разнообразіи своихъ формъ – отъ умѣренной монархіи до революціонной коммуны. На него возлагали столько надеждъ, а оно явилось орудіемъ интригъ и личнаго обогащенія, препятствіемъ для развитія народа и проявленія его инициативы. Поклоненіе принципу представительства не имѣетъ большаго *raison d'être*, чѣмъ поклоненіе королевской власти. Теперь уже понимаютъ, что недостатки представительнаго правительства не являются продуктомъ социальнаго неравенства; осуществленное въ средѣ, въ которой капиталъ и трудъ равномѣрно распределены между всѣми, оно приведетъ къ тѣмъ-же печальнымъ послѣдствіямъ. Не далеко тотъ день, когда эта форма правленія, возникшая, по удачному выраженію Дж. Ст. Милля, изъ стремленія защититъ себя отъ когтей и клюва короля коршуновъ, уступитъ мѣсто политической организаціи, созданной насущными потребностями человѣчества и основанной на слѣдующемъ принципѣ: настоящая свобода заключается въ томъ, чтобы каждый самъ устраивалъ свои дѣла, не предоставляя ихъ на волю Провидѣнія или выборнаго собранія.

Такое же заключеніе долженъ сдѣлать всякій, кто пойметъ, что главные недостатки правительственной системы присущи ей, какъ таковой, а не зависятъ отъ формы и мѣста ея примѣненія.

II.

„Современные обычаи предохраняютъ насъ отъ престижа королевской власти, – писалъ Огюстенъ Тьерри въ 1828 году, – теперь мы должны опасаться авторитета легальнаго порядка и представительнаго правительства” [9]. Бентамъ говорилъ приблизительно то же самое. Но въ то время ихъ предупрежденія остались незамѣченными. Вѣра въ парламентаризмъ была сильна, и этимъ критикамъ возражали слѣдующимъ аргументомъ: „парламентскій режимъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова; о немъ нельзя судить, пока въ его основу не ляжетъ всеобщая подача голосовъ”.

Съ тѣхъ поръ всеобщая подача голосовъ введена. Буржуазія, послѣ долгихъ сопротивленій согласилась принять ее. Въ Соединенныхъ Штатахъ всеобщая подача голосовъ функционируетъ уже около вѣка въ условіяхъ полной свободы; во Франціи и Германіи она тоже проложила себе путь. Но представительный режимъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ во времена Тьерри и Бентама; всеобщая подача голосовъ не измѣнила его; она только способствовала выясненію его недостатковъ. Вотъ почему теперь не только такіе революціонеры, какъ Прудонъ, возстаютъ противъ этой системы; люди болѣе умѣренные, какъ Миль[10] и Спенсеръ[11] кричатъ: „остерегайтесь парламентаризма!“ Можно, основываясь на общепризнанныхъ фактахъ, написать цѣлые томы о непригодности этой системы и найти сочувствіе среди читателей. Представительное правительство было предано суду – и приговорено.

Его приверженцы постоянно указываютъ намъ на заслуги этого режима. Мы обязаны ему, говорятъ они, нашей политической свободой, о которой не могло быть и рѣчи при абсолютной монархіи.

Но, въ сущности говоря, не представительный режимъ намъ далъ и гарантировалъ свободу, которую мы завоевали вотъ уже больше вѣка. Эту свободу, такъ же какъ и народное представительство вырвали у правительствъ могучій потокъ народной мысли, рожденный революціей; духъ свободы и возстанія сумѣлъ сохранить ихъ, несмотря на постоянныя посягательства правительствъ и парламентовъ. Представительное правительство добровольно не даетъ народу никакихъ правъ и не пренебрегаетъ деспотизмомъ. Права приходится у него вырывать и защищать съ оружіемъ въ рукахъ, какъ во времена неограниченной монархіи. Да и это возможно лишь въ странахъ, гдѣ состоятельный классъ жаждетъ этихъ правъ и готовъ ихъ защищать противоположительной агитаціей. Тамъ же, гдѣ этотъ классъ молчитъ, политическая свобода не можетъ существовать, будетъ-ли въ странѣ народное представительство или нѣтъ. Палата въ этихъ странахъ уподобляется прихожей королей. Примѣромъ тому служатъ парламенты Балканскаго полуострова, Австріи и Турціи.

Приверженцы представительнаго правительства постоянно указываютъ на свободу и права англійскаго народа и приписываютъ ихъ парламенту. Они забываютъ, какимъ рядомъ мятежей и возстаній эти права были завоеваны. Свобода печати, свобода союзовъ, свобода собраній, – все это было вырвано у парламента подъ угрозой возстанія.

Трэдъ-юніонами, стачками противъ парламентскихъ постановленій и разгромомъ фабрикъ, англійскіе рабочіе завоевали себѣ право союзовъ и стачекъ. Избивая полицію балаясниками рѣшетки Hyde-Park'a, лондонскій народъ принудилъ конституціонное министерство дать ему право манифестацій на улицахъ и въ паркахъ столицы. Не парламентскими дебатами, а противопарламентской агитаціей и угрозой поднять сотни тысячъ бѣдняковъ, готовыхъ разгромить министерства и дворцы аристократовъ, англійская буржуазія защищаетъ свою свободу. Что касается парламента, то онъ все время посягаетъ на политическія права народа и упраздняетъ ихъ однимъ росчеркомъ пера, не хуже любого короля, когда ему грозитъ возстаніе массъ. Куда дѣвалась неприкосновенность жилищъ и корреспонденціи, какъ только буржуазія уступила эти права правительству, чтобы оно защищало ее отъ революціонеровъ.

Приписывать парламентамъ то, что сдѣлано челоуѣчествомъ, надѣяться, что конституція можетъ дать свободу – это грѣшитъ противъ исторической правды.

Дѣло не въ томъ, каковы преимущества представительнаго режима передъ правленіемъ царедворцевъ, обращающихъ себѣ на пользу капризы неограниченнаго монарха. Если онъ утвердился въ Европѣ, значитъ, именно этотъ режимъ соотвѣтствовалъ той фазѣ капиталистической эксплуатаціи, которую мы пережили въ XIX вѣкѣ. Онъ гарантировалъ безопасность промышленникамъ и коммерсантамъ, которымъ предоставилъ власть, вырванную изъ рукъ аристократіи.

Но и монархія, не смотря на свои недостатки, имѣла нѣкоторыя преимущества передъ правленіемъ феодальныхъ князей. Она въ свое время тоже была необходима. Должны-ли мы были изъ-за этого оставаться навѣки подъ гнетомъ королевской власти?

Намъ, людямъ конца XIX вѣка, надо выяснитъ, каковы недостатки

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
представительного правительства, не является-ли оно в наше время т?мъ
препятствіемъ для развитія чело?чества какимъ была монархія в? прошломъ
в?к?, и нельзя-ли преобразованиями приспособить его къ той экономической
фаз?, наступленіе которой мы предчувствуемъ? Вотъ ч?мъ мы должны заняться
вм?сто того, чтобы вести безконечные споры объ исторической роли
политического режима буржуазіи.

Отв?тить на этотъ вопросъ не трудно.

Представительный режимъ – этотъ компромиссъ со старымъ режимомъ, сохранилъ
правительству вс? атрибуты неограниченной власти и подчинилъ его д?йствию
фиктивному контролю народа. Теперь онъ отжилъ свой в?къ и служитъ тормазомъ
для прогресса чело?чества. Его недостатки не зависятъ отъ лицъ, стоящихъ у
власти, они присущи самой систем? и такъ глубоко вкоренились въ него, что
никакое преобразованіе не приспособить его къ требованіямъ нашего времени.

Представительный режимъ – это организованное господство буржуазіи,
исчезнетъ вм?ст? съ ней. Наступающая экономическая фаза требуетъ новой
политической организаціи, не им?ющей ничего общаго съ представительствомъ.

Представительному правительству присущи вс? недостатки правительства. Оно
не только не ум?етъ ихъ сгладить, но даже создаетъ новые. Знаменитые слова
Руссо о правительств? вообще прим?нимы къ нему, какъ нельзя лучше. „Чтобъ
можно было передать свои права выборному собранію”, говоритъ онъ, „оно
должно состоять изъ ангеловъ. Да и у нихъ выростутъ рога и когти, какъ
только они примутся за управленіе людьми – „этимъ стадомъ скотовъ!”

Представительное правительство, называется-ли оно Парламентомъ, Конвентомъ,
Сов?томъ Коммуны или какимъ-нибудь другимъ нел?пымъ именемъ, назначено-ли
оно префектами Бонапарта или архи-свободно избрано населеніемъ возставшаго
города, – всегда стремится подобно деспотамъ расширить свои права,
вм?шиваясь во вс? проявленія жизни, зам?няя законами свободную инициативу
отд?льныхъ лицъ и группъ. Оно забираетъ въ свои когти чело?ка съ самага
д?тства и ведетъ его до могилы отъ закона къ закону, отъ угрозы къ
наказанію, никогда не выпуская его изъ подъ своей опеки. Приходилось-ли
вамъ слышать, чтобы выборное правительство объявило себя некомпетентнымъ по
какому-либо вопросу?

Подчинять своимъ законамъ вс? проявленія чело?ческой д?ятельности, вникать
въ мельчайшія подробности жизни „своихъ подданныхъ” – вотъ ц?ль государства
и правительства. Правительство, будь оно конституціоннымъ или н?тъ,
стремится распространить свою власть, регламентировать вс? функціи
общества, не останавливаясь ни передъ какими преградами, кром? агитаціи и
возстанія. Парламентское правительство, – оно уже доказало это, – не
составляетъ исключенія.

Государство, говорятъ намъ, им?етъ ц?лью защищать слабаго отъ сильнаго,
б?днаго отъ богатаго, трудящіеся классы отъ классовъ привилегированныхъ. Мы
знаемъ, какъ правительства исполнили эту миссію: они поняли ее въ обратномъ
смысл?. В?рныя своему происхожденію, правительства, вообще, являются
покровителями привилегированныхъ противъ угнетенныхъ. Представительное
правительство, въ частности, организовало защиту промышленной и
коммерческой буржуазіи отъ аристократіи, съ одной стороны, и
эксплуатируемаго народа съ другой; изысканно в?жливое и заискивающее передъ
аристократами, оно поражаетъ своей жестокостью по отношенію къ
пролетаріямъ. Вотъ почему самый пустяшный законъ, охраняющій трудъ, долженъ
быть вырванъ у парламента путемъ упорныхъ возстаній. Вспомните, ц?ной какой
борьбы, какихъ усилій удалось добиться отъ англійскихъ парламентовъ,
швейцарскаго федеративнаго сов?та и французскихъ палатъ, н?сколькихъ
жалкихъ законовъ объ ограниченіи рабочаго дня. Впервые они были получены въ
Англии; рабочимъ удалось завоевать ихъ лишь путемъ разгрома фабрикъ.

Въ странахъ, гд? революція не лишила аристократіи ея значенія, дворянство
прекрасно уживается съ буржуазіей. – „Признай, аристократъ, за мною право
издавать законы, говоритъ буржуа, а я буду охранять твои дворцы”. И онъ
честно исполняетъ свое об?щаніе, пока ему не грозитъ опасность.

Потребовалось сорокъ л?тъ непрерывныхъ волненій, доходившихъ временами до

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
возстаній и поджоговъ деревень, чтобы заставить англійскій парламентъ гарантировать фермерамъ тотъ излишекъ дохода, который получается съ арендованной земли, благодаря произведеннымъ ими улучшениямъ. А знаменитый „аграрный законъ”, вотированный для Ирландіи? Посл? какой тяжелой борьбы онъ достался народу! Страна должна была возстать, отказаться наотр?зь отъ взноса арендной платы и защищать свое имущество бойкотомъ и поджогами. Самъ Гладстонъ признаетъ, что это былъ единственный способъ принудить буржуазію вотировать этотъ жалкій законъ, который только съ виду защищаетъ голодную страну отъ прит?сненій лордовъ.

Но когда капиталистамъ угрожаетъ хоть мал?йшая опасность со стороны возставшаго народа, тогда представительное правительство, этотъ органъ господства капитала, сум?етъ показать свою силу. Оно избиваетъ возставшихъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой жестокостью и подлостью, на которыхъ не способенъ ни одинъ деспотъ. Законъ противъ социалистовъ въ Германіи не уступаетъ нантскому эдикту; ни Екатерина II посл? Пугачевского бунта, ни Людовикъ XVI посл? мучной войны (*guerre des farines*), не проявляли той жестокости, съ которой національные собранія 1848 и 1871 года обрушились на беззащитную толпу. „Убивайте этихъ волковъ, волчищъ и волчатъ!” – кричали члены этихъ собраній и поздравляли, опьяненныхъ кровью, солдатъ съ ихъ блестящей поб?дой.

Безымянный зв?рь о 600 головахъ превзошелъ Людовика XI и Иоанна Грознаго.

Положеніе д?ль не изм?нится, пока будетъ существовать представительное правительство, будетъ-ли оно регулярно избираться народомъ или само провозгласитъ себя при первыхъ искрахъ возстанія.

Можетъ быть, настанетъ экономическое равенство, и тогда равноправные и свободные граждане не передадутъ своихъ правъ въ руки избранныхъ, – они создадутъ новую политическую организацію и сами будутъ вести свои д?ла.

Или опять меньшинство, какое-нибудь четвертое сословіе, состоящее изъ привилегированныхъ буржуа, захватитъ въ свои руки экономическое господство надъ массами и тогда – горе угнетеннымъ! Представительное правительство, избранное этимъ меньшинствомъ, будетъ д?йствовать въ его интересахъ. Оно издастъ законы, охраняющіе привилегіи этой новой буржуазіи, и силой оружія подчинитъ себ? непокорныхъ.

Немыслимо зд?сь разобрать вс? недостатки представительнаго правительства. Для этого надо было бы написать ц?лые томы. Ограничимся разсмотр?ніемъ только самыхъ существенныхъ недостатковъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Удивительное д?ло! Представительное правительство им?ло ц?лью положить конецъ единоличному правленію; оно должно было передать власть въ руки ц?лаго класса, а между т?мъ мы видимъ, что оно стремится подчиниться одному лицу.

Причина этой аномаліи ясна. Въ наше время правительство вооружено тысячами и тысячами полномочій; ему вручены вс? д?ла страны и данъ бюджетъ въ н?сколько миллиардовъ. Можетъ-ли безпорядочное парламентское собраніе взять на себя веденіе вс?хъ этихъ неисчислимыхъ д?лъ? Пришлось назначить исполнительную власть, – министерство, – которое облечено вс?ми атрибутами королевской власти. Какъ ничтожна, въ самомъ д?л?, власть Людовика XIV, дерзнувшаго сказать: – „государство – это я”, – по сравненію съ властью конституціоннаго министерства нашихъ дней!

Палата можетъ, конечно, зам?нить одно министерство другимъ; но новое будетъ облечено т?ми же полномочіями и им?ть т? же недостатки, что и старое; если бы палата была посл?довательна, оно не просуществовало бы бол?е нед?ли. Вотъ почему она мирится съ существующимъ министерствомъ, пока страна не высказываетъ своего протеста; тогда она зам?няетъ его т?мъ, которое было у власти два года тому назадъ. Гладстонъ – Биконсфильдъ, Биконсфильдъ – Гладстонъ, это не м?няетъ сущности д?ла; страна управляется однимъ челов?комъ.

Но если палата нападетъ на ловкаго министра, который гарантируетъ странъ „порядокъ”, т. е. эксплуатацію внутри государства и сбытъ на вн?шнихъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
рынкахъ, – тогда она подчиняется всѣмъ его капризамъ и вооружаетъ его все новыми и новыми полномочіями. Съ какимъ бы презрѣніемъ онъ ни относился къ конституціи, каково бы ни было его правленіе, палата мирится со всѣмъ; преслѣдуя его въ мелочахъ, она даетъ ему полную свободу дѣйствій во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Примѣромъ тому служатъ Бисмаркъ для насъ, Питтъ, Гизо и Пальмерстонъ для прошлыхъ поколѣній.

Это вполне понятно: всякое правительство стремится стать единоличнымъ; таковы его происхожденіе и сущность. Избранъ-ли парламентъ путемъ всеобщей подачи голосовъ или нѣтъ, будетъ-ли онъ состоять исключительно изъ рабочихъ, – онъ одинаково будетъ стремиться подчиниться одному лицу и передать ему всѣ заботы о правленіи. Пока мы будемъ поручать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ экономическихъ, политическихъ, военныхъ, финансовыхъ, промышленныхъ и т. д. небольшой группѣ, она, подобно отряду солдатъ во время похода, будетъ стремиться найти себѣ начальника.

Таково положеніе дѣлъ во время затишья. Но, пусть на границѣ появится непріятель, пусть внутри страны вспыхнетъ гражданская война – и тогда первый попавшійся властолюбецъ, какой-нибудь авантюристъ, захватитъ въ свои руки управленіе государственной машиной. Правительство не посмѣетъ препятствовать ему, напротивъ, оно будетъ парализовать сопротивленіе народа. Оба авантюриста, носящіе имя Бонапарта, не были случайнымъ явленіемъ, они неизбѣжное послѣдствіе концентраціи власти. Относительно того, насколько парламенты способны сопротивляться государственнымъ переворотамъ, Франція можетъ намъ разсказать много интереснаго. Развѣ палата спасла Францію отъ *Coop d'Etat* Макъ-Магона? Ее спасли противо-парламентскіе комитеты. Намъ опять приведутъ въ примѣръ Англію. Но пусть она не хвастаетъ, что ея парламентскія постановленія остались неизмѣнными въ теченіе XIX вѣка. Она сумѣла за это время избѣгнуть классовой борьбы, но все предвѣщаетъ ея приближеніе и не трудно предсказать, что парламентъ не выйдетъ цѣлымъ изъ этой борьбы: его гибель неизбѣжна.

Если мы хотимъ во время будущей революціи открыть двери реакціи, можетъ быть даже монархіи, достаточно передать наши дѣла представителю правительства. Реакціонная диктатура не заставитъ себя ждать; имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ орудія власти, она не замедлитъ утвердить свое господство.

Но не способствуетъ-ли представительное правительство, этотъ источникъ столькихъ несчастій, мирному и прогрессивному развитію общества? Содѣйствуетъ-ли оно децентрализаціи власти, препятствуетъ-ли возникновенію войнъ? Способно-ли оно понять потребности времени и пожертвовать устарѣлыми институтами, чтобы избѣгнуть гражданской войны? Обеспечиваетъ-ли оно прогрессъ внутри страны?

Какой горькой ироніей дышатъ эти вопросы! Исторія нашего времени убѣждаетъ насъ, что представительное правительство не идетъ навстрѣчу ни одной изъ этихъ потребностей.

Парламенты, вѣрные традиціямъ королевской власти и ея видоизмѣненію – якобинству, сконцентрировали власть въ рукахъ правительства. Крайній бюрократизмъ – характеристика представительнаго правительства. Съ начала вѣка идутъ разговоры о децентрализаціи, автономіи, а правительство усиливаетъ централизацію, уничтожаетъ всякіе признаки автономіи. Швейцарія уже подверглась этому вліянію, Англія готова ему подчиниться. Если бы не сопротивленія промышленниковъ и коммерсантовъ, мы теперь испрашивали бы у Парижа разрѣшенія зарѣзать быка въ отдаленной деревнѣ Франціи. Правительство понемногу подчиняетъ своей власти всѣ проявленія государственной жизни; ему не удается только захватить въ свои руки веденіе промышленности, торговли, производства и потребленія. Но социаль-демократы, ослѣпленные правительственными предразсудками, мечтаютъ о днѣ, когда они будутъ въ берлинскомъ парламентѣ завѣдывать организаціей производства и потребленія для всей Германіи.

Спасаетъ-ли насъ это, якобы миролюбивое, правительство отъ разрушительныхъ войнъ? Конечно, нѣтъ! Никогда не истребляли другъ друга съ такой яростью, какъ при представительномъ режимѣ. Буржуазія ищетъ преобладанія на рынкахъ, а его можно завоевать лишь гранатами и картечью. Адвокаты и журналисты жаждутъ военной славы и съ этой цѣлью изощряются въ краснорѣчіи, ведутъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
дипломатическіе споры, которые большею частью кончаются кровопролитіемъ.

Идетъ-ли парламентъ навстрѣчу требованіямъ времени? Упраздняетъ-ли онъ институты, пришедшіе въ упадокъ? Какъ у членовъ Конвента приходилось съ оружіемъ въ рукахъ вырывать признаніе уже свершившихся фактовъ, такъ теперь только упорнымъ возстаніемъ можно добиться отъ „представителей народа” малѣйшей реформы.

Что касается усовершенствованій самаго представительнаго режима, то никакое обновленіе не вдохнетъ въ него жизнь. Онъ пришелъ въ упадокъ и теперь близокъ къ смерти. Во времена Людовика-Филиппа уже говорили о разложеніи парламента. Теперь, это смрадное болото вызываетъ отвращеніе у всѣхъ близко стоящихъ къ нему.

Но, можетъ быть, новый элементъ, элементъ рабочихъ, вольетъ въ него струю свѣжей крови. Приглядимся къ представительнымъ собраніямъ, прослѣдимъ за ихъ дѣятельностью и мы поймемъ, что мечтать объ ихъ обновленіи такъ же наивно, какъ сочетать бракомъ короля съ крестьянкой въ надеждѣ получить новое здоровое поколѣніе молодыхъ королей!

III.

Недостатки представительныхъ собраній покажутся намъ вполне естественными, если мы вспомнимъ, какъ набираются ихъ члены и приглядимся къ ихъ дѣятельности. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборовъ. Въ буржуазной Англійи и демократической Швейцаріи, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Аргентинской республикѣ – вездѣ повторяется одна и та же гнусная комедія. Не стану рассказывать, какъ агенты и избирательные комитеты проводятъ своихъ кандидатовъ, какъ они раздаютъ направо и налево общанія: въ собраніяхъ сулятъ политическія реформы, частнымъ лицамъ – мѣста и деньги; какъ они проникаютъ въ семьи избирателей и тамъ льстятъ матери, хвалятъ ребенка, ласкаютъ собачку страдающую астмой, или любимаго котенка. Какъ они разсыпаются по ресторанамъ, заводятъ между собой вымышленные споры, завязываютъ съ избирателями разговоры, стараясь поймать ихъ на словѣ, подобно шулерамъ, стремящимся завлечь васъ въ азартную игру. Какъ послѣ всѣхъ этихъ махинацій кандидатъ заставляетъ себя просить и наконецъ появляется среди „дорогихъ избирателей” съ благосклонной улыбкой на губахъ, со скромнымъ взоромъ и вкрадчивымъ голосомъ, – совсѣмъ какъ старая мегера, старающаяся поймать жильца ласковой улыбкой и ангельскими взглядами.

Не стану перечислять лживыхъ программъ – одинаково лживыхъ, – будь они оппортунистическими или социаль-революціонными, программъ, которымъ не вѣритъ ни одинъ изъ кандидатовъ, защищающихъ ихъ съ жаромъ, съ дрожью въ голосѣ, съ пафосомъ, достойнымъ сумасшедшаго или ярмарочнаго актера. Не даромъ народъ въ своихъ комедіяхъ сталъ теперь изображать на ряду съ мошенниками, Тартюфами и банковскими плутами – народныхъ представителей, бѣгающихъ за избирателями и выманивающихъ у нихъ голоса.

Не стану приводить здѣсь смѣты расходовъ по выборамъ; газеты насъ достаточно хорошо знакомятъ съ этимъ вопросомъ. Не стану воспроизводить списковъ расходовъ избирательныхъ агентовъ, въ которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разныя сладости, купленные кандидатомъ для „дорогихъ дѣтей” избирателей. Не стану упоминать о расходахъ на моченія яблоки и тухлыя яйца, предназначенныя „для смущенія противника”, которые отягощаютъ бюджетъ Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и о расходахъ на разныя объявленія и „маневры въ послѣдній часъ передъ выборами”, которые играютъ такую видную роль при выборахъ во всѣхъ государствахъ Европы.

А когда выступаетъ правительство съ своими „мѣстами”, сотней тысячъ „мѣстъ”, предлагаемыхъ тому, кто больше за нихъ заплатитъ, съ своими орденами, съ своей протекціей, общанной въ мѣстахъ азартной игры и разврата, съ своей постыдной прессой, съ своими шпионами, съ мошенниками, судьями и агентами...

Но довольно, оставимъ эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая низкая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену въ день выборовъ? Обманъ, клевета, лицемеріе, ложь, самыя низкія проявленія челоука-звѣря – вотъ картина страны во время выборовъ.

Таково положеніе дѣлъ, и оно не измѣнится, пока люди будутъ назначать себѣ начальниковъ и терпѣть ихъ господство. Создайте общество изъ свободныхъ и вполне равноправныхъ рабочихъ, и въ тотъ день, когда они захотятъ избрать себѣ правителей – у нихъ повторится та же гнусная исторія. Можетъ быть не будутъ больше подносить телячьихъ окороковъ, но ложь и лесть останутся въ силѣ и моченія яблоки не будутъ забыты. Да и можно ли ждать чего-либо хорошаго, когда люди торгуютъ своими самыми священными правами.

Въ самомъ дѣлѣ, мы поручаемъ избирателямъ найти человѣка, которому можно было бы передать право подчинять законамъ всѣ проявленія нашей жизни, распорядиться всѣмъ, что у насъ есть самага дорогаго: нашими дѣтьми, трудомъ и правами. Найти человѣка, который вмѣстѣ съ другими избранными, губилъ бы нашихъ дѣтей, запиралъ ихъ на три, а если ему вздумается на десять лѣтъ, въ казармы и посылалъ бы на вѣрную смерть, когда ему захочется вести войну. Человѣка, который могъ бы по своему желанію открывать и закрывать университеты, принимать и исключать студентовъ. Этотъ новый Людовикъ XIV будетъ по своему усмотрѣнію покровительствовать одной отрасли промышленности, убивать другую; жертвовать сѣверомъ для юга, югомъ для сѣвера; уступать одну провинцію, присоединять другую. Онъ будетъ располагать въ годъ тремя милліардами, отнятыми у бѣдняковъ. У него будетъ царское право назначать исполнительную власть, которая своимъ деспотизмомъ и тираніей не уступитъ королевской. Людовикъ XVI имѣлъ въ распоряженіи десятка тысячь чиновниковъ, а онъ – сотни тысячь; король употреблялъ на удовлетвореніе своихъ прихотей нѣсколько жалкихъ мѣшковъ золота, а конституціонный министръ нашего времени искусственнымъ повышеніемъ бумагъ на биржѣ въ одинъ день „честно“ наживаетъ милліоны.

Неудивительно, что страсти разгораются, когда дѣло идетъ о выборѣ повелителя, облеченнаго такою властью. Когда испанскій престоль былъ объявленъ свободнымъ, удивлялся ли кто-нибудь, что флибустеры сбѣгались со всѣхъ сторонъ? Пока будутъ торговать царскими правами, ничто не можетъ быть измѣнено: выборы останутся ярмаркой тщеславія и совѣсти.

Если бы даже уменьшили права депутатовъ и обратили бы каждую общину въ маленькое государство, то положеніе дѣлъ не измѣнилось бы.

Мы не отрицаемъ окончателно права передачи своей власти выборнымъ делегатамъ. Сто – двѣсти человѣкъ, встрѣчающіеся ежедневно на общей работѣ и хорошо знающіе другъ друга, обсудили со всѣхъ сторонъ какой-нибудь вопросъ и пришли къ вполне определенному заключенію; тогда они выбираютъ кого-нибудь изъ своей среды и посылаютъ его для переговоровъ по этому дѣлу съ другими делегатами. Такимъ образомъ выборы происходятъ вполне сознательно; каждый имѣетъ ясное представленіе о томъ, что онъ можетъ поручить своему делегату. Да и этотъ послѣдній долженъ будетъ только передавать другимъ делегатамъ тѣ соображенія, которыя привели его довѣрителей къ данному заключенію. Не будучи уполномоченнымъ рѣшить дѣла своею властью, онъ будетъ стремиться придти къ какому-нибудь соглашенію съ другими делегатами; ихъ предложенія онъ передастъ своимъ довѣрителямъ, которые по своему усмотрѣнію могутъ принять ихъ или нѣтъ. Таково происхожденіе делегацій; когда однѣ коммуны посылали своихъ делегатовъ въ другія, у нихъ не было иныхъ полномочій. Такъ же поступаютъ въ наши дни метеорологи и статистики, когда они устраиваютъ международные конгрессы; къ тому же прибѣгаютъ делегаты желѣзнодорожныхъ компаній и почтовыхъ администрацій различныхъ государствъ.

Но, что требуется теперь отъ избирателей?

– Десять, двадцать тысячь человѣкъ, которые не знаютъ другъ друга, никогда не встрѣчались, не имѣли общаго дѣла, должны выбрать одного представителя. Ему они поручаютъ не изложеніе определеннаго дѣла или защиту данной резолюціи: онъ долженъ будетъ знать все, рѣшать всевозможные вопросы, и его рѣшеніе будетъ закономъ.

Такого всевѣдущаго человѣка не найти. Но вотъ способный, здравомыслящій, честный гражданинъ, получившій нѣкоторое образованіе. Будетъ ли онъ избранъ? Конечно, нѣтъ! Едва двадцать человѣкъ, товарищей по училищу, знаютъ его и цѣнятъ его способности. Онъ никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ, презираетъ всѣ пріемы легкаго успѣха, не стремится стать популярнымъ среди избирателей. При такихъ условіяхъ онъ не получитъ больше 200 голосовъ; да

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
кандидатура его и не будет выставлена. В число депутатов попадет какой-нибудь адвокат или журналист, красной или писака, которые перенесут в парламент нравы трибуны и газеты и будут увеличивать избирательное стадо министерства или оппозиции. Может быть, проскочит какой-нибудь негодяй, жаждущий получить звание депутата, готовый издержать хоть 10,000 франков, чтобы приобрести некоторую известность. А там, где нравы по преимуществу демократические, как, напр., в Соединенных Штатах, где комитеты легко учреждаются и до некоторой степени ослабляют влияние капитала, там депутаты выберут худшего из всех: это будет человек, занимающийся политикой по профессии, гнусное существо, ставшее язвой великой республики, шарлатан, который смотрит на политику, как на промышленность, и применяет к ней все ухищрения крупной промышленности, — рекламу, обман и разврат.

Изменяйте избирательную систему сколько вам угодно: замените баллотировку по округам баллотировкой по избирательным спискам, введите двухстепенные выборы, как в Швейцарии (я говорю о подготовительных собраниях), измените ваши системы в наиболее благоприятных условиях, — избавьтесь от недостатков, присущих избирательной системе, как таковой, вам не удастся. Наибольшее число голосов (за редкими исключениями, большей частью, в партиях преследуемых правительством) получит человек, ничтожный, без определенных убеждений, словом тот, который сумеет удовлетворить всех.

Вот почему, — как это давно уже заметил Спенсер, — парламенты стоят на таком низком уровне. Палата, говорит он в своем введении, всегда ниже среднего уровня страны, как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы страна поклялась выбрать своими представителями круглых невзгод, она не сумела бы сделать этого лучше, чем при теперешних выборах. Что касается честности депутатов, мы знаем, какова ей цена. Прочтите только, что говорят о ней экс-министры, которые успели узнать депутатов и их оценить.

Как жаль, что нет специальных походов для избирателей, чтобы они могли приобрести полюбоваться своей „палатой“.

Они скоро почувствовали бы к ней полное отвращение. Древние народы напаивали рабов пьяными, чтобы вселить в детьях отвращение к пьянству. Парижане, подите в палату, послушайте ваших представителей, и вы навсегда откажетесь от представительного правительства.

И этому-то сброду ничтожностей народ передает все свои права, за исключением права заменить от времени до времени одних депутатов другими. Но новое собрание, составленное по старой системе, облеченное той же властью, будет иметь те же недостатки, как и предыдущее; вот почему большая часть избирателей перестала интересоваться этой комедией и ограничивается лишь незначительными изменениями, принимая тех кандидатов, которые наиболее настойчиво навязываются.

Но если выборы заражены неисправимыми пороками, то что же сказать о том, как собрание выполняет возложенные на него обязанности. Вдумайтесь на мгновение, и вы поймете всю бесплодность и нелепость задачи, которую мы предлагаем этому собранию.

Ваш представитель должен будет подавать голос и иметь определенное мнение относительно всего ряда бесконечно-разнообразных вопросов, которые возникают в этой огромной машине, именуемой централизованным государством.

Он должен будет устанавливать налоги на собак и утверждать реформы по высшему образованию, когда ноги его не было в университете, и он никогда не видел деревенских собак. Он должен будет защищать преимущества одной системы ружей перед другими, выбирать место помещения управления государственного коннозаводства, высказывать свое мнение относительно филлоксеры, гуано, табаку, начального обучения и оздоровления городов, говорить о Кохинхине и Гвиане, о парижской обсерватории и устройствах каминов. Не имея понятия о военном искусстве, он будет размещать военные корпуса; не зная жизни арабов, он должен будет преобразовывать мусульманский земельный кодекс в Алжире. Он будет подавать голос за

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
киверъ или кепи, сообразуясь съ вкусами своей супруги. Онъ будетъ покровительствовать сахарному производству, въ ущербъ воздѣлыванію пшеницы, убивать винодѣліе, стремясь способствовать его развитію, подавать голосъ за лѣсоводство, и въ то же время покровительствомъ полеводству убивать лѣсное дѣло. Онъ выскажется противъ прорытія даннаго канала, за проведеніе такой-то желѣзной дороги, не зная даже, въ какой части Франціи они проэктируются. Онъ введетъ новыя статьи въ уложеніе о наказаніяхъ, не заглянувъ даже въ него. Всевѣдующій и всемогущій, сегодня военный, завтра скотоводъ, потомъ банкиръ, академикъ, докторъ, астрономъ, аптекаръ, фабрикантъ, купецъ, въ зависимости отъ порядка дня въ палатѣ, онъ никогда ни въ чемъ не будетъ сомнѣваться. Привыкшій, какъ адвокатъ, журналистъ и ораторъ публичныхъ собраній, говоритъ о томъ, чего онъ не знаетъ, онъ будетъ смѣло рѣшать всѣ дѣла, съ той только разницей, что своей газетой онъ забавлялъ праздную публику, на судѣ пробуждалъ рѣчами дремлющихъ судей и присяжныхъ засѣдателей, а въ палатѣ его мнѣніе будетъ закономъ для тридцати, сорока милліоновъ жителей.

Но такъ какъ немыслимо понимать и имѣть опредѣленное мнѣніе относительно всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ палатѣ на рѣшеніе, онъ будетъ проводить время за выпивкой, сплетничать съ сосѣдями и писать письма, чтобы разжечь энтузіазмъ своихъ „дорогихъ избирателей“, въ то время, какъ министръ будетъ читать начиненный цифрами докладъ, написанный къ этому дню его секретаремъ. Въ моментъ же голосованія, вашъ представитель выскажется за или противъ доклада, въ зависимости отъ знака, поданнаго главаремъ его партіи.

Возникнетъ ли вопросъ о прокормленіи свиней или экипировки солдатъ – это послужитъ только поводомъ для парламентской стычки между партіями министерской и оппозиціонной. Вашимъ представителямъ совершенно безразлично нуждаются ли свиньи въ кормѣ, не нагружены ли солдаты подобно выучнымъ животнымъ; они интересуются только тѣмъ, чтобы своимъ голосомъ обезпечить болѣшій успѣхъ своей партіи. Одержитъ ли верхъ министерство или оппозиція, это парламентское сраженіе одинаково ляжетъ тяжелымъ бременемъ на солдата, земледѣльца и рабочаго.

Бѣдный Прудонъ, я себѣ представляю его разочарованіе: съ дѣтской наивностью изучалъ онъ всѣ вопросы, входящіе въ порядокъ дня, выступалъ передъ собраніемъ съ широкими планами, рядомъ точныхъ данныхъ и цифръ, съ смѣлыми и глубокими идеями, – а его даже не слушали. Вопросы окончательно рѣшаются до засѣданія, причемъ руководствуются слѣдующимъ простымъ соображеніемъ: выгодно ли это или нѣтъ для данной партіи? Опросъ голосовъ произведенъ заранѣе; тѣ, которые готовы подчиниться требованіямъ данной партіи, зарегистрированы; противящіеся же имъ тщательно опрошены и сосчитаны.

Рѣчи произносятся лишь для вида: ихъ слушаютъ только, если онѣ художественны или могутъ вызвать скандалъ.

Всѣ думаютъ, что Руместанъ своимъ краснорѣчіемъ склонилъ палату къ данному рѣшенію, а Руместанъ послѣ засѣданія обсуждаетъ съ друзьями, какъ повыгоднѣе раздѣлаться съ общаніями, которыя онъ щедро раздавалъ, чтобы провести свое предложеніе. Его краснорѣчіе – это кантата, составленная для даннаго случая, спѣтая для завоеванія популярности, для забавы публики.

„Провести свое предложеніе!“ Но кто будетъ его обсуждать и своимъ голосомъ колебать парламентскіе вѣсы? Кто будетъ составлять и проваливать министерства, даровать странъ политику реакціи или внѣшнихъ авантюръ, выбирать между министерствомъ и оппозиціей?

Тѣ, которыхъ такъ мѣтко прозвали „болотными жабами“! Тѣ, у которыхъ нѣтъ никакихъ убѣжденій, которые всегда садятся между двухъ стульевъ и виляютъ между двумя основными партіями палаты.

Именно эта группа людей, чловѣкъ пятьдесятъ ничтожныхъ и безвольныхъ, лавирующихъ между либералами и консерваторами, подкупленныхъ общаніями, мѣстами, лестью и паникой, – и рѣшаетъ всѣ дѣла страны. Она издаетъ законы, составляетъ министерства и измѣняетъ направленіе политики. – Страна управляется группой въ пятьдесятъ чловѣкъ, самыхъ ничтожныхъ и жалкихъ; – вотъ къ чему сводится парламентскій режимъ.

И это неизбежно, каковъ бы ни былъ составъ парламента. Сколько бы въ немъ ни было звѣздъ первой величины и честныхъ людей – послѣднее слово будетъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org принадлежать „болотным жабам”. Ничто не может быть изменено, пока будетъ въ силѣ принципъ подчиненія меньшинства большинству.

Указавъ вкратцѣ основные недостатки представительныхъ собраній, мы должны были бы перейти къ разсмотрѣнiю ихъ дѣятельности. Намъ бы слѣдовало показать, что всѣ они, отъ Конвента до Совѣта Коммуны 1871 года, отъ англійскаго парламента до сербской скупщины, заражены одними и тѣми же пороками, что вся ихъ дѣятельность – по выраженiю Бокля – ограничивается замѣной старыхъ законовъ новыми, завоеванными народомъ путемъ возстанiй и цѣною крови. Но это отвлекло бы насъ въ сторону.

Впрочемъ, тѣ, въ комъ предрасудки, внушенные нашимъ порочнымъ воспитанiемъ, не убили окончательно здраваго смысла, найдутъ въ исторiи современнаго представительнаго правительства достаточно примѣровъ для подтвержденiя нашей мысли. Они поймутъ, что будетъ ли представительное собранiе состоять изъ рабочихъ или буржуа, войдутъ ли въ него даже социалисты-революционеры, – оно сохранитъ всѣ недостатки представительнаго собранiя, такъ какъ эти недостатки зависятъ не отъ состава даннаго собранiя, а присущи самой системѣ.

Рабочее Государство, управляемое выборнымъ собранiемъ, одно изъ самыхъ зловредныхъ мечтанiй, внушенныхъ намъ воспитанiемъ, признающимъ власть и авторитетъ.

Хорошiй парламентъ также неосуществимъ, какъ желанiе видѣть въ Рiензи и Александрѣ III хорошихъ царей. Будущее социализма пойдетъ по иному пути: оно откроетъ человѣчеству новые горизонты для усовершенствованiя политическаго строя.

IV.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторiи представительнаго режима, вспомнимъ, каково его происхожденiе, прослѣдимъ какимъ образомъ онъ извращался по мѣрѣ развитiя государства, и мы поймемъ, что время его прошло, и онъ долженъ уступить мѣсто новому способу политической организацiи.

Перенесемъ въ XII вѣкъ и разсмотримъ эпоху освобожденiя коммунъ.

Въ нѣдрахъ феодальнаго общества зарождается освободительное движенiе. Города свергаютъ иго своихъ господъ; ихъ жители „клянутся” другъ другу въ взаимной поддержкѣ, стремятся къ независимости, организуются и объединяются для производства и обмѣна, промышленности и торговли. Они созидаютъ города, которые потомъ три, четыре вѣка служили убѣжищемъ свободному труду, искусству, наукѣ, освободительнымъ идеямъ, и положили начало той цивилизацiи, которой мы гордимся еще въ наши дни.

Одни ученые утверждаютъ, что коммунъ романскаго происхожденiя, другiе – что германскаго; между тѣмъ, онѣ являются естественнымъ продуктомъ среднихъ вѣковъ, плодомъ все растущаго значенiя городовъ, какъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Такъ, мы видимъ, что почти одновременно, въ Италiи, во Фландрiи, въ Галлiи, въ Скандинавiи и даже среди славянъ, гдѣ романское влiянiе сводилось къ нулю, а германское было совсѣмъ ничтожно, въ XI и XII вѣкѣ возникаютъ свободные и независимые города. Въ теченiе трехъ вѣковъ они ведутъ самостоятельную жизнь, а потомъ становятся составными элементами современныхъ государствъ.

Союзы буржуазiи вооружаются для своей защиты и организуются вполне независимо отъ власти свѣтской, духовной и даже королевской. Свободные города процвѣтаютъ и, не смотря на свое стремленiе къ господству надъ деревнями, заражаютъ крестьянъ духомъ свободы. *Nus sumes homes cum il sunt.* – „Мы такіе же люди, какъ они”, поютъ крестьяне, – и вѣрными шагами идутъ къ уничтоженiю рабства.

Свободные города, эти „пріюты, открытые для трудовой жизни”, по своему внутреннему устройству уподобляются лигамъ независимыхъ корпорацiй. У каждой корпорацiи своя юрисдикцiя, администрацiя и милицiя. Каждый житель рѣшаетъ самостоятельно всѣ вопросы, касающіеся не только его ремесла или торговли, но и всѣхъ тѣхъ отраслей общественной жизни, которыя позже вошли въ вѣдѣніе государства: обученiе, санитарныя мѣры, уголовныя и гражданскія

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
д?ла, военная защита страны. Эти корпорации, как органы политическіе, промышленные и торговые, объединяются при помощи форума, народъ сзывается набатомъ и обсуждаетъ д?ла, касающіяся всего города; онъ разр?шаетъ споры между отд?льными корпорациями и устанавливаетъ соглашенія относительно общихъ крупныхъ предпріятій.

Въ коммун? среднихъ в?ковъ мы не зам?чаемъ еще признаковъ представительнаго правительства. Вся корпорация, весь городъ, въ полномъ состав?, принимаютъ участіе въ р?шеніи общихъ д?лъ; принципъ большинства не признается, вопросы обсуждаются до т?хъ поръ, пока сторонники различныхъ мн?ній не придутъ къ общему соглашенію.

Но возможно ли такое соглашеніе? – Отв?томъ служатъ намъ произведенія искусства, которыми мы восторгаемся и до сихъ поръ, тщетно пытаясь имъ подражать. Вс? памятники, зав?щанные намъ концомъ среднихъ в?ковъ, принадлежатъ этимъ городамъ. Соборы, эти величественныя сооруженія, говоряція вамъ своими точенными камнями объ исторіи и стремленіяхъ коммунъ, построены свободными корпорациями, которыя работали изъ благочестія, любви къ искусству и привязанности къ своему городу; он? соперничали между собой въ украшеніи этихъ городовъ, строили роскошныя ратуши и воздвигали величественныя укр?пленія.

Освобожденнымъ коммунамъ обязаны мы возрожденіемъ искусства. Корпорациямъ купцовъ, чаще вс?мъ жителямъ города, принимавшимъ участіе въ снаряженіи каравана или флота обязаны мы развитію торговли, которое привело къ Ганзейскимъ союзамъ и морскимъ открытіямъ. Корпорациямъ промышленниковъ, такъ глупо осм?яннымъ нев?жествомъ и эгоизмомъ производителей, обязаны мы возникновенію крупной промышленности, которая приноситъ намъ теперь большіе барыши.

Но коммуна среднихъ в?ковъ должна была погибнуть: ее подтачивали одновременно внутренніе и вн?шніе враги.

Торговля, войны, эгоистическое господство надъ деревнями, способствовали усиленію неравенства между членами коммуны, обогащая однихъ и разоряя другихъ. Въ теченіе н?котораго времени, корпорация препятствовала развитію пролетаріата въ городахъ, но вскор? она погибла въ неравной борьб?.

Торговля, поддерживаемая грабежомъ, и непрерывныя войны обогащали однихъ и разоряли другихъ. Нарождающаяся буржуазія с?яла раздоръ и способствовала усиленію имущественнаго неравенства. Населеніе городовъ разд?лялось на богатыхъ и б?дныхъ, „б?лыхъ” и „черныхъ”; зародилась классовая борьба, и съ нею выступило на сцену Государство. По м?р? того, какъ б?дняки разорялись, поработанные богачами путемъ ростовщичества и муниципальнаго представительства, въ Коммун? утверждалось выборное правительство, т. е. правительство богачей. коммуна преобразовалась въ представительное государство съ его муниципальной кассой, наемной милиціей, вооруженными кондотьерами, государственной службой и чиновниками. Какъ маленькое государство, она естественно должна была стать добычей большого государства, которое уже зарождалось подъ покровительствомъ королевской власти. Подточенная изнутри, коммуна пала подъ натискомъ вн?шняго врага – короля.

Централизованное государство зародилось еще въ періодъ процв?танія свободныхъ городовъ.

Оно развивалось вдали отъ шума форума, вдали отъ стремленій, вдохновлявшихъ независимые города. Нарождающаяся королевская власть могла утвердиться лишь въ новомъ город?, въ Париж?, въ Москв?. Ч?мъ былъ король до т?хъ поръ? Начальникомъ шайки разбойниковъ, который взималъ дань со вс?хъ желающихъ купить у него миръ и спокойствіе. Что могъ сд?лать такой король, запертый въ ст?нахъ свободаго и независимаго города? Если онъ пытался изъ защитника укр?пленій стать хозяиномъ города, форумъ его немедленно изгонялъ. Тогда онъ находилъ себе пріютъ въ нарождающейся аггломерации, въ новомъ город?. Тамъ, пользуясь трудомъ рабовъ, онъ накоплялъ значительныя богатства. Не встр?чая препятствій со стороны народа, онъ, путемъ денегъ, обмана, интригъ и оружія, способствовалъ развитію централизации. В?рными его союзниками были непрерывныя войны и нашествія, которыя толкали все европейскіе народы на тотъ же путь.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Коммуны, пришедшія уже въ упадокъ и ставшія сами государствами, послужили ему исходнымъ пунктомъ и образцомъ. Надо было соединить эти Коммуны, захватить въ свои руки всѣ ихъ исполнительные органы и воспользоваться ими, какъ орудіемъ для развитія королевской власти. Такъ и поступали короли; очень осторожные вначалѣ, они становились все грубѣе и безцеремоннѣе по мѣрѣ того, какъ росли ихъ силы.

Писанные законы зародились въ хартіяхъ Коммунъ. Они послужили основой для Государства. Позже, римское право санкціонировало какъ государство, такъ и королевскую власть. Теорія императорской власти, взятая изъ римскихъ учебниковъ, усердно пропагандировалась въ интересахъ короля. Церковь, въ свою очередь, поспѣшила благословить ее и, послѣ тщетной попытки учредить всемірную Имперію, заключила союзъ съ королемъ, при помощи котораго она надѣялась захватить въ свои руки власть надъ всей землей.

Въ теченіе пяти столѣтій королевская власть всѣми силами способствовала процессу аггломерации: она возстановляла Коммуны и рабовъ противъ сеньоровъ, а потомъ подавляла возстанія при помощи тѣхъ же сеньоровъ, ставшихъ ея вѣрными служителями. Королевская власть льстила Коммунамъ и въ то же время ждала, чтобъ междуусобныя войны открыли ей ихъ двери, предоставили кассы и уступили укрѣпленія, куда она поставитъ своихъ наемниковъ. Признавая за Коммунами нѣкоторыя привилегіи, королевская власть все же стремилась ихъ поработить.

Король въ то время былъ исключительно начальникомъ своихъ солдатъ, которые повиновались ему до тѣхъ поръ, пока онъ могъ предоставить имъ добычу. При немъ всегда состоялъ совѣтъ изъ его помощниковъ. Въ XIV или IV вѣкѣ совѣтъ этотъ превратился въ Совѣтъ Дворянства. Позже къ нему присоединился Совѣтъ Духовенства. Когда король распространилъ свою власть на Коммуны, онъ сталъ призывать ко двору – главнымъ образомъ въ критическія эпохи – представителей отъ „своихъ дорогихъ городовъ”, чтобы просить у нихъ субсидіи.

Таково происхожденіе парламентовъ. Но, замѣтьте это, права этихъ представительныхъ органовъ, также какъ и королевская власть, были очень ограничены. Къ нимъ обращались только за денежной помощью для войны, да и эта помощь, вотированная делегатами, должна была быть ратификована городомъ. Во внутреннее управленіе Коммунъ король не вмѣшивался. – „Такой-то городъ готовъ дать такую то субсидію, чтобъ предотвратить нашествіе. Онъ согласенъ принять вашъ гарнизонъ для укрѣпленія стѣнъ и отраженія врага”, – вотъ какіе мандаты давались въ то время представителямъ. Сравните это съ тѣми неограниченными полномочіями, охватывающими всѣ вопросы жизни, которыя мы даемъ теперь нашимъ депутатамъ!

Но ошибка была допущена, и послѣдствія ея стали неизбежны. Королевская власть, развившаяся благодаря борьбѣ между бѣдными и богатыми, утвердилась подъ знаменемъ національной защиты. Представители Коммунъ, видя, какъ королевскій дворъ безразсудно расточаетъ ихъ субсидіи, рѣшили положить этому конецъ. Они попытались ограничить королевскую власть и взять въ свои руки управленіе національной кассой. Въ Англіи имъ это удалось, благодаря поддержкѣ аристократіи. Во Франціи, послѣ разгрома Пуатье, они были близки къ завоеванію этихъ правъ; но Парижъ, возставшій подъ вліяніемъ Этьена Марселя, и Жакерія должны были уступить натиску королевской власти, которая почерпнула въ этой побѣдѣ новыя силы.

Съ тѣхъ поръ все способствуетъ централизаціи власти въ рукахъ короля. Субсидіи обращаются въ налоги, и буржуазія спѣшитъ предоставить къ услугамъ короля свои администраторскія способности. Упадокъ коммунъ, подчиняющихся одна за другой власти короля; безсиліе крестьянъ, доведенныхъ до рабства, – если не личнаго, то экономическаго; теорія римскаго права, извлеченная изъ архивовъ юристами, непрерывныя войны, – все способствуетъ утвержденію королевской власти. Короли начинаютъ вмѣшиваться во всѣ проявленія жизни своихъ подданныхъ, и дѣло доходитъ до того, что Людовикъ XIV рѣшается сказать: „Государство – это я!”

Послѣ того короли подчиняются вліянію своихъ куртизанокъ, и ихъ авторитетъ сильно падаетъ; Людовикъ XVI въ началѣ своего царствованія стремится поднять его либеральными мѣрами, но скоро онъ падаетъ жертвой своихъ проступковъ.

Великая Революція стала возможной только благодаря дезорганизации центральной власти, проявлявшей в течение четырех лет полное свое бессилие и сведенной на роль машины, записывающей факты, уже совершившиеся. Восстание городов и деревень, отказавшихся повиноваться и платить налоги, окончательно вырвало власть из рук правительства.

Буржуазия не могла примириться с таким положением вещей.

Она прекрасно знала, что народ, уничтожив привилегии аристократии, не захочет признать привилегии городской и деревенской буржуазии. Она решила взять в свои руки власть над ним, и это ей удалось. С этой целью она стала апостолом представительного правительства и в продолжении четырех лет с присущими ей организаторскими способностями и энергией работала над проведением в жизнь этой идеи. Ея идеал совпадал с идеалом Этьена Марсея; он состоял в том, чтобы король, облеченный в теории неограниченной властью, на деле был лишён всякой власти парламентом, состоящим конечно, из представителей буржуазии. Всемогущество буржуазии, осуществленное парламентом, под прикрытием королевской власти, – вот ея цель. Народ заставил буржуазию принять республику, но она была против нея и попыталась положить ей конец.

Уничтожение центрального правительства, децентрализация и раздробление власти предоставили бы народу решение всех дел страны и привели бы к настоящей народной революции. Вот почему буржуазия стремилась усилить центральное правительство, облечь его властью, о которой король и не смел мечтать, подчинить ему всю Францию, – и потом захватить все в свои руки при помощи Национального Соборания.

Этот идеал якобинцев остался до сих пор идеалом всей буржуазии, представительное же правительство служит ей орудием для борьбы.

Но может ли этот идеал быть нашим идеалом? Могут ли социалисты мечтать о новой буржуазной революции? Могут ли они стремиться усилить центральное правительство, предоставляя ему экономическое господство; передадут ли они управление всеми делами, политическими, экономическими и социальными представительному правительству? Должен ли этот компромисс между королевской властью и буржуазией стать идеалом социалистов?

Конечно, нет!

Новой экономической фазе соответствует новая политическая фаза. Глубокий переворот, о котором мечтают социалисты, не совместим с политическими формами прошлого. Новое общество, основанное на полном равенстве всех условий, на коллективном владении орудиями труда, не сумеет приспособиться к представительному режиму, какими бы преобразованиями ни пытались оживить этот труп.

Представительный режим отжил свой век. Его исчезновение так же неизбежно, как некогда было неизбежно его возникновение. Этот режим – режим буржуазии. На нем основано ея господство и он должен исчезнуть вместе с ней. Мы, стремящиеся к социальной Революции, должны найти новый способ политической организации, который соответствовал бы новому способу экономической организации.

Способ этот уже намечен. Это переход от простого к сложному, это образование свободных групп, организующихся для удовлетворения многочисленных потребностей всех членов общества.

Современное общество идет уже по этому пути. Повсюду свободная группировка, свободная федерация стремятся вытеснить пассивную покорность. Насчитывают уже десятки миллионов свободных групп; новые возникают ежедневно – и скоро все отрасли человеческой деятельности будут в их руках. Наука, искусство, промышленность, торговля, даже защита территории, общественная безопасность и суды – все будет в их владении. Свободные группы разрастаются, и в скором будущем в их руках будет все то, что прежде составляло прерогативы короля и парламента.

Будущее принадлежит свободной группировке заинтересованных лиц, а не

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
правительственной централизации, – свобод?, а не власти.

Но прежде ч?мъ нам?титъ въ общихъ чертахъ организацію, которая возникнетъ изъ свободной группировки, мы должны разрушить вс? политическіе предрасудки, живущіе и до сихъ поръ въ нашемъ обществ?. Этимъ мы и займемся въ сл?дующихъ главахъ.

Законъ и Власть.

I.

„Когда нев?жество господствуетъ въ обществ?, а безпорядокъ царитъ въ умахъ, новые законы нарождаются съ каждымъ днемъ. Люди ждуть всего отъ законодательства, и каждый новый законъ является новымъ разочарованіемъ; они требуютъ отъ закона того, что должно исходить отъ нихъ самихъ, чего можно ждать отъ ихъ воспитанія, отъ состоянія ихъ нравовъ”. – Приведенныя строки принадлежатъ не революционеру, даже не реформатору. Это слова Dalloz, автора сборника французскихъ законовъ, изв?стнаго подъ названіемъ „Repertoire de la legislation”. Эти строки, написанныя составителемъ и поклонникомъ законовъ, характеризуютъ какъ нельзя лучше аномальное состояніе нашего общества.

Въ современныхъ государствахъ на новый законъ смотрятъ, какъ на в?рное средство отъ вс?хъ б?дствій. Вм?сто того, чтобы самими преобразовывать все, признанное негоднымъ, требуютъ изданія закона, предписывающаго реформы. Стала ли непроходимой дорога между двумя деревнями, – крестьянинъ требуетъ изданія закона о проселочныхъ дорогахъ. Обошелся ли грубо съ к?мъ нибудь л?сной сторожъ, оскорбленный требуетъ изданія закона, предписывающаго в?жливость л?снымъ сторожамъ. Зам?чается ли застой въ торговл? или землед?ліи? „Намъ нужны покровительственные законы”, говорятъ землед?льцы, скотоводы и спекуляторы на хл?б?. Даже старьевщикъ требуетъ закона, охраняющаго его жалкую торговлю. Понизитъ ли хозяинъ заработную плату, увеличитъ ли онъ число рабочихъ часовъ, – „нуженъ законъ, который положитъ конецъ этому произволу!” – кричатъ депутаты вм?сто того, чтобъ внушить рабочимъ, что есть простое и в?рное средство „положить навсегда конецъ этому произволу”: – отобрать у хозяина все, что онъ отнял у ц?лыхъ покол?ній рабочихъ. Словомъ, везд? законъ! Законъ о проселочныхъ дорогахъ, законъ о способахъ производства, законъ о б?шенныхъ собакахъ, законъ о доброд?тели, законъ, какъ преграда вс?мъ порокамъ, вс?мъ б?дствіямъ – этимъ плодамъ чело?ческой безопасности, малодушія и подлости!

Мы вс? до того испорчены воспитаніемъ, которое съ ранняго д?тства убиваетъ въ насъ всякое стремленіе къ свобод? и самостоятельности и развиваетъ поклоненіе авторитету и подчиненіе власти, до того развращены нашимъ существованіемъ подъ ферулой закона, регулирующаго все: наше рожденіе, наше воспитаніе, развитіе, любовь, дружбу, – что, если это будетъ продолжаться такъ дальше, мы потеряемъ всякую инициативу, всякую способность мыслить самостоятельно и свободно. Наше общество не способно понять, что можно жить при иномъ режим?, ч?мъ режимъ закона, выработаннаго представительнымъ правительствомъ, прим?няемаго горстью правителей; когда ему удастся освободиться отъ ига стараго режима, оно сп?шитъ провозгласить новую власть, новыхъ правителей. „Годъ I Свободы” просуществовалъ не бол?е дня; провозгласивъ свою независимость, народъ сейчасъ же сталъ искать новаго ига Закона и Власти.

Вотъ уже тысячи л?тъ, какъ наши правители твердятъ намъ на вс? лады: „Уважайте законъ, подчиняйтесь власти!” Отецъ и мать воспитываютъ д?тей своихъ въ поклоненіи этимъ принципамъ. Школа стремится ихъ утвердить и доказываетъ ихъ необходимость, убивая въ д?тяхъ способность къ самостоятельному и свободному мышленію и давая имъ лишь спеціально подобранныя, жалкіе обрывки знанія; поклоненіе закону она возводитъ въ культъ, подчиненіе требованія учителей – въ религіозныя обряды. Героями она считаетъ т?хъ, кто безпрекословно подчиняется закону и охраняетъ его отъ посягательства вс?хъ свободныхъ людей.

Когда ребенокъ вступаетъ въ жизнь, общество и литература непрерывно, подобно капл?, долбящей камень, продолжаютъ вн?дрять ему тотъ же предрасудокъ. Книги по исторіи, политической экономіи и общественнымъ наукамъ дышатъ т?мъ же уваженіемъ къ закону; даже естественныя науки они умудрились заставить служить этому фетишу. Вс?ми силами стараются затемнить

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
наш разуму, и все это для того, чтобы внушить нам уважение к этому пресловутому закону. Газеты пресл?дуют т? же ц?ли; вы не найдете в них ни одной статьи, гд? бы не пропов?дывали поклоненія закону, хотя бы на сл?дующей же страниц? констатировали всю бессмысленность этого закона и показывали, какъ см?шиваютъ его съ грязью т?, которые призваны его охранять. Рабское подчиненіе закону стало доброд?телью; я думаю, не найдется ни одного революціонера, который не былъ бы въ молодости ярымъ защитникомъ закона противъ такъ называемыхъ „злоупотребленій“, этихъ естественныхъ и неизб?жныхъ сл?дствій самаго закона.

Искусство вторить наук?. Герой скульптора, художника и музыканта защищаетъ своимъ щитомъ законъ и, вдохновенный, съ горящими глазами, готовъ пронзить всякаго, посм?вшаго посягнуть на его святыню. Закону воздвигаютъ храмы, посвящаютъ верховныхъ жрецовъ, коснуться которыхъ не см?ютъ даже революціонеры. Да и революція, разрушая въ своемъ могучемъ поток? пережитки прошлаго, старается закономъ санкціонировать свое д?ло.

Вс? эти правила, зав?щанныя намъ рабствомъ, кр?постничествомъ, феодализмомъ и королевской властью и именуемая Закономъ, зам?нили т? каменные чудовища, которымъ приносились челов?ческія жертвы и къ которымъ порабощенный язычникъ не см?лъ прикоснуться изъ страха передъ громами небесными.

Культъ закона воцарился со временъ французской революціи, съ момента усиленія буржуазіи. При старомъ режим? мало говорили о законахъ; только Монтескье, Руссо и Вольтеръ стремились противопоставить ихъ причудамъ королевской власти. Каждый долженъ былъ подчиняться капризамъ короля и его лакеевъ под? угрозой быть брошеннымъ въ тюрьму или пов?шеннымъ. Но во время и посл? революціи адвокаты, достигшіе власти, употребили вс? усилія, чтобы утвердить этотъ принципъ, на которомъ они думали построить въ будущемъ свое господство. Буржуазія приняла его, какъ якорь спасенія, какъ плотину отъ надвигающагося народнаго потока. Церковь посп?шила санкціонировать его, чтобы спасти свою ладью, готовую погибнуть въ волнахъ этого могучаго потока. Наконецъ, народъ согласился принять его, видя въ немъ н?которую гарантію отъ произвола и жестокостей прошлаго.

Надо перенестись въ XVIII в?къ, чтобы понять отношеніе народа къ закону. Надо проникнуться вс?ми ужасами и жестокостями, которые творились въ ту эпоху всемогущими аристократами, ихъ изд?вательствомъ и надругательствомъ надъ простымъ народомъ, чтобы понять магическое вліяніе на простолюдина словъ „равенство передъ закономъ, подчиненіе закону, безъ различія происхожденія и состоянія“. Съ простолюдиномъ обращались до сихъ поръ хуже, ч?мъ со скотомъ; онъ не могъ добиться суда или защиты и, доведенный до изступленія возмутительными поступками аристократа, убивалъ его изъ мести, и платился за это головой. Законъ, въ теоріи по крайней м?р?, признавалъ равенство аристократа и простолюдина въ ихъ личныхъ правахъ. Каковъ бы ни былъ этотъ законъ, онъ об?щаль одинаково относиться къ аристократу и простолюдину, онъ провозглашалъ равенство передъ судомъ богатаго и б?днаго. Мы знаемъ теперь, что это об?щаніе было ложью, – но въ ту эпоху оно было шагомъ впередъ, н?которой уступкой справедливости. Вотъ почему, когда буржуазія была въ опасности, ея спасители, Робеспьеры и Дантоны, основываясь на трудахъ философовъ буржуазіи, Руссо и Вольтеровъ, провозгласили „почитаніе закона равнаго для вс?хъ“. Народъ, истощенный продолжительной и кровавой борьбой, видя передъ собой хорошо организованнаго противника, пошелъ на компромиссъ. Онъ подставилъ шею под? ярмо закона, чтобы избавиться отъ произвола случайныхъ господъ.

Буржуазія съ т?хъ поръ усердно эксплуатируетъ этотъ принципъ. Законъ и представительное правительство вотъ все, что дала философія XIX в?ка – этого в?ка буржуазіи. Буржуазія пропов?дывала свою философію въ школахъ, создала свою науку, свое искусство; она всюду вводила законъ, какъ ханжа суетъ свои молитвы. Ея усердіе и энергія довели народъ до того, что въ моментъ пробужденія своего сознанія, стремясь къ свобод? и уничтоженію всякой власти, онъ обращается къ своимъ правителямъ съ просьбой поддержать его преобразованиемъ законовъ, созданныхъ этими же самими правителями.

Но за посл?днее стол?тіе настроеніе умовъ сильно изм?нилось. Все чаще и чаще встр?чаются люди, которые отказываются подчиняться Закону, если имъ не выяснятъ каково его происхожденіе, есть ли въ немъ необходимость, откуда взялось обязательство признавать его и подчиняться ему. Надвигающаяся

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
революція – „Революція”, а не простое возстаніе, уже потому что въ наши дни
возставшіе подвергають своей критикѣ всѣ основы современнаго общества и
прежде всего тотъ фетишь, которому оно поклоняется, – Законъ.

Они анализируютъ происхожденіе закона и убѣждаются, что въ его основѣ
лежатъ или богъ – это созданіе стихійнаго страха дикарей, – или кровавая
побѣда, достигнутая огнемъ и мечемъ. Они изучаютъ характеръ закона и
убѣждаются, что отличительная черта его – неподвижность, косность, а не
эволюція, между тѣмъ какъ человѣчество развивается непрерывно. Они пытаются
узнать, чѣмъ поддерживается законъ, и передъ ними предстають ужасы
византизма, жестокости инквизиціи, пытки среднихъ вѣковъ, цѣпи, палица,
топоръ палача, темныя подземелья тюремъ, страданія, стоны, плачь и
проклятія. Въ наши дни – все то же: топоръ, ружье, веревка и тюрьма. Съ
одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому звѣрю въ желѣзную
клетку, доведенный до полнаго упадка умственныхъ и нравственныхъ силъ, съ
другой – судья, лишенный всякаго человѣческаго чувства, живущій въ мірѣ
юридическихъ фикцій, посылающій людей на гильотину съ сладострастіемъ и
холоднымъ спокойствіемъ сумасшедшаго, не сознающій даже, до какого паденія
онъ дошелъ.

Передъ нами цѣлое племя законодателей, издающихъ законы, не отдавая себѣ
отчета въ томъ, что они дѣлають, вотирующихъ законъ о санитарномъ состояніи
городовъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о гигиенѣ, издающихъ приказы о
вооруженіи войскъ, не зная ни одной системы ружей, обсуждающихъ реформы по
народному образованію и воспитанію, не будучи въ состояніи дать порядочнаго
воспитанія своимъ собственнымъ дѣтямъ. Но, издавая законы вкривь и вкосъ,
они никогда не забываютъ придумать наказанія для голышей, точно и
опредѣленно рѣшить вопросъ о тюремномъ заключеніи, ссылкѣ на каторгу и
преслѣдованіи тѣхъ, которые не подчиняются ихъ требованіямъ. Передъ нами
тюремщикъ, идущій вѣрными шагами къ потерѣ всякаго человѣческаго чувства,
жандармъ, дрессированный не хуже гончей собаки, сыщикъ, любующійся своими
дѣяніями, доносъ возвеличенный въ доблесть, развратъ, возведенный въ
систему. Самыя гнусныя стороны человѣческой природы, самые низкіе пороки
поддерживаются и поощряются для торжества Закона.

Мы видимъ все это, и вотъ почему, вмѣсто того, чтобы безсмысленно повторять
старую формулу: „Уваженіе къ закону”, мы говоримъ – „Презрѣніе къ закону и
ко всѣмъ его атрибутамъ!” Гнусныя и трусливыя слова: „Подчиненіе закону”,
мы замѣняемъ словами: „Отрицаніе всякихъ законовъ и возстаніе противъ
нихъ!” Помните злодѣянія, совершенныя во имя закона, взвѣсьте добро и
зло, принесенное имъ, – и вы увидите, что мы правы.

II.

Законъ появился сравнительно недавно; цѣлыя вѣка человѣчество жило, не имѣя
никакихъ законовъ, ни писанныхъ, ни даже высѣченныхъ на камняхъ, въ видѣ
изображеній, при входѣ въ храмы. Въ ту эпоху отношенія между людьми
опредѣлялись обычаями и привычками, строгое слѣдованіе которымъ вселяло къ
нимъ уваженіе. Каждый, съ ранняго дѣтства, пріобрѣталь привычку исполнять
ихъ наравнѣ съ умѣніемъ добывать себѣ пищу охотой, скотоводствомъ и
земледѣліемъ. Всѣ человѣческія общества прошли черезъ эту примитивную фазу,
да и теперь большая часть человѣчества не имѣетъ писанныхъ законовъ. Мелкія
племена до сихъ поръ руководствуются своими обычаями, у нихъ есть свое
„обычное право”, какъ говорятъ юристы, свои соціальныя привычки, и этого
вполнѣ достаточно для поддержанія хорошихъ отношеній между членами
отдѣльныхъ деревень, племенъ и общинъ. То же самое происходитъ и у
культурныхъ народовъ; въ большихъ городахъ взаимныя отношенія между
жителями устанавливаются не по писаннымъ законамъ законодателей, а по
стариннымъ обычаямъ, получившимъ право гражданства. Въ Россіи, Италіи,
Испаніи и даже въ большей части Франціи и Англіи, крестьяне не имѣютъ
никакого представленія о писанномъ законѣ. Они сталкиваются съ нимъ только
при своихъ сношеніяхъ съ государствомъ; для взаимныхъ же отношеній, иногда
очень сложныхъ, они пользуются старинными обычаями.

Изучая обычаи первобытныхъ народовъ, мы замѣчаемъ, что ихъ порождаютъ два
совершенно различныхъ теченія.

Вслѣдствіе того, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, въ немъ вырабатываются
чувства и привычки, необходимыя для сохраненія общества и размноженія расы.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Безъ социальнихъ чувствъ, безъ стремленій къ солидарности, совмѣстная жизнь была бы невозможна. Ихъ создалъ не законъ: они существовали раньше всякихъ законовъ. Ихъ провозгласила не религія: они предшествовали какой бы то ни было религіи и встрѣчаются у всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами. Эти чувства и стремленія развиваются сами собой, въ силу необходимости, подобно тѣмъ привычкамъ животныхъ, которыя называли инстинктами; они являются плодами естественной эволюціи и поддерживаютъ общество въ его борьбѣ за существованіе. Дикари перестаютъ поѣдать другъ друга и приходятъ къ заключенію, что имъ выгоднѣе пріобщиться къ какой-нибудь культурѣ, чѣмъ сохранить за собой право разъ въ годъ полакомиться человѣческимъ мясомъ. Среди племенъ, вполнѣ независимыхъ, не признающихъ ни законовъ, ни властей, убійства изъ за разныхъ пустяковъ становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ привычка къ совмѣстной жизни выработала въ нихъ нѣкоторыя чувства братства и солидарности. Гостепріимство первобытныхъ народовъ, уваженіе къ человѣческой жизни, чувство взаимной отвѣтственности, храбрость и состраданіе, доходящія до самопожертвованія, – всѣ эти качества развиваются у человѣка помимо законовъ, независимо отъ религіи, какъ у всѣхъ общественныхъ животныхъ. Эти чувства и привычки не присущи человѣку (какъ это утверждаютъ священники и метафизики), а являются естественнымъ результатомъ жизни въ обществѣ.

Но на ряду съ этими обычаями, безъ которыхъ немислима жизнь обществъ и сохраненіе расы, въ человѣческихъ ассоціаціяхъ зарождаются еще другія стремленія, страсти и желанія, а слѣдовательно, и другіе нравы и обычаи. Стремленіе господствовать надъ себѣ подобными и подчинять ихъ своимъ желаніямъ, стремленіе захватывать продукты труда у сосѣднихъ племенъ, стремленіе поработать людей, заставляя ихъ работать и производить все необходимое, чтобъ самому предаваться наслажденіямъ и праздности, – вотъ что порождаетъ другое эгоистическое теченіе, которое отразилось въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Священникъ, – тотъ шарлатанъ, который эксплуатируетъ невѣжество народа и, освободившись самъ отъ суевѣрнаго страха передъ дьяволомъ, стремится внушить его другимъ, и воинъ – тотъ храбрецъ, подстрекающій другихъ къ нападеніямъ и грабежу, чтобъ самому захватить какъ можно больше добычи и рабовъ, употребили всѣ усилія, чтобъ подчинить себѣ первобытныя общества и распространить тѣ обычаи, которыя должны были обезпечить имъ господство надъ массами. Пользуясь безпечностью, малодушіемъ, страхомъ и инертностью толпы, они сумѣли упрочить тѣ обычаи, которыя служатъ и теперь исходнымъ пунктомъ ихъ господства.

Для этого они особенно усердно эксплуатировали рутинный духъ, присущій человѣку и достигающій поразительнаго развитія у дѣтей, дикихъ народовъ и животныхъ. Человѣкъ, зараженный суевѣріемъ, боится всякихъ новшествъ и поклоняется всему старому. Наши отцы придерживались такихъ то взглядовъ, они прожили свой вѣкъ, воспитали насъ и были болѣе или менѣе счастливы; слѣдуйте ихъ примѣру!" – говорятъ старики молодымъ людямъ, когда эти послѣдніе стремятся ввести какія-либо преобразованія. Неизвѣстное ихъ страшитъ; они цѣплются за прошлое даже если въ этомъ прошломъ нѣтъ ничего кромѣ нищеты, угнетенія и рабства. Надо замѣтить, что чѣмъ человѣкъ несчастнѣе, тѣмъ больше онъ боится измѣнить свое положеніе изъ страха стать еще несчастнѣе. Лучъ надежды и тѣнь благосостоянія должны посѣтить его убогую хижину, чтобы онъ сталъ стремиться къ лучшему, критиковать свою прежнюю жизнь и жадать переменъ. До тѣхъ поръ пока надежда не зародится въ его душѣ, пока онъ не освободится отъ опеки тѣхъ, которые ловко эксплуатируютъ его суевѣріе и страхъ, онъ предпочитаетъ не измѣнять своего положенія. Какъ только молодежь пытается ввести какія-либо преобразованія, старики бьютъ тревогу и встаютъ противъ новаторовъ. Любой дикарь предпочтетъ умереть, чѣмъ отступить отъ обычаевъ своей страны, такъ какъ съ ранняго дѣтства ему внушали, что малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ обычаевъ принесетъ ему несчастье и станетъ причиной гибели всего его племени. Да и въ наши дни сколько политическихъ дѣятелей, экономистовъ и, якобы, революціонеровъ поддаются тому же страху и цѣплются за уплывающее прошлое. Сколько пылкихъ новаторовъ ищутъ прецедентовъ и стремятся слѣпо копировать предшествующія революціи.

Этотъ духъ рутинности, порожденный суевѣріемъ, малодушіемъ и трусостью, во всѣ времена былъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ угнетателей; въ первобытныхъ обществахъ священники и военно-начальники ловко эксплуатировали его, стремясь увѣковѣчить тѣ обычаи, которыя могли обезпечить имъ власть надъ племенами.

Пока начальники могли держать въ своихъ рукахъ власть надъ народомъ, ловко эксплуатируя консервативный духъ его; пока естественныя неравенства между людьми не увеличились въ десять и даже въ сто разъ благодаря концентраціи власти и капитала – не было нужды въ законъ и поддерживающихъ его судахъ и наказаніяхъ.

Но когда общество раздѣлилось на два враждебныхъ класса, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ установить свое господство, а другой стремился избѣжать его ига, между ними завязалась борьба. Въ наши дни побѣдитель старается закрѣпить совершившійся фактъ, сдѣлать его неоспоримымъ, святымъ и почитаемымъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, чему поклоняются побѣжденные.

Законъ появляется на сцену; его санкціонируетъ священникъ, а воинъ предоставляетъ къ его услугамъ свой мечъ. Законъ стремится утвердить обычаи, выгодные для господствующаго меньшинства, а военная сила беретъ на себя обязанность поддерживать полное подчиненіе закону. Эта новая функція является въ рукахъ военныхъ новымъ орудіемъ для утвержденія ихъ власти; они уже не грубая военная сила: они защитники Закона.

Но если Законъ представлялъ бы собою сборникъ предписаній, выгодныхъ только для господствующихъ классовъ, то онъ не былъ бы принятъ, и никто не подчинился бы ему. Вотъ почему законодатели положили въ основу своего кодекса оба теченія обычаевъ, о которыхъ мы говорили: принципы морали и солидарности, выработанные совмѣстной жизнью, и положенія, санкціонирующія неравенство. Обычаи, необходимые для существованія общества, ловко совмѣщены въ этомъ кодексѣ съ принципами, выгодными для господствующихъ классовъ и требуютъ къ себѣ одинаковаго уваженія со стороны народа. – „Не убивай!” говоритъ кодексъ и „плати священнику”, сейчасъ же прибавляетъ онъ. – „Не воруй”, говоритъ кодексъ и вслѣдъ за этимъ: „Если ты не заплатишь налога, тебе отрежутъ руку”.

Вотъ каковъ Законъ; свой двойственный характеръ онъ сохранилъ и до сихъ поръ. Его происхожденіе – стремленіе господствующихъ классовъ увѣковечить обычаи, искусственно навязанные народу для своей выгоды. Его характеръ – ловкое совмѣщеніе обычаевъ полезныхъ для общества – обычаевъ, которымъ не нуженъ законъ, чтобы ихъ почитали, – съ обычаями, которые предоставляютъ всѣ выгоды господствующимъ классамъ, вредны для массъ и исполняются лишь подъ страхомъ пытокъ.

Законъ, такъ же какъ и частный капиталъ – этотъ плодъ обмана и насилія, развившійся подъ покровительствомъ Власти, – не имѣетъ права на уваженіе. Рожденный насиліемъ и суевѣріемъ, установленный въ интересахъ священника, побѣдителя и богатаго эксплуататора, законъ долженъ быть уничтоженъ въ тотъ день, когда народъ захочетъ разорвать свои цѣпи.

Мы въ этомъ убѣдимся, изучая въ слѣдующей главѣ позднѣйшее развитіе Закона подъ покровительствомъ религіи, власти и современнаго парламентскаго режима.

III.

Мы видѣли, что законъ произошелъ изъ установившихся обычаевъ и привычекъ, и что онъ представлялъ изъ себя съ самаго начала ловкое совмѣщеніе общественныхъ обычаевъ, необходимыхъ для сохраненія человѣческой расы съ другими обычаями, навязанными тѣми, кто эксплуатируетъ въ свою пользу народныя суевѣрія и право сильного. Этотъ двойственный характеръ Закона опредѣляетъ его дальнѣйшее развитіе у культурныхъ народовъ. Но между тѣмъ, какъ сущность обычаевъ общественныхъ, записанныхъ въ законы, претерпѣваетъ въ теченіе вѣковъ лишь медленное и незначительное измѣненіе, – другая часть обычаевъ быстро развивается въ пользу господствующихъ и въ ущербъ угнетенныхъ классовъ.

Только отъ времени до времени удается вырвать у господствующихъ классовъ какой-нибудь законъ, который представляетъ или, вѣрнѣе, долженъ представлять нѣкоторую гарантію для обездоленныхъ. Но этотъ законъ только и дѣлаетъ, что уничтожаетъ предшествующій, изданный исключительно въ интересахъ – господствующихъ классовъ. „Лучшими изъ законовъ, говоритъ Бокль, были тѣ, которые совершенно уничтожили предшествующіе законы”. Но сколькихъ нечеловѣческихъ усилий, какихъ потоковъ крови стоило уничтоженіе

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
каждого из тех институтов, при помощи которых господствующие классы держат народ в желанных цепях. Чтобы уничтожить последние остатки рабства и феодальных прав, чтобы сломить силу королевской камарильи, Франция должна была пережить четыре года непрерывной революции и двадцать лет войны. Чтобы отменить самый ничтожный из несправедливших законов, завещанных нам прошлым, нужны десятки лет жестокой борьбы; да и то, эти законы исчезают только в эпохи революций.

Социалисты уже много раз выясняли нам, каков генезис Капитала и доказывали, что он плод войны, грабежа, рабства, преступничества, обмана и современной эксплуатации. Они показали, как он был вскормлен кровью народа, и как он понемногу покорил весь мир. Они должны теперь дать нам историю генезиса и развития Закона.

Народная мысль, как всегда, опередила уже кабинетных ученых; она создала философию этой истории и поставила ее основные вехи.

Придуманный, чтобы охранять плоды грабежа, захвата и эксплуатации, Закон прошел через те же фазы развития, как и Капитал. Эти близнецы шли рука об руку, питаясь страданиями и нищетой человечества. Их история почти одна и та же во всех странах Европы. Стоит только бросить беглый взгляд на развитие Закона во Франции или Германии, чтобы ознакомиться в общих чертах с фазами его развития почти во всех европейских странах.

Вначале, Закон был договором или национальным контрактом. На Марсовом поле войска и народ принимали этот контракт; майское поле примитивных коммун Швейцарии является памятником той эпохи, несмотря на изменения, которому оно подверглось благодаря вмешательству буржуазной и централизующей цивилизации. Конечно, этот контракт не всегда являлся добровольным соглашением; богатый и сильный уже в ту эпоху стремились подчинить все своей власти. Но тогда они встречали сопротивление своим завоевательным попыткам со стороны народных масс, постоянно напоминающих им о своей силе.

По мере того, как церковь и сеньоры поработали народ, право издавать законы ускользало из рук всей нации и переходило в руки привилегированных. Церковь расширяла свои права; поддерживаемая богатствами, скопившимися в ее несгораемых сундуках, она все больше и больше вторгалась в частную жизнь и под предлогом спасения душ налагала свои руки на труд рабов; она взимала налоги со всех классов общества и расширяла свою юрисдикцию; она умножала число преступлений и наказаний и обогащалась на счет совершенных преступлений, так как все штрафы стекались в ее сундуки. Законы перестали считаться с национальными интересами: „они, казалось, издавались собором религиозных фанатиков, а не законодателями“, замечает один из специалистов по истории французского права.

В то же время сеньоры расширяли свои права и распространяли свою власть на земледельцев и городских ремесленников; он стал судьей и законодателем. В XV веке единственными источниками публичного права служили трактаты, определяющие повинности, барщину и подати рабов и вассалов сеньора. Законодатели той эпохи – это шайка разбойников, которые организовывались для грабежа и угнетения народа, который становился все более и более миролюбивым по мере того, как он предавался земледелию. Они эксплуатировали для своей выгоды чувство справедливости, присущее всем народам; они захватили в свои руки судебную власть, обратили проведение принципов справедливости в источник дохода и издавали законы, которые должны были служить оплотом их господства.

Эти законы, собранные и классифицированные законами, и легли в основу наших современных кодексов. И нам еще предлагают уважать эти кодексы – это наследие священника и барона?

Первой революции, революции коммун, удалось уничтожить лишь некоторую часть этих законов. Хартии освобожденных коммун были по большей части компромиссом между сеньоральным или епископским законодательством и новыми взаимоотношениями, зарождаемыми в недрах самой коммуны. Но какая разница между теми законами и нашими современными законами! Коммуна не позволяла себе заключать в тюрьмы и посылать на гильотину своих граждан

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
ради государства; она ограничивалась тем, что изгоняла всех вступивших
въ заговоръ съ врагами коммуны. Большею частью, такъ называемые
„преступления и проступки“ она облагала штрафами; въ Коммунахъ XII вѣка
признавался тотъ вполне естественный и забытый теперь принципъ, что вся
коммуна отвѣчаетъ за проступки каждаго своего члена. Общество того времени
смотрѣло на преступленіе, какъ на случайность или несчастіе – таково и до
сихъ поръ взглядъ русскаго крестьянина, – не признавало личной мести,
проповѣдуемой библіей, и понимало, что вина за каждый проступокъ падаетъ
цѣликомъ на все общество. Потребовалось все могучее вліяніе византійской
церкви, перенесшей на Западъ утонченную жестокость восточныхъ деспотовъ,
чтобы ввести въ обычаи галловъ и германцевъ смертную казнь и пытки;
потребовалось все вліяніе римскаго гражданскаго кодекса, этого продукта
разложенья императорскаго Рима, чтобы ввести начала неограниченной
земельной собственности и уничтожить коммунистическіе обычаи первобытныхъ
народовъ.

Мы знаемъ, что свободныя коммуны должны были погибнуть: онѣ сдѣлались
добычей королевской власти. По мѣрѣ усиленія королевской власти право
законодательства сосредоточивалось въ рукахъ горсти царедворцевъ.
Обращались къ народу только для санкціонированія налоговъ, назначенныхъ
королемъ. Парламенты, сзываемые на разстояніи двухъ вѣковъ по капризу
двора, „экстренныхъ совѣтовъ“, „засѣданій нотаблей“, гдѣ министры едва
выслушивали „жалобы“ королевскихъ подданныхъ, – вотъ ихъ законодательные
органы. Позже, когда вся власть сосредоточилась въ рукахъ одного лица,
провозглашавшаго „Государство – это я“, – „въ тайникахъ королевскаго
совѣта“, въ зависимости отъ минутной фантазіи министра или короля-самодура
фабриковались различныя указы, которымъ подъ страхомъ смерти должны были
покоряться все подданные. Судебныя гарантіи были уничтожены, народъ сталъ
работою королевской власти и горсти царедворцевъ; примѣнялись самыя ужасныя
наказанія: колесованіе, сжиганіе на кострахъ, четвертованіе и всевозможныя
пытки, – продуктъ большой фантазіи монаховъ и буйно-помѣшанныхъ, наслаждавшихся
наслажденіемъ въ мученіяхъ своихъ жертвъ, – вотъ что появилось на сцену въ ту
эпоху.

Великая революція положила начало уничтоженію законовъ, завѣщанныхъ намъ
феодализмомъ и королевской властью. Разрушивъ нѣкоторыя части стараго
зданія, революція передала законодательное право въ руки буржуазіи, которая
въ свою очередь начала воздвигать новое сооруженіе законовъ,
предназначенныхъ стать основой и поддержкой ея господства надъ массами. Въ
своихъ парламентахъ буржуазія издаетъ безчисленное множество законовъ, и
груды бумагъ накапливаются съ неимоверной быстротой. Но что, въ сущности
говоря, представляютъ изъ себя эти законы?

Большая часть изъ нихъ имѣетъ цѣлью покровительствовать частной
собственности, т. е. накопленію богатствъ путемъ эксплуатаціи челоука
челоукомъ; они стремятся открыть капиталу новое поле для эксплуатаціи,
санкціонировать новыя формы, которыя принимаетъ эксплуатація по мѣрѣ того,
какъ капиталъ захватываетъ все новыя и новыя отрасли челоуческой жизни:
желѣзныя дороги, телеграфъ, электрическое освѣщеніе, заводскую
промышленность, литературу, науку и т. д. Остальныя законы преслѣдуютъ ту
же цѣль; они поддерживаютъ правительственную машину, которая гарантируетъ
капиталу эксплуатацію и захватъ всехъ богатствъ. Судебная власть, полиція,
армія, народное просвѣщеніе, финансы – все служитъ одному и тому же богу:
капиталу, все стремится облегчить эксплуатацію рабочаго капиталистомъ.
Проанализируйте законы, изданные за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ, – и вы
убѣдитесь въ этомъ. Защитники Закона говорятъ, что его миссіей является
огражденіе правъ отдѣльныхъ лицъ, но, въ сущности говоря, въ нашемъ
законодательствѣ это огражденіе занимаетъ послѣднее мѣсто; въ современномъ
обществѣ нападенія на отдѣльныхъ лицъ изъ личной мести или жестокости
замѣтно исчезаютъ. Теперь убиваютъ большей частью ради грабежа, а не изъ
личной мести и, если число подобнаго рода преступленій уменьшается съ
каждымъ днемъ, то мы этому обязаны, конечно, не законодательству, а
гуманитарному развитію нашего общества и его социальнымъ привычкамъ. Пусть
завтра уничтожатъ все законы, ограждающіе права отдѣльныхъ лицъ, пусть
перестанутъ преслѣдовать за подобныя преступленія, и число покушеній,
внушенныхъ личной местью или жестокостью, нисколько не увеличится.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ было издано
достаточное количество либеральныхъ законовъ. Но стоитъ только вникнуть въ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
сущность этих законов, и мы поймем, что они только отменяют законы, завещанные нам варварством предыдущих веков. Все либеральные законы, все радикальные программы могут быть выражены словами: уничтожение законов, ставших помехой даже для самой буржуазии, и возврат к свободной коммуны XII века, распространенной на всех граждан. Уничтожение смертной казни, суд присяжных для всех „преступлений“ (суд присяжных, более либеральный чем современный, существовал в XII веке?), выборная магистратура, право предания суду чиновников, упразднение постоянного войска, свобода собраний, свободное обучение, словом, все, что приписывают современному либерализму, является возвратом к свободной, существовавшей до тех пор, пока церковь и король не наложили своих цепей на человечество.

Покровительство эксплуатации, – прямое в издании законов о правах собственности и косвенное в поддержке государства, – вот сущность современных кодексов, вот главная забота дорого-стоющих уловок нашего законодательства. Но пора перестать обманываться фразами и дать себе отчет в том, что из себя представляют в действительности законы. Законы, которые были вначале сборником обычаев, необходимых для охранения общества, – стали теперь исключительно орудием для поддержки эксплуатации и господства праздных богачей над трудящимися массами. Культурная миссия Закона теперь сведена к нулю, единственным его назначением является поддержка эксплуатации.

Вот что нам говорит история развития Закона. Неужели мы должны поклоняться одному имени Закона! Конечно, нет! Он не имеет права на наше уважение, так же как и капитал, этот продукт грабежа. Революционеры XIX века должны будут первым делом предать ауто-да-фе все существующие законы, как они это делают с документами на собственность.

IV.

Изучая миллионы законов, которые тяготеют над человечеством, мы видим, что они могут быть разделены на три главных категории: покровительство собственности, покровительство правительству, покровительство отдельным лицам. Анализируя эти три категории, мы приходим к следующему логическому и необходимому заключению: бесплодность и вред Закона.

Что касается покровительства собственности, социалисты хорошо знают, какова ей цена. Законы о правах собственности не гарантируют ни отдельным индивидуумам, ни обществу пользования продуктами их труда. Напротив, они отнимают у производителя часть его производства и закрепляют за некоторыми привилегированными ту часть продуктов, которую эти избранные похитили у производителей или у общества. Когда закон утверждает права данного лица на какой-нибудь дом, он утверждает его право не на хижину, построенную им самим, и не на дом, воздвигнутый им с помощью нескольких друзей, – никто не стал бы оспаривать у него этого права. Закон утверждает права этого лица на дом, который не является продуктом его труда, во-первых потому, что его строили те, которым он не уплатил всей стоимости их работы, и во-вторых потому, что этот дом представляет собой общественную ценность, которую он не мог бы произвести один: закон утверждает права этого лица на часть общественного достояния, принадлежащего всем и никому в частности. Стоимость дома всецело зависит от того, заброшен ли он где-нибудь в Сибири или стоит в центре большого города; здесь он приобрел ценность благодаря труду нескольких десятков поколений, которые основали этот город, украсили его, снабдили водой, газом, красивыми бульварами, построили университеты, театры, магазины, железные дороги и всевозможные пути сообщения. Признавая права данного лица на какой-нибудь дом в Париже, Лондоне или Руане, закон – несправедливо – отдает ему в собственность часть продуктов труда всего человечества. Именно потому, что такое присвоение является вопиющей несправедливостью (все остальные формы собственности носят тот же характер), пришлось для его утверждения противопоставить здравому смыслу человечества и чувству справедливости, присущему всем людям, целый арсенал законов и многочисленную армию солдат, полицейских и судей.

Половина наших законов, – гражданские кодексы всех стран, – имеют целью способствовать этому присвоению, поддерживать эту монополию

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
н?сколькихъ избранныхъ въ ущербъ всему чело?честву. Три четверти д?ль,
разбираемыхъ въ нашихъ судахъ, это ссоры между монополистами – ворами,
д?лящими добычу. Большая часть нашихъ уголовныхъ законовъ пресл?дуетъ ту же
ц?ль: они стремятся удержать рабочаго въ состояніи полного подчиненія
хозяину и способствуютъ эксплуатаціи.

Но н?тъ ни одного закона, который бралъ бы на себя обязанность
гарантировать производителю продукты его труда. Это настолько просто и
естественно такъ вошло въ нравы и привычки чело?чества, что законъ даже не
подумалъ объ этомъ. Открытый грабежъ съ оружіемъ въ рукахъ немыслимъ въ
наше время; люди труда не отнимаютъ другъ у друга продуктовъ своего труда;
въ случа? какихъ-либо недоразум?ній, они обращаются не къ закону, а къ
сод?йствію третьяго лица; если кто-нибудь и р?шается присвоивать продукты
чужого труда, то это именно хозяинъ – собственникъ, который предъявляетъ
свои права на львиную долю. Что же касается чело?чества вообще, оно и безъ
спеціальныхъ законовъ всегда признавало и уважаетъ право cadaго на
продукты его труда.

Вс? эти законы о правахъ собственности, составляющіе ц?лые томы и изданные
на радость нашимъ адвокатамъ, пресл?дуютъ одну единственную ц?ль:
покровительство несправедливому присвоенію монополистами продуктовъ труда
всего чело?чества, и потому они не им?ютъ никакого *raison d'etre*;
соціалисты-революціонеры твердо р?шили освободиться отъ нихъ въ день
революціи. Съ полнымъ сознаніемъ своего права мы предадимъ ауто-да-фе вс?
законы, касающіеся такъ называемыхъ „правъ собственности“, вс? документы на
собственность, вс? архивы, – словомъ все то, что им?етъ отношеніе къ этому
институту, который, подобно рабству и кр?постничеству прошлыхъ в?ковъ,
является позорнымъ пятномъ въ исторіи чело?чества.

Все, что мы говорили относительно законовъ о правахъ собственности,
прим?нимо и ко второй категоріи законовъ, – къ законамъ конституціоннымъ,
къ законамъ поддерживающимъ правительство.

Это ц?льный арсеналь законовъ, указовъ, предписаній и т. п.,
покровительствующихъ всевозможнымъ формамъ представительнаго правительства,
изъ-подъ ига котораго стремятся освободиться вс? чело?ческія общества. Мы
прекрасно знаемъ – анархисты неоднократно намъ доказывали это безпощадной
критикой существующихъ формъ правленія, – что единственной миссіей вс?хъ
правительствъ – монархическихъ, конституціонныхъ и республиканскихъ,
является покровительство и поддержка путемъ вооруженной силы привилегій
имущихъ классовъ: аристократіи, духовенства и буржуазіи. Большая часть
нашихъ законовъ, – законовъ „основныхъ“, законовъ о налогахъ, пошлинахъ,
организации министерствъ и ихъ канцелярій, объ арміи, полиціи, церкви и т.
д. – ихъ наберется н?сколько десятковъ тысячъ въ каждой стран?, – им?етъ
единственную ц?лью поддерживать, обновлять и развивать правительственную
машину, которая, въ свою очередь, заботится исключительно о привилегіяхъ
имущихъ классовъ. Вникните въ смыслъ вс?хъ этихъ законовъ, просл?дите за
ихъ д?йствіями изо дня въ день, и вы уб?дитесь, что они вс? должны быть
уничтожены – вс?, начиная отъ т?хъ, которые отдали коммуны, связанные по
рукамъ и ногамъ, во власть священнику, буржуа и префекту, и кончая той
знаменитой конституціей (девятнадцатой или двадцатой со времянь 1780 года),
которая дала намъ палату кретиновъ и грабителей, ведущую насъ къ диктатур?
какого-нибудь авантюриста или къ правленію коронованнаго сумасброда.

Словомъ, относительно законовъ этой категоріи не можетъ быть никакого
сомн?нія. Не только анархисты, но и вс? бол?е или мен?е революціонно
настроенные буржуа пришли къ заключенію, что вс? законы, касающіеся
организации правительства, должны быть преданы огню.

Остается еще третья категорія законовъ, самая важная, такъ какъ съ ней
связано множество предразсудковъ: законы объ огражденіи правъ отд?льныхъ
лицъ, о наказаніяхъ и о предупрежденіи „преступленій“. Если теперь и
считаются съ закономъ, то исключительно потому, что эту третью категорію
законовъ признаютъ безусловно необходимой для обезпеченія полной
безопасности отд?льнымъ членамъ общества. Это т? законы, которые развились
изъ обычаевъ, необходимыхъ для существованія чело?ческихъ обществъ и ловко
эксплоатировались господствующими классами для санкціонированія ихъ
господства. Власть начальниковъ племени, богатыхъ семействъ въ коммунахъ и
короля была основана на томъ, что эти люди исполняли должности судей; и до

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
сихъ поръ, когда утверждають необходимость существованія правительства, указывають главнымъ образомъ на его функцію, какъ верховнаго судьи. – „Безъ правительства люди передушаты другъ друга”, говорятъ деревенскіе мудрецы. – „Конечно, ц?ль всякаго правительства, говорить Боркъ, дать каждому обвиняемому дв?надцать честныхъ присяжныхъ зас?дателей”.

Но, не смотря на вс? существующіе предрасудки, анархисты должны заявить во всеуслышаніе, что и эта категорія законовъ такъ же не нужна и даже вредна, какъ и предшествующія.

Дв? трети и даже три четверти такъ называемыхъ „преступленій” совершаются съ ц?лью захвата богатствъ, принадлежащихъ другому лицу. Эта категорія „преступленій и проступковъ” исчезнетъ въ тотъ день, когда перестанетъ существовать частная собственность.

„Но, скажутъ намъ, среди насъ есть люди – скоты, которые будутъ покушаться на жизнь гражданъ, наносятъ другъ другу удары ножами при мал?йшей ссор?, мстятъ за пустяжную обиду убійствомъ, если не будетъ законовъ и наказаній, чтобъ ихъ сдерживать”. Вотъ прип?въ, который намъ постоянно повторяють, какъ только мы высказываемъ сомн?ніе относительно права общества приб?гать къ наказаніямъ. На это мы можемъ возразить сл?дующимъ установленнымъ положеніемъ: строгость наказаній не уменьшаетъ числа „преступленій”. В?шайте, четвертуйте, если это вамъ угодно, убійць, число убійствъ отъ этого нисколько не уменьшится. И потому, уничтожьте смертную казнь; по крайней м?р?, однимъ убійствомъ будетъ меньше. Статистики и законов?ды признають, что уменьшеніе строгости наказаній никогда не приводило къ увеличенію числа покушеній на жизнь гражданъ.

Съ другой стороны, хорошій урожай, дешевизна хл?ба, тепло, солнце – уменьшаютъ число убійствъ. Статистикой доказано, что число преступленій растеть пропорціонально ц?н? съ?стныхъ припасовъ и въ зависимости отъ хорошей или дурной погоды. Я не говорю, что причиной вс?хъ убійствъ служитъ голодь. Но хорошій урожай, дешевизна съ?стныхъ припасовъ д?лаеть людей мен?е несчастными и бол?е жизнерадостными; они не предаются мрачнымъ мыслямъ, угрюмымъ страстямъ и не убивають изъ за пустяковъ себ? подобныхъ.

Кром? того, мы знаемъ что страхъ передъ наказаніемъ никогда не останавливалъ ни одного убійцу. Тотъ, кто р?шился убить своего сос?да изъ мести или нужды, мало заботится о посл?дствіяхъ своего преступленія; н?тъ убійцы, который бы не в?рилъ въ возможность изб?жать пресл?дованія. Впрочемъ, пусть каждый проанализируетъ сущность преступленій и наказаній, вникнетъ въ ихъ мотивы и посл?дствія и, если онъ способенъ мыслить, не поддаваясь вліянію предвзятыхъ идей, то онъ неизб?жно придетъ къ сл?дующему заключенію:

Не только въ обществ? будущаго, гд? челов?къ будетъ получать хорошее образованіе, гд? развитіе вс?хъ его способностей и возможность ихъ прим?ненія къ любимому д?лу будутъ доставлять ему такое наслажденіе, что изъ боязни лишиться его, онъ не совершитъ убійства, но даже въ нашемъ обществ?, съ т?ми печальными продуктами нищеты, которые мы видимъ въ кабакахъ большихъ городовъ, – число убійствъ не увеличится въ тотъ день, когда наказанія перестануть угрожать убійцамъ; возможно даже, что оно уменьшится, такъ какъ придется исключить число убійствъ, совершенныхъ рецидивистами, озв?р?вшими въ нашихъ же тюрьмахъ”.

Защитники власти намъ постоянно говорятъ о благотворномъ вліяніи закона и о ц?лительномъ свойств? наказаній. Но пытались ли они когда либо сопоставить благод?янія, приписываемая закону и наказаніямъ, съ растл?вающимъ вліяніемъ наказаній на челов?чество? Пусть они себ? представятъ, сколько низкихъ страстей пробуждали въ зрителяхъ т? ужасныя пытки, которымъ подвергались преступники на нашихъ улицахъ. Кто лел?ялъ и развивалъ въ челов?к? инстинкты жестокости (инстинкты, незнакомые животнымъ и превратившіе челов?ка въ самага жестокаго зв?ря), какъ не король, судья и священникъ; вооружившись закономъ, они безумно терзали свои жертвы: ломали имъ кости, выворачивали конечности, выр?зали куски мяса, заливали св?жія раны кипящей смолой – и все это для поддержанія своей власти и во имя закона! Пусть они вглядятся въ могучій потокъ разврата, который вноситъ въ наше общество система доносовъ, поддерживаемая судьями, оплачиваемая звонкой монетой правительства, под? предлогомъ раскрытія преступленій. Пусть они пойдутъ къ заключеннымъ и посмотрятъ, ч?мъ становится челов?къ, лишенный свободы, въ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
развращающей атмосфер? наших тюрем?; пусть они поймутъ, что, ч?мъ больше преобразовываютъ наши дома заключенія, т?мъ они становятся отвратительн?е и что современныя образцовыя тюрьмы д?йствуютъ бол?е растл?вающимъ образомъ, ч?мъ подземелья среднев?ковыхъ замковъ. Пусть просл?дятъ за развратомъ мысли, поддерживаемомъ въ нашемъ обществ? идеями подчиненія, – этой основой Закона, – идеями наказанія и власти, им?ющей право судить и карать; пусть представляютъ себ? все растл?вающее влїяніе существованія должностей палача, тюремщика, доносчика, – словомъ, все зло, приносимое этимъ сложнымъ сооруженіемъ, именуемымъ Закономъ и Властью. Пусть они вникнуть во все это; и тогда они согласятся съ нами, что законъ и карательныя м?ры – это ужасы, которые должны исчезнуть.

Народы, мен?е культурные и, сл?довательно, мен?е зараженные предрасудками о необходимости власти, прекрасно понимаютъ, что тотъ, кого называютъ „преступникомъ”, въ сущности говоря, несчастный челов?къ; они знаютъ, что безц?льно с?чь, заковывать въ ц?пи, гноить въ тюрьмахъ или приговаривать къ смертной казни преступника; надо помогать ему, облегчать его страданія братской заботливостью, обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ, поселить его среди честныхъ людей. Мы над?емся, что будущая Революція крикнетъ челов?честву:

– „Сожжемъ гильотины, разрушимъ тюрьмы, прогонимъ судей, полицейскихъ, доносчиковъ – все это гнусное отродье; будемъ обращаться, какъ съ братьями, съ т?ми, которыхъ страсти довели до преступленія; лишимъ вс?хъ крупныхъ преступниковъ, эти гнусные продукты буржуазной праздности, возможности выставлять на показъ свои пороки подъ соблазнительными формами, – и тогда въ нашемъ обществ? почти не будетъ преступленій!

Преступленіямъ способствуютъ (кром? праздности) Законъ и Власть: законы о правахъ собственности, законы о правительств?, законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ и Власть, которая беретъ на себя обязанность издавать законы и сл?дить за ихъ исполненіемъ”.

Долой законы, долой судей! Свобода, Равенство и Солидарность, – вотъ т? принципы, та неразрушимая плотина, которую мы можемъ противопоставить антисоціальнымъ инстинктамъ изв?стной части нашего общества.

Революціонное правительство.

I.

Современныя правительства должны пасть, чтобъ свобода, равенство и братство перестали быть словами и облеклись въ реальную форму. Вс? виды правительства, испытанные до сихъ поръ, были лишь различными формами угнетенія и должны быть зам?нены новой формой группировки; на этомъ сходятся вс?, бол?е иди мен?е революціонно настроенные, члены нашего общества. Да и не надо быть новаторомъ, чтобъ придти къ этому заключенію; пороки современныхъ правительствъ и невозможность ихъ преобразовать такъ очевидно, что бросаются въ глаза каждому мало-мальски разумному наблюдателю. Мы знаемъ, что въ изв?стныя эпохи низвергнуть правительство почти ничего не стоитъ. Есть моменты, когда правительства, подобно карточнымъ домикамъ, рушатся почти сами собой отъ мал?йшаго натиска возставшаго народа. Мы это вид?ли въ 1848 и въ 1870 году; мы это увидимъ въ скоромъ будущемъ.

Низвергнуть правительство – вотъ конечная ц?ль для революціонера-буржуа. Для насъ же это только начало Соціальной Революціи. Когда Государственная машина лопнетъ, когда іерархія чиновниковъ будетъ дезорганизована, и солдаты потеряютъ дов?ріе къ своимъ начальникамъ, словомъ, когда армія защитниковъ Капитала будетъ поб?ждена, – передъ нами предстанетъ великое д?ло разрушенія институтовъ, стремящихся ув?ков?чить экономическое и политическое рабство. Положимъ, свобода д?йствій прїобр?тена, – что же будутъ д?лать революціонеры?

На этотъ вопросъ только анархисты отв?чаютъ: „Долой правительство, да здравствуетъ анархія!” Вс? же остальные провозглашаютъ „революціонное правительство”. Разногласіе между ними происходитъ лишь относительно формы, которую нужно будетъ дать правительству, избранному путемъ всеобщей подачи голосовъ, въ Государств? или въ Коммун?. Н?которые же высказываются за революціонную диктатуру.

„Революционное правительство!” Какъ странно звучать эти два слова для тѣхъ, которые понимаютъ чѣмъ должна быть Соціальная Революція и что такое правительство. Эти два слова противорѣчатъ другъ другу, взаимно уничтожаются. Мы знаемъ, что изъ себя представляетъ деспотическое правительство: стоять за реакцію противъ революціи, стремиться къ деспотизму – вотъ сущность всякаго правительства; но никто никогда не видѣлъ революціоннаго правительства. Революція – это синонимъ „безпорядка”, низверженія въ нѣсколько часовъ вѣковыхъ институтовъ, насильственнаго разрушенія установившихся формъ собственности, уничтоженія кастъ, внезапнаго перерожденія взглядовъ на нравственность, вѣрнѣе на заступающее ея мѣсто лицемѣріе, синонимъ личной свободы и свободы дѣйствій, – словомъ отрицаніе правительства, этого синонима „порядка”, консерватизма, сохраненія существующихъ институтовъ, отрицанія частной инициативы и свободы дѣйствій. И, тѣмъ не менѣе, намъ безпрестанно говорятъ объ этомъ „бѣломъ дроздѣ”, какъ будто бы „революционное правительство” – самая обыденная вещь на свѣтѣ, столь же знакомая всѣмъ и каждому, какъ королевство, имперія или папство.

Революціонеры изъ буржуазіи должны проповѣдывать эту идею; оно вполне понятно. Мы знаемъ, что они называютъ революціей. Это подштукатуриваніе буржуазной республики; это захватъ, такъ называемыми, республиканцами, доходныхъ должностей, сосредоточенныхъ сейчасъ въ рукахъ бонапартистовъ и роялистовъ; это разрывъ брака между Церковью и Государствомъ, замѣненный ихъ конкубинатомъ; это секвестрація церковныхъ имуществъ въ пользу Государства, вѣрнѣе, въ пользу управляющихъ этими имуществами; быть можетъ, это референдумъ или что-либо въ этомъ родѣ... Но что революціонеры социалисты стали апостолами этой идеи – абсолютно непонятно, если не допустить слѣдующихъ двухъ предположеній. Или ея защитники такъ заражены буржуазными предрасудками, которые они почерпнули, можетъ быть, даже безсознательно, въ литературѣ и, главнымъ образомъ, въ исторіи, сфабрикованной специально для буржуазіи самими буржуа, такъ проникнуты духомъ рабства, этимъ плодомъ долгихъ вѣковъ крѣпостничества, что они не способны даже представить себѣ, что могутъ быть свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе не хотятъ той Революціи, о которой они безпрестанно говорятъ: они удовлетворятся нѣкоторымъ преобразованиемъ существующихъ институтовъ, лишь бы это обезпечило имъ власть. Они борются съ правительствомъ исключительно для того, чтобы какъ можно скорѣе занять его мѣсто. Съ ними мы и не станемъ разсуждать. Поговоримъ съ тѣми, которые искренно заблуждаются.

Разберемъ первую изъ двухъ провозглашенныхъ формъ „революціоннаго правительства” – правительство выборное.

Королевская власть низвергнута, армія защитниковъ капитала побѣждена, вездѣ броженіе, жажда работать для общаго дѣла, стремленіе впередъ. Возникаютъ новые идеи, сознается необходимость коренныхъ переменъ, – надо дѣйствовать, надо приняться за беспощадную работу разрушенія, чтобы очистить путь для новой жизни. Что же предлагаютъ намъ дѣлать? – Созвать народъ для выборовъ, провозгласить правительство и передать ему ту работу, которую каждый изъ насъ долженъ дѣлать самъ, руководствуясь своей собственной инициативой.

Такъ и сдѣлалъ Парижъ послѣ 18 марта 1871 года. – „Я никогда не забуду, – говорилъ мнѣ одинъ пріятель, – этихъ чудныхъ моментовъ освобожденія. Я спустился изъ своей маленькой комнаты въ латинскомъ кварталѣ, чтобы войти въ этотъ огромный клубъ подъ открытымъ небомъ, чтобы смѣшаться съ толпой, наводнявшей улицы Парижа. Всѣ обсуждали общее дѣло; всякая личная забота была на время отложена: дѣло шло не о куплѣ и продажѣ, всѣ были готовы душой и тѣломъ ринуться въ неизвѣстное будущее. Даже буржуа, захваченные общимъ порывомъ, съ ликованиемъ смотрѣли, какъ открывался новый міръ. „Если нужна социальная революція, – произведемъ ее: пусть все станетъ общимъ достояніемъ; мы готовы!” Элементы революціи были на лицо: надо было употребить ихъ въ дѣло. Придя вечеромъ домой, я подумалъ: „Какъ человѣчество прекрасно! Его не знаютъ и всегда клеветаютъ на него!” Потомъ наступили выборы, члены коммуны были назначены, – и понемногу потухла сила самоотверженія и усердія къ дѣлу. Каждый принялся за свою обычную работу, говоря: „Теперь у насъ есть честное правительство; предоставимъ ему поступать какъ оно хочетъ”... Мы знаемъ, каковы были послѣдствія.

Народъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, идти впереди, смѣло

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
ринуться навстречу новому порядку вещей, передал своим правителям право инициативы. Вот первое послѣдствие – неизбежный результат выборов. Что же будут делать эти правители, облеченные всеобщим доверием?

Никогда выборы не были так свободны, как в марте 1871 года. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были так проникнуты желанием поставить у кормила правления лучших людей, людей будущего, революционеров. Так они и сдѣлали. Все известные революционеры были избраны подавляющим большинством; якобинцы, бланкисты, интернационалисты, все три революционных фракции имѣли своих представителей в Совете Коммуны. Выборы не могли дать лучшего правительства.

Мы знаем, каковы были результаты. Запертые в Городской Думе, обязанные действовать, придерживаясь форм установленных предшествующими правительствами, эти ярые революционеры, эти реформаторы потеряли способность что-либо создать. Не смотря на их страстное желание, на их храбрость, они не сумели организовать даже защиту Парижа. Теперь в этом обвиняют отдельных личностей; но причина неудачи не в них, а в самой системе.

В самом деле, собрание, избранное при всеобщей подаче голосов, будет в лучшем случае состоять из представителей среднего уровня понятий, распространенных в данное время в массах; но в начале революции эти представители не понимают даже, что предстоит совершить и абсолютно не знают, как взяться за дело. Ах, если бы большая часть нации или Коммуны могла до начала движения сговориться и определить, что делать, как только правительство будет низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетных утопистов могла бы быть осуществлена, у нас никогда бы не было кровавых революций: когда желание большинства нации было бы определенно высказано, меньшинство добровольно подчинилось бы ему. Но на деле выходит иначе. Революция раздражается задолго до того, как может быть установлено общее соглашение, и те, которые понимают, что надо делать на другой день после взрыва, составляют в этот момент лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь в общих чертах представляет себе ту цель, к осуществлению которой она стремится, и не знает, какие пути ведут к ее достижению. Практическое решение выяснится лишь в тот момент, когда начнется преобразование: оно будет продуктом самой революции, продуктом работы народа, или же оно будет – ничем, выдумкой отдельных лиц, абсолютно неспособных найти то решение, которое должно быть рождено жизнью самого народа.

Это положение вещей неизбежно отражается на собрании, избранном путем всеобщей подачи голосов, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всем представительным правительствам. Представители революционной идеи данной эпохи слишком малочисленны и теряются среди представителей революционных школ прошлого и защитников существующего порядка вещей. Эти люди в дни революции должны быть среди народа, чтобы широко распространять свои идеи, привести массы в движение и уничтожить институты прошлого; а между тем они сидят тут, прикованные к залу Собраний, и ведут бесконечные споры, стремясь вырвать у умренных и переубедить своих противников, которых только осуществление новой идеи может обратить в ее сторонников. Правительство превращается в парламент со всеми недостатками буржуазных парламентов. Это „революционное” правительство становится непреодолимым препятствием для революции и народ, если он хочет перестать топтаться на месте, должен отставить тех, которых еще вчера он приветствовал, как своих избранных. Но это уже не так легко. Новое правительство успело организовать целую иерархию администраторов для расширения своей власти и подчинения себе народа, теперь оно уже добровольно не уступит своего места. Стремясь удержать власть в своих руках, оно цепляется за нее со всей энергией молодого правительства, которого еще не успело коснуться старческое разложение. Оно готово противопоставить силу сил и, чтобы его свергнуть, надо снова взяться за оружие, произвести новую революцию. – И все это для того, чтобы освободиться от тех, на кого было возложено столько надежд!

И вот, революция распалась! Потеряв столько времени на ожидание, она теперь будет тратить свои силы на распри между приверженцами нового правительства и теми, которые сознали необходимость освободиться от него!

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
И все это потому, что никто не хочет понять сл?дующей простой истины:
новая жизнь требует новых форм, нельзя произвести революцию, ц?пляясь за
старья формы, революция и правительство несом?стимы, одно, – под? какимъ
бы видомъ оно ни было представлено, – всегда уничтожаетъ другое; вн?
анархїи – н?ть революціи!

То же самое можно сказать о другой форм? „революціоннаго правительства” –
революціонной диктатур?.

II.

Опасность, которой подвергается Революция, когда надъ ней господствуетъ
выборное правительство, такъ очевидна, что ц?лая школа революціонеровъ
совершенно отказалась отъ этой идеи. Они понимаютъ, что возставшїй народъ
не можетъ путемъ выборовъ провозгласить правительство, которое не являлось
бы представителемъ прошлаго и не м?шало народу совершить тотъ грандіозный
экономическій, политическій и нравственный переворотъ, который мы называемъ
Соціальной Революціей. Они окончательно отказываются отъ мысли о
„легальномъ” правительств?, по крайней м?р?, на періодъ возстанїя противъ
легальности, и провозглашаютъ „революціонную диктатуру”.

Та партїя, – говорятъ они, – которая свергнетъ правительство, захочетъ сама
занять его м?сто. Она захватитъ власть въ свои руки и будетъ д?йствовать
революціоннымъ путемъ. Она приметъ вс? необходїмая м?ры, чтобъ обезпечить
усп?хъ возстанїю, разрушить старыя институты и организуетъ защиту
территорїи. Вс?мъ, кто не захочетъ признать ея власти, – гильотина; вс?мъ,
будь они изъ народа или буржуазїи, которые откажутся подчиняться ея
приказамъ, изданнымъ съ ц?лью регулировать ходъ революціи, – тоже
гильотина!” Вотъ какъ разсуждаютъ будущїе Робеспьеры, которые изъ великой
эпопеи прошлаго в?ка запомнили лишь періодъ упадка и р?чи прокуроровъ
республики.

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговоръ надъ диктатурой, какъ
одного лица, такъ и одной какой нибудь партїи, – въ сущности говоря, это
одно и то же. Мы знаемъ, что одно лицо или одна группа не могутъ дать
должнаго направленїя соціальной революціи. Мы знаемъ, что революция и
правительство несом?стимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была
форма правленїя: диктатура, королевство или парламентъ. Мы знаемъ, что сила
нашей партїи заключается въ сл?дующей основной формул?: – „Только свободная
иниціатива народа можетъ создать что либо ц?нное и прочное, а всякая власть
стремится убить эту инициативу”. Вотъ почему, если бы наши идеи не должны
были пройти черезъ горнило народа, чтобъ быть осуществленными, если бы мы
стали хозяевами того замысловатаго хитро-сплетенїя, – правительства, –
которое позволяетъ каждому д?йствовать сообразно своей фантазїи, то лучшіе
изъ насъ черезъ нед?лю стали бы достойны смертной казни. Мы знаемъ, что
всякая диктатура, какъ бы честны ни были ея нам?ренїя, ведетъ къ смерти
революціи. Мы знаемъ, наконецъ, что идея диктатуры есть не что иное, какъ
зловредный продуктъ правительственнаго фетишизма, который вм?ст? съ
религіознымъ фетишизмомъ всегда стремился ув?ков?чить рабство.

Но теперь мы обращаемся не къ анархистамъ. Мы хотимъ поговорить съ т?ми
революціонерами, приверженцами правительства, которые заражены
предразсудками, внушенными имъ воспитанїемъ, которые искренно заблуждаются
и охотно выслушаютъ наши доводы. Мы станемъ на ихъ точку зр?нїя, и такъ
будемъ говорить съ ними.

Защитники диктатуры не зам?чаютъ сами, что, поддерживая этотъ
предразсудокъ, они готовятъ почву для торжества своихъ противниковъ. Я
бы посов?товалъ поклонникамъ Робеспьера твердо помнить сл?дующїя его слова.
Онъ въ принцип? признавалъ диктатуру. Но... – „Остерегайся больше всего
диктатуры” – р?зко оборвалъ онъ Мандара, когда этотъ попробовалъ заговорить
о ней. „Диктаторомъ былъ бы Бриссо!” Да, Бриссо, этотъ хитрый жирондистъ,
ожесточенный противникъ стремленїи народа къ равенству, ярый защитникъ
собственности (которую онъ самъ когда-то называлъ воровствомъ), Бриссо,
который преспокойно заключилъ бы въ тюрьму Марата и вс?хъ ум?ренныхъ
якобинцевъ!

Но эти слова относятся къ 1792 году! Въ эту эпоху Франція уже три года была

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
объята революціей! Фактически королевской власти уже не существовало: оставалось только нанести ей послѣдній ударъ; феодальный режимъ былъ уже уничтоженъ. И не смотря на это, даже въ ту эпоху, когда революція свободно и смѣло несла свои волны, все же контръ-революціонеръ Бриссо имѣлъ всѣ шансы быть провозглашеннымъ диктаторомъ! А что было бы раньше, въ 1789 году? Мирабо былъ бы призванъ стать во главѣ правительства! Мирабо, этотъ человѣкъ, который торговалъ своимъ краснорѣчіемъ, продавалъ его королю, – вотъ въ чьи руки въ ту эпоху перешла бы власть, если бы возставшій народъ, опираясь на штыки, не провозгласилъ своего могущества и не воспользовался побѣдами Жакеріи, чтобы сдѣлать призрачной всякую власть, утвержденную въ Парижѣ или въ департаментахъ.

Но, правительственный предразсудокъ такъ ослѣпляетъ тѣхъ, которые думаютъ о диктатурѣ, что они предпочитаютъ приготовить диктатуру какого-нибудь новаго Бриссо или Наполеона, чѣмъ отказаться отъ мысли навязать новаго повелителя человѣчеству, разрывающему свои цѣпи.

Тайныя общества время реставраціи и Людовика-Филиппа въ значительной степени способствовали развитію принципа диктатуры и поддерживали этотъ предразсудокъ. Буржуа республиканцы той эпохи, опираясь на трудящіяся массы, составили цѣлый рядъ заговоровъ, чтобы свергнуть королевскую власть и провозгласить республику. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое глубокое перерожденіе должно произойти во Франціи, даже для того, чтобы установился буржуазный республиканскій режимъ, они воображали, что путемъ одной только конспираціи они сумѣютъ свергнуть короля, захватить власть и провозгласить республику. Въ теченіе тридцати лѣтъ, эти тайныя общества работали съ безграничнымъ самоотверженіемъ, поразительной настойчивостью и геройствомъ. Если республика была естественнымъ слѣдствіемъ возстанія февраля 1848 года, то этимъ она обязана тайнымъ обществамъ и ихъ усердной пропагандѣ дѣйствіемъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Не будь ихъ самоотверженной работы, республика была бы не мыслима и до сихъ поръ.

Они думали захватить власть и утвердиться, какъ республиканская диктатура. Но, какъ и слѣдовало ожидать, это имъ не удалось. Какъ всегда, въ силу самой необходимости вещей, королевская власть была свергнута не путемъ заговоровъ. Конспираторы только подготовили ея паденіе. Они широко распространили въ массахъ идею республики, и, благодаря ихъ героямъ и мученикамъ, она стала идеаломъ народа. Но послѣдній натискъ, рѣшительный ударъ, который положилъ конецъ власти короля буржуазіи, былъ слишкомъ силенъ, чтобы быть дѣломъ тайныхъ обществъ: это былъ натискъ всего народа.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Партія, которая подготовила паденіе королевской власти – она не была допущена даже на порогъ Городской Думы. Люди, слишкомъ осторожные, чтобы подвергаться опасностямъ конспираціи, но болѣе извѣстные, болѣе умѣренныя, выжидаящіе удобнаго момента для захвата власти, заняли тѣ мѣста, которыя конспираторы завоевали подъ громъ пушекъ. Публицисты, адвокаты, краснобаи, которые работали надъ созданіемъ себѣ имени, въ то время, какъ настоящіе республиканцы ковали оружіе или томились въ каторгѣ, захватили власть. Одни изъ нихъ, самые извѣстные, были призваны къ власти разными бездѣльниками; другіе навязывались сами, и были приняты только потому, что ихъ имя ничего не говорило толпѣ, или, вѣрнѣе, давало программу, приспособленную во всѣмъ вкусамъ.

Пусть не говорятъ намъ, что это были промахи, недостатокъ практическаго ума со стороны дѣйствующей партіи; что другія сдѣлаютъ лучше... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Дѣйствующая партія остается за бортомъ, а интриганы и краснобаи захватываютъ въ свои руки власть – это такой же непреложный законъ, какъ законы движенія свѣтила. Эти говоруну болѣе популярны въ той массѣ, которая произвела послѣдній натискъ. Они получаютъ наибольшее число голосовъ; ихъ будутъ привѣтствовать всѣ, а главнымъ образомъ, враги революціи, которымъ выгодно выдвинуть ничтожностей; въ правители попадутъ противники движенія или же люди вполне безразличныя.

Человѣкъ, который былъ самимъ воплощеніемъ конспиративной системы, человѣкъ, который всю жизнь провелъ въ тюрьмѣ изъ за преданности этой системѣ, накануне смерти бросилъ міру слѣдующія слова, представляющія собой цѣлую программу: ни Бога, ни учителя!

III.

Главная ошибка всѣхъ революціонныхъ организацій, народившихся въ нѣдрахъ республиканской буржуазіи съ 1820 года, состоитъ въ слѣдующемъ: онѣ думаютъ что правительство можетъ быть низвергнуто тайными обществами и что эти общества могутъ занять его мѣсто. Всѣ послѣдующіе факты способствовали выясненію этой ошибки. Какое самоотверженіе, сколько настойчивости, сколько самоотреченія проявляли тайныя республиканскія общества молодой Италіи, какая гигантская работа, сколько жертвъ, жертвъ передъ которыми блѣднѣютъ подвиги русской революціонной молодежи, сколько борцовъ похороненныхъ въ казематахъ австрійскихъ крѣпостей, погибшихъ отъ ножа и пуль палачей! – И все это досталось въ наслѣдіе разнымъ пролазамъ изъ буржуазіи и приближеннымъ короля.

То же самое въ Россіи. Врядъ ли найдется въ исторіи тайная организація, которая, располагая столь незначительными средствами, достигла бы такихъ громадныхъ результатовъ, какъ Исполнительный Комитетъ, проявившій столько энергіи и силы. И все же, было бы наивно думать, что Исполнительный Комитетъ станетъ когда-нибудь во главѣ правленія.

Люди осторожные, создававшіе себѣ имя въ то время, какъ революціонеры изнемогали въ рудникахъ и погибали въ Сибири, – интриганы, краснобаи, адвокаты и литераторы, которые проливали слезы надъ свѣжей могилой героевъ и объявляли себя друзьями народа, – вотъ кто займетъ вакантное мѣсто правительства и грубо крикнетъ: Назад! тѣмъ „незнакомцамъ”, которые подготовили революцію.

Это неизбежно, это не можетъ быть иначе. Не тайныя общества и даже не революціонныя организаціи наносятъ правительствамъ рѣшительный ударъ. Ихъ функція, ихъ историческая миссія состоятъ въ томъ, чтобы подготовить умы къ революціи. Когда же ихъ идеи достаточно распространены, – внѣшнія обстоятельства помогаютъ, – послѣдній натискъ производится не группой инициаторовъ, а массами, находящимися внѣ всякой организаціи. 31 августа Парижъ былъ глухъ ко всѣмъ призывамъ Бланки. Четыре дня спустя, онъ провозгласилъ паденіе правительства; но уже не Бланкисты были инициаторами этого движенія, а самъ народъ. Правительство пало, и толпа привѣтствовала крикуновъ, имена которыхъ непрерывно жужжали въ ея ушахъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Когда революція готова разразиться и въ воздухѣ чувствуется напряженіе, когда успѣхъ почти обезпеченъ, тысячи новыхъ людей, на которыхъ тайныя организаціи не имѣли непосредственнаго вліянія, присоединяются къ движенію, присасываются къ нему подобно воронамъ, слетѣвшимъ на поле брани дѣлать добычу. Они наносятъ послѣдній ударъ и сейчасъ же начинаютъ искать себѣ новыхъ правителей не среди конспираторовъ, честныхъ и непримиримыхъ, а среди людей безъ убѣжденій, среди флюгеровъ. О томъ, что можно обойтись безъ правителей, они и не думаютъ.

Конспираторы, поддерживая предразсудки о диктатурѣ, бессознательно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы власть перешла въ руки ихъ противниковъ.

Но, если все что мы говорили, справедливо по отношенію къ революціямъ, или вѣрнѣе возстаніямъ политическимъ, – то это тѣмъ болѣе справедливо для революціи, о которой мы мечтаемъ, – Революціи Соціальной. Позволить утвердиться какому бы то ни было правительству, власти сильной и способной заставить подчиняться себѣ, – это преградить путь революціи съ самыхъ ея первыхъ шаговъ. Польза, приносимая этимъ правительствомъ, сводится къ нулю, вредъ же его – неизмѣримъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что понимаемъ мы подъ этой Революціей? Это уже не перемѣна правителей. Это захватъ народомъ всѣхъ общественныхъ богатствъ. Это уничтоженіе всякой власти, – власти, которая непрерывно препятствовала развитію человѣчества. Но можетъ ли эта грандіозная экономическая революція быть совершена декретами, исходящими отъ правительства? Мы знаемъ, что польскій революціонный диктаторъ, Костюшко, еще въ прошломъ вѣкѣ декретировалъ уничтоженіе личнаго рабства, – рабство существовало послѣ того еще восемьдесятъ лѣтъ. Мы знаемъ, что Конвентъ, всемогущій Конвентъ, грозный Конвентъ, какъ говорили его поклонники, – декретировалъ поголовный раздѣлъ всѣхъ общественныхъ земель, отобранныхъ у сеньоровъ. Этотъ декретъ, подобно многимъ другимъ, остался мертвой буквой, такъ какъ для приведенія его въ исполненіе деревенскій пролетаріатъ долженъ былъ бы произвести новую

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
революцію, а революції не производятся декретами. Чтобы народ завладесть
всеми общественными богатствами, он должен себя чувствовать вполне
свободным, должен свергнуть рабство, к которому он уже слишком
привык, должен действовать по своей собственной инициативе и смело идти
вперед, не дожидаясь никаких приказаний. Все это будет
препятствовать диктатура, как бы честны ни были ее намерения; сама же она
не способна двинуть ни на шаг дело революции.

Но если правительство, – будь оно даже идеалом революционного
правительства, – не способно создать новой силы, не способно содействовать
работе разрушения, то тем более мы не должны рассчитывать на него при
работе созидания. Экономический переворот – это результат Социальной
Революции будет так велик и глубок, и так изменит все
взаимоотношения, основанные теперь на собственности и обмене, – что одному
или нескольким индивидуумам будет невозможно выработать те социальные
формы, которые должны народиться в обществе будущего. Только коллективный
труд всего народа может выработать эти новые социальные формы, только
гибкость коллективной мысли целой страны может удовлетворить безграничному
разнообразию условий и потребностей, которые народятся в день падения
частной собственности. Всякая внешняя власть будет лишь препятствием,
помехой органической работе; она явится источником вражды и раздора.

Но давно пора распрощаться с мыслью о революционном правительстве, пора
покинуть эту мечту, неоднократно обманувшую нас. Пора понять политическую
аксиому, что правительство не может быть революционным. Нам говорят о
концепте; но не надо забывать, что те меры, принятые Конвентом, которые
носили хоть сколько-нибудь революционный характер, были только санкцией
фактов, уже совершенных народом, но считавшимся в то время ни с каким
правительством. Конвент, подобно всем предшествующим и последующим
правительствам, был исключительно препятствием для созидательной работы
народа.

Факты, которые дает нам история, так убедительны; безмысленность
революционного правительства, бесполезность всего того, что называют этим
именем, так очевидны, что, казалось бы, невозможно объяснить, почему
известная школа, именующая себя социалистической, с такой яростью
защищает идею революционного правительства. Но, в сущности говоря, это
вполне понятно. Дело в том, что последователи этой школы, сколько бы они
ни называли себя социалистами, совершенно иначе смотрят на будущую
революцию. Для них, – как для всех радикалов буржуа, – Социальная
Революция дело далекого будущего, и об ее осуществлении сейчас не может
быть и речи. Они мечтают, не смея впрочем признаться в этом, об
установлении правительства, подобного правительствам Швейцарии или
Соединенных Штатов, которые стремятся присвоить Государству все то, что
они называют „services publics”. Это нечто среднее между идеалом Бисмарка
и идеалом портного, который мечтает получить место президента в
Соединенных Штатах. Это компромисс между социалистическими стремлениями
масс и аппетитами буржуазии. Эти „социалисты”, хотели бы, конечно, полной
экспроприации, но они не смеют приступить к ней, откладывают ее на
будущий век и задолго до начала битвы вступают в переговоры с врагами.

Для нас же ясно, что момент нанести смертельный удар буржуазии настал,
что недалеко то время, когда народ завладеет всеми общественными
богатствами и доведет до полного бессилия класс эксплуататоров. И
потому, мы без всяких колебаний ринемся в Социальную Революцию и, так
как всякое правительство, каким бы именем оно себя ни называло, будет
служить нам помехой, мы сметем с нашего пути всех честолюбцев, которые
вздумают распоряжаться судьбой народа.

Все социалисты!

С тех пор, как идеи социализма стали проникать в рабочие массы,
замечается следующее интересное явление. Враги социализма поняли, что
лучший способ подавить это течение состоит в том, чтобы прослыть его
сторонниками и спешат объявить себя социалистами. Поговорите с одним из
тех толстых буржуа, которые немилосердно эксплуатируют рабочего,
работницу и ребенка. Поговорите с ним о возмутительном неравенстве
распределения богатств, о кризисах и нищете, которую они порождают;
поговорите с ним о необходимости изменения режима собственности для

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
улучшения положения рабочих; и если ваш буржуа умень, если он добивается
успеха в политике, а главное, если вы его избиратель, он поспешит вам
сказать:

– Помилуйте, я тоже социалист! – Социальный вопрос, сберегательные кассы,
нормировка труда; – я вполне разделяю ваши мысли относительно всего этого.
Только, знаете что? Нельзя все перевернуть в один день, будем
действовать осторожно! – И, покинув вас, он идет „осторожно” обирать
„своих рабочих”, предвидя те убытки, которые социалистическая агитация
причинит ему в скором будущем.

Прежде, он повернул бы вам спину. Теперь, он стремится вас заставить
поверить, что вполне разделяет ваши мысли; таким путем он надеется
легче справиться с вами, когда представится возможность.

Это явление стало особенно замечательным после выборов 1881 года, во Франции.
Достаточно было в любом избирательном собрании поднять вопрос о
социализме, чтобы те, которые добивались избрания, сейчас же объявили себя
приверженцами социализма, – настоящего социализма, – конечно, социализма
плутов и обманщиков.

Две трети делегатов дали понять избирателям, что они в Палате думают
заняться социальным вопросом. Клемансо объявил себя социалистом;
Гамбетта был близок к этому; если бы он не предвидел высшего счастья
пожар когда-нибудь руку какому-нибудь величеству, он, наверное,
откровенно объявил бы себя социалистом. Бисмарк и не колебался: он
выдавал себя за ярого социалиста, социалиста par excellence; в Англии
нередко приходилось слышать, что, если бы лорд Биконсфильд прожил бы
дольше, он „разрешил бы социальный вопрос”. Все, вплоть до носителей
клубка и рясы, заняты этим. Проповедники при Берлинском дворе
превозносят социализм, а во Франции монахи издают журнал, в котором
объявляют себя знатоками настоящего социализма.

Словом, все социалисты! Биржевик, который спекулирует на повышении и
понижении цены на хлеб, чтобы купить бриллианты своей женой; хозяин,
который доводит рабочих до чахотки и детей до полного истощения;
правители, которые арестовывают в Берлине и вешают в Петербурге;
жандармы которые обыскивают – все, если они и роются в наших бумагах,
арестовывают и вешают социалистов, истребляют рабочих и детей,
хозяйничают в политике и финансах, они это делают, чтобы ускорить
приближение торжества социализма!

А между тем, находятся социалисты, которые так наивны, что слагают гимны
победы при виде этого зрелища, – „Господин, такой то объявил себя
социалистом; Гамбетта признал существование социального вопроса! Вот
вам новое доказательство, что наша идея завоевывает себе место”, –
спешат они объявить в своих газетах. – Как будто нам нужна чья бы то
ни была санкция, доказывающая, что идеи социализма находят широкое
распространение в среде народа!

Нас же это зрелище ничуть не радует. Оно, с одной стороны, убеждает
нас в том, что буржуазия составляет заговор против социализма и
стремится примкнуть к нему ту политику надувательства, которую оно когда
то примкнуло к республиканской идее, с другой стороны, оно показывает
нам, что те, которых мы считали когда то социалистами, отреклись теперь
от основных идей социализма и перешли в лагерь буржуазии, сохранив,
чтобы замаскировать свой переход, кличку социалистов.

Какова же была, в самом деле, идея, на которой основан социализм?

– Необходимость уничтожения заработной платы, частной собственности на
землю, дома, средства и орудия производства, словом, на общественный
капитал. Тот, кто не признавал этой основной идеи, не проводил ее в
своей частной жизни, отрекаясь от какой бы то ни было эксплуатации, – не
мог считаться социалистом.

– „Признаете ли вы необходимость уничтожения частной собственности? –
Признаете ли вы необходимость экспроприации общественного капитала в
пользу всех? – Обязуетесь ли вы жить согласно этим принципам?”

Вот что спрашивали когда то, прежде чѣмъ протянуть вамъ руку, какъ социалисту.

Очевидно, что задавая вамъ эти вопросы, васъ не спрашивали, признаете ли вы необходимость уничтоженія частной собственности черезъ двѣсти или двѣ тысячи лѣтъ! Кто станетъ себѣ задавать праздные вопросы о томъ, что нужно будетъ дѣлать черезъ двѣсти лѣтъ! Когда говорили объ уничтоженіи частной собственности, признавали необходимость его немедленнаго осуществленія, и рѣшено было сдѣлать первыя попытки въ моментъ наступленія будущей революціи. – „Будущая революція” – говорили социалисты десять лѣтъ тому назадъ (а тѣ, которые остались социалистами, повторяютъ это и сейчасъ), – „будущая революція не должна быть простой перемѣной правительства, сопровождаемой нѣкоторыми улучшениями въ государственной машинѣ: это будетъ Соціальная Революція”.

Сознаніе необходимости подготовиться къ экспроприаціи ко дню наступленія будущей революціи составляла основную идею социалистовъ; вотъ чѣмъ они отличались отъ тѣхъ, которые признавали необходимость нѣкотораго улучшения быта рабочихъ и готовы были согласиться, что коммунизмъ идеаль будущаго общества, но не могли допустить мысли о его немедленномъ осуществленіи.

Исповѣдая эти идеи, социалисты были увѣрены, что ихъ не спутають съ ихъ противниками. Они были увѣрены, что именемъ социалиста не воспользуются тѣ, которые просто на просто стремятся поддержать современную эксплоатацію.

Теперь все это измѣнилось.

Въ средѣ самой буржуазіи образовалось гнѣздо авантюристовъ, которые поняли, что, не прицѣпивъ къ себѣ ярлыка социалиста, невозможно достигъ власти. Надо было найти способъ заставить себя признать партіей, не принимая ея принциповъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали тѣ, которые поняли, что подавить социализмъ можно только войдя въ ряды его приверженцевъ, извративъ его принципы и направивъ на ложный путь его тактику.

Къ сожалѣнію, нашлись социалисты, социалисты прошлаго, которые захотѣли сгруппировать вокругъ себя какъ можно больше народа; они охотно принимали въ свои ряды всѣхъ, согласившихся прицѣпить къ себѣ ярлыкъ социалиста, и широко открыли двери всѣмъ, якобы обращеннымъ. Они сами отказались отъ основной идеи социализма и подъ своимъ покровительствомъ образовали новый видъ социалистовъ, который отъ старой партіи сохранилъ только имя.

Подобно тому русскому жандармскому полковнику, который говорилъ одному изъ нашихъ друзей, что онъ преклоняется передъ коммунистическимъ идеаломъ, но что, такъ какъ этотъ идеаль можетъ быть осуществлень только черезъ 200 или даже 500 лѣтъ, надо преслѣдовать и лишать свободы всѣхъ, занимающихся пропагандой коммунизма; повторяю, подобно тому жандармскому полковнику, новые социалисты объявляютъ, что надо отложить на далекое будущее уничтоженіе частной собственности и экспроприацію, забыть всѣ эти фантазіи и утопіи, приступить къ осуществимымъ реформамъ и не считаться съ тѣми, которые твердо стоятъ за идею экспроприаціи и препятствуютъ этимъ немедленному проведенію реформъ. – „Подготовимъ, говорятъ они, почву не для экспроприаціи земли, а для захвата государственной машины, и тогда примемся за улучшение положенія рабочихъ. Подготовимъ для будущей революціи не завоеваніе мастерскихъ, а завоеваніе муниципалитетовъ.”

Какъ будто буржуазія, если бы капиталъ остался въ ея рукахъ, позволила бы имъ дѣлать социалистическіе опыты, даже если имъ бы удалось захватить власть! Какъ будто бы завоеваніе муниципалитетовъ возможно безъ завоеванія мастерскихъ!

Послѣдствія всего этого заставляютъ себя уже чувствовать.

Теперь, когда передъ вами одинъ изъ этихъ новыхъ социалистовъ, вы не знаете съ кѣмъ вы имѣете дѣло: съ какимъ нибудь господиномъ, вродѣ русскаго жандармскаго полковника, или съ настоящимъ социалистомъ. Они всѣ признають, что когда нибудь, – черезъ тысячу лѣтъ, можетъ быть, – собственность должна стать коллективной; но теперь они занимаются избраніемъ какого нибудь члена Палаты, который потребуеть у нея уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Разница между социализмомъ жандармскаго полковника и социализмомъ нео-социалистовъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
почти неуловима: Вс? социалисты! Рабочій, который не им?еть возможности сл?дить за тридцатью газетами, скоро не будетъ знать, гд? социалисты и гд? извратители социалистической идеи. Въ день Революціи, рабочимъ придется перенести много испытаній, пролить много крови, прежде, ч?мъ они поймутъ, кто ихъ друзья и кто ихъ враги.

Духъ возстанія[12].

Въ жизни челоу?чества бывають эпохи, когда революція становится насущной необходимостью, когда она неизб?жна. Новыя идеи нарождаются съ каждымъ днемъ, стремятся проявиться и найти себ? прим?неніе въ жизни, но он? на каждомъ шагу сталкиваются съ инертностью защитниковъ стараго режима и гаснуть въ удушливой атмосфер? старыхъ предрассудковъ и традицій прошлаго. Принятые въ нашемъ обществ? взгляды на политическій строй Государствъ, на законы социальнаго равнов?сія, на политическія и экономическія взаимоотношенія гражданъ не выдерживають никакой критики; они разбиваются каждый день, при каждомъ удобномъ случа?, какъ въ трудахъ философовъ, такъ и въ обыденной бес?д?, какъ въ роскошныхъ салонахъ, такъ и въ убогихъ харчевняхъ. Политическіе, экономическіе и социальныя институты рушатся; старыя зданія, развалины, въ которыхъ жизнь стала уже невозможна, – они не даютъ развиваться зачаткамъ, зародившимся въ разс?линахъ ихъ полуразрушенныхъ ст?нъ.

Чувствуется потребность чего-то новаго. Нравственный кодексъ, которымъ до сихъ поръ руководствовалась большая часть людей въ своей обыденной жизни, потерялъ всякое значеніе, сталъ явной безмыслицей.

Все, что мы еще такъ недавно уважали, съ ч?мъ мирились, признается теперь вопіющей несправедливостью; нравственность вчерашняго дня поражаетъ своей ужасающей безнравственностью. Столкновенія между новыми идеями и старыми традиціями становятся все чаще и ожесточенн?е; они вносятъ разладъ во вс? слои общества и даже въ семью. Сынъ вступаетъ въ борьбу съ отцомъ: онъ приходитъ въ ужасъ отъ всего того, что отецъ находилъ естественнымъ всю свою жизнь; дочь возмущается т?ми принципами, которые мать старается ей передать, какъ плоды своего многол?тняго опыта. Народное сознаніе, народная сов?сть возстають ежедневно противъ вс?хъ безобразій, происходящихъ въ сред? привилегированныхъ и праздныхъ классовъ, противъ преступленій, которыя совершаются во имя права сильнаго, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ привилегіи. Т?, которые жаждутъ торжества справедливости и стремятся провести въ жизнь новыя идеи, не могутъ не признать, что ихъ самоотверженныя и гуманныя идеи, – идеи, способныя дать челоу?честву возрожденіе, неосуществимы при современномъ общественномъ стро?: они сознають необходимость революціонной бури, которая очиститъ міръ отъ пл?сени, покрывшей его, вдохнетъ жизнь въ оц?пен?вшія сердца и принесетъ челоу?честву благородство, самоотверженіе и героизмъ, безъ которыхъ общество заражается пороками и разлагается.

Въ эпохи б?шенной погони за обогащеніемъ, въ эпохи лихорадочныхъ спекуляцій и кризисовъ, внезапныхъ краховъ крупныхъ промышленностей и эфемернаго развитія н?которыхъ отраслей производства, въ эпохи быстраго накопленія постыдныхъ богатствъ и столь-же быстраго ихъ расточенія, – общество начинаетъ сознавать, что экономическія учрежденія, зав?дующія производствомъ и обм?номъ, не даютъ того благосостоянія, которое он? призваны гарантировать. Вм?сто порядка он? зарождаютъ хаосъ, вм?сто благосостоянія нужду, неуверенность въ завтрашнемъ дн?; вм?сто гармоніи интересовъ, они создаютъ непрерывную войну, войну эксплуататора съ производителемъ, эксплуататоровъ и производителей между собой. Общество распалось на два враждебныхъ лагеря и разд?лилось въ то же время на тысячи мелкихъ группъ, ведущихъ между собой ожесточенную борьбу. Утомленное безконечными войнами, изнемогая подъ тяжестью нищеты и лишеній, оно усиленно ищетъ новой организаціи; оно р?шительно требуетъ полного преобразованія режима собственности, производства и обм?на и вс?хъ вытекающихъ изъ него экономическихъ отношеній.

Правительственная машина, призванная поддерживать существующій порядокъ, еще функционируетъ. Но при каждомъ поворот? ея заржавленныхъ колесъ она спотыкается и останавливается. Ея работа становится все бол?е и бол?е затруднительной, и недовольство, возбуждаемое ея недостатками, все растетъ. Каждый день возникаютъ новыя требованія. – „Преобразуйте это, перед?лейте то-то!“ кричатъ со вс?хъ сторонъ. – „Война, финансы, налоги, суды, полиція, – все должно быть преобразовано и установлено на новыхъ началахъ“, говорятъ

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
реформаторы. Но все понимают, что невозможно передвигать что-нибудь одно; все должно быть преобразовано сразу; но как приступить к работе, когда общество открыто разделено на два враждебных лагеря? Удовлетворить одних недовольных – это значит создать других.

Правительства не способны приступить к реформам, так как для этого нужно было бы перейти на сторону революции; в то же время они слишком бессильны, чтобы открыто вступить на путь реакции; вот почему они прибегают к полумерам, которые никого не могут удовлетворить и только создают новые недовольства. Посредственности, которые в переходные эпохи забирают в свои руки управление правительственной ладью, думают лишь об одном: они стараются как можно скорее разбогатеть, предвидя близкий разгром. Осажденные со всех сторон, они неумело защищаются, лавируют, делают глупость за глупостью и наконец обрывают последнюю нить спасения: топят правительственный престиж в своей тупости и несостоятельности.

В такие эпохи революция неизбежна. Она является социальной необходимостью; положение становится революционным.

Изучая генезис и развитие революционных потрясений, мы находим в трудах наших историков в главе: „Причины Революции”, поразительную картину положения общества накануне событий. Там, – и нищета народа, и отсутствие общественной безопасности, и принудительные меры правительства, и ужасные скандалы, выходящие на свет гнусные пороки общества, и новые идеи, стремящиеся проявиться и непрерывно сталкивающиеся с несостоятельностью представителей старого режима. Изучая эту картину, мы приходим к заключению, что революция действительно была неизбежна, и единственным исходом было вступление на путь возмездия.

Разсмотрим, например, положение общества до 1789 года. Крестьянин жалуется на подати и налоги и таит в своем сердце непримиримую вражду к сеньору, монаху, скупщику, кулаку, интенданту. Буржуа жалуется на потерю муниципальных свобод и изливает на короля целый поток проклятий.

Народ поносит королеву, возмущается рассказами о поступках министров и безпрестанно повторяет, что налоги невыносимы и подати разорительны, урожаи плохи и зимы суровы, съестные припасы дороги и кулаки ненасытны, деревенские адвокаты съедают жатву крестьянина и лжесудьи разыгрывают из себя царьков, почта плохо организована и чиновники слишком лживы... Словом, все жалуется, все не ладно. „Это не может идти так дальше, это кончится скверно!” – говорят со всех сторон.

Но от этих мирных разсуждений до возмездия – далеко; между ними лежит пропасть, та пропасть, которая отделяет у большей части людей разсуждение от действия, мысль от воли, желание от поступка. Как перешагнули через эту пропасть? Как эти люди, которые вчера еще, покуривая трубку, спокойно жаловались на свою судьбу, ругали жандармов и в то же время униженно кланялись им, – решились взяться за дубины и пошли громить дворцы сеньора, этой грозы вчерашнего дня? Благодаря каким чарам эти люди, которых жены презирали и справедливо называли трусами, превратились в героев, идущих под пулями и картечью завоевывать свои права? Каким чудом эти слова, которые столько раз произносились и умирали в воздухе подобно безцельному звону колоколов, превратились в действия?

Отвечать очень просто.

– Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращение. Смелость, самоотверженность, способность жертвовать собой так же заразительны, как трусость, покорность и паника.

Какие формы примет агитация? – Да самые разнообразные, все, что будут продиктованы ей обстоятельствами, средствами, температурами. То мрачная и суровая, то задорная, но всегда смелая, то коллективная, то чисто индивидуальная, она пользуется всякими средствами, всеми явлениями общественной жизни, чтобы пробуждать мысль, распространять и формулировать недовольство, возбуждать непримиримую ненависть к эксплуататорам, выставлять во всем вид правителей, доказывать их слабость и, главным образом, всегда и везде пробуждать смелость и дух возмездия.

II.

Когда въ странѣ готовится революція, но духъ возстанія недостаточно силенъ въ массахъ, чтобы проявляться бурными манифестаціями, мятежами и возстаніями, – меньшинство только дѣйствіемъ можетъ пробудить смѣлость и стремленіе къ независимости, безъ которыхъ немыслима ни одна революція.

Люди, смѣлые и неподкупные, которые не довольствуются одними словами, не примиряются съ разладомъ между словомъ и дѣломъ, предпочитаютъ тюрьму, ссылку и смерть – жизни, противорѣчащей ихъ принципамъ, люди, говорящіе: „надо смѣть, чтобы побѣдить“, – вотъ тѣ одинокіе „передовые“, которые начинаютъ битву гораздо раньше, чѣмъ массы достаточно возбуждены, чтобы открыто поднять знамя возстанія и итти съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать свои права.

Среди жалобъ, разговоровъ и теоретическихъ споровъ, вырывается вдругъ какой-нибудь поступокъ, вызванный крайнимъ возмущеніемъ, поступокъ индивидуальный или коллективный, который служитъ яркимъ показателемъ господствующихъ стремленій. Возможно, что вначалѣ массы относятся къ нему безразлично. Преклоняясь передъ смѣлостью отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы, онѣ прислушиваются къ рѣчамъ благоразумныхъ и осторожныхъ людей, которые спѣшатъ объявить этотъ поступокъ „безуміемъ“ и сказать, что „горячія головы, безумцы, погубятъ все дѣло“. Они разсчитали, эти благоразумные и осторожные люди, что ихъ партія, спокойно продолжая свою работу, черезъ сто, двѣсти, можетъ быть, триста лѣтъ, завоеуетъ весь міръ, – и вдругъ врывается что-то неожиданное: неожиданное, т. е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіей и не лишенъ способности отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, прекрасно знаетъ, что теоретическая пропаганда революціи неизбѣжно переходитъ въ дѣйствіе гораздо раньше, чѣмъ того хотятъ теоретики; но все же, благоразумные теоретики возмущаются поступками безумцевъ, предають ихъ анаѣмѣ и изгоняють изъ своей среды. Однако, эти безумцы находятъ тайное сочувствіе въ народѣ, который восторгается ихъ смѣлостью и готовъ слѣдовать ихъ примѣру. Большой частью, они идутъ умирать въ тюрьмы и на каторгу, но сейчасъ же являються новые безумцы, которые продолжаютъ ихъ работу. Бурныя проявленія нелегальнаго протеста, поступки, вызванные возмущеніемъ и жаждой мести, – все учащаются.

Оставаться индифферентнымъ теперь уже невозможно. Люди, которые вначалѣ даже не задумывались надъ тѣмъ, чего хотятъ „безумцы“, принуждены теперь дать себѣ въ этомъ отчетъ, выяснить ихъ идеи и стремленія и стать на ту или другую сторону. Поступки этихъ „безумцевъ“ привлекають всеобщее вниманіе, и въ нѣсколько дней дѣлають больше, чѣмъ тысячи брошюръ. Новыя идеи проникають въ сознаніе и завоевываютъ все больше и больше сторонниковъ.

Пропаганда дѣйствіемъ пробуждаетъ духъ возстанія и зарождаетъ смелость. – Старый режимъ съ его судьями, полицейскими, жандармами и солдатами казался непоколебимымъ, но и Бастилія была неприступна въ глазахъ безоружнаго народа, собравшагося подъ ея высокими стѣнами, укрѣпленными заряженными пушками, готовыми открыть огонь. Но вскорѣ замѣчаютъ, что установленный режимъ не такъ силенъ, какъ это казалось. Одного смѣлаго поступка было достаточно, чтобы разстроить въ нѣсколько дней правительственную машину, чтобы поколебать этотъ колоссъ. Одинъ смѣлый порывъ поставилъ вверхъ дномъ цѣлую провинцію, и грозныя войска должны были отступить передъ горстью крестьянъ, вооруженныхъ камнями и дубинами. Народъ замѣчаетъ, что чудовище не такъ страшно: нѣсколько энергичныхъ усилій, и оно погибнетъ. Надежда зарождается въ сердцахъ и, – замѣтьте это, – если отчаяніе вызываетъ иногда мятежи, то только надежда, надежда побѣдить, создаетъ революціи.

Правительство пытается устоять; оно не хочетъ показать своей слабости и безумно свирѣпствуетъ. Но, если раньше репрессіи могли убивать энергію угнетенныхъ, то теперь въ эпохи возбужденія, онѣ производять обратное дѣйствіе. Репрессіи вызываютъ новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; онѣ доводятъ возставшихъ до героизма и понемногу революціонныя дѣйствія усиливаются и распространяются.

Революціонная партія растетъ благодаря притоку новыхъ элементовъ, которые раньше относились къ ней враждебно или же прозябали въ полной

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
индифферентности. Въ правительствѣ и среди правящихъ и привилегированныхъ классовъ произошелъ разладъ: одни стоятъ за упорное сопротивление, другіе высказываются за уступки, третьи, наконецъ, готовы отказаться на время отъ своихъ привилегій, чтобъ успокоить непокорныхъ, въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ окончательно подавить возстаніе. Связь между правительствомъ и привилегированными классами порвана.

Правители могутъ, конечно, обратиться къ послѣднему средству: прибѣгнуть къ бѣшеннои реакціи. Но теперь уже поздно; борьба отъ этого станетъ только ожесточеннѣе, а грядущая революція залъется кровью. Съ другой стороны, малѣйшая изъ уступокъ со стороны правящихъ классовъ ободряетъ возставшихъ, такъ какъ она сдѣлана слишкомъ поздно, вѣрнѣе, вырвана силой. Народъ, который раньше удовлетворился бы этой уступкой, замѣчаетъ, что врагъ сдаётся; онъ предвидитъ побѣду и чувствуетъ какъ растётъ его сила; люди, которые раньше подъ бременемъ нищеты и страданій ограничивались одними вздохами, гордо подымаютъ голову и смѣло идутъ къ завоеванію лучшаго будущаго.

Наконецъ, раздражается революція, и чѣмъ ожесточеннѣе была борьба, тѣмъ бурнѣе будетъ революція.

Направленіе, которое приметъ революція, зависитъ, конечно, отъ всей суммы разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя подготовили наступленіе катаклизма. Но оно можетъ быть опредѣлено заранѣе по силѣ революціонныхъ дѣйствій, совершенныхъ въ подготовительный періодъ различными партіями.

Такая то партія тщательно выработала теоріи, проповѣдуемая ею, и активно пропагандировала перомъ и словомъ свою программу. Но ея стремленія не были достаточно подкрѣплены дѣлами, которыя являлись бы осуществленіемъ ея основныхъ идей и принциповъ. Она не предприняла ничего рѣшительнаго противъ своихъ самыхъ опасныхъ враговъ, не коснулась учреждений, которыя ей предстояло разрушить; она была сильна созданной ею теоріей, но у нея не было дѣлъ; она не сумѣла пробудить духа возстанія и направить свои дѣйствія противъ того, чему долженъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ въ моментъ наступленія революціи. И вотъ, эта партія осталась менѣе извѣстной; съ ея именемъ не связаны дѣла, слухъ о которыхъ дошелъ бы до самыхъ отдаленныхъ хижинъ; ея стремленія не проникли въ народныя массы, не прошли черезъ горнило толпы и улицы, не нашли себѣ ясной формулы, выраженной нѣсколькими словами, ставшей лозунгомъ всего народа.

Писатели, представители этой партіи, извѣстны читателямъ, какъ мыслители, но у нихъ нѣтъ ни репутаціи, ни способностей людей дѣла; въ тотъ день, когда толпа устремится на улицу, она пойдетъ за тѣми, чьи теоретическія идеи, можетъ быть, и менѣе ясны, стремленія менѣе благородны, но которые успѣли показать себя въ дѣлѣ.

Та партія, которая вела болѣе широкую агитацію и проявила больше жизни и смѣлости, станетъ во главѣ движенія въ тотъ моментъ, когда надо будетъ дѣйствовать, когда надо будетъ произвести революцію. Но, если у нея не хватило смѣлости заявить о себѣ революціонными дѣйствіями въ подготовительный періодъ, если у нея нѣтъ достаточной силы убѣжденія, чтобъ внушить отдѣльнымъ индивидуумамъ или группамъ чувство самоотреченія и непреодолимое желаніе привести въ исполненіе свои идеи, — если бы это желаніе существовало, оно перешло бы въ дѣйствіе гораздо раньше, чѣмъ народъ устремился бы на улицу, — если знамя ея не стало знаменемъ народа и стремленія ея недостаточно осязаемы и понятны, — эта партія не будетъ имѣть возможности привести въ исполненіе ни одного пункта своей программы. Она будетъ побѣждена активными партіями.

Вотъ что намъ говоритъ исторія о періодахъ, предшествующихъ революціямъ. Революціонная буржуазія прекрасно поняла это: стремясь уничтожить монархическій режимъ, она не пренебрегала ни однимъ изъ способовъ агитаціи, чтобъ пробудить духъ возстанія. Французскій крестьянинъ прошлаго вѣка инстинктивно понималъ это, когда онъ боролся за уничтоженіе феодальныхъ правъ. Интернаціональ придерживался тѣхъ же принциповъ, когда онъ стремился пробудить въ средѣ городскихъ рабочихъ духъ возстанія и направить его противъ естественнаго врага наемника, — хищника, который захватилъ въ свои руки орудія и средства производства.

III.

Интересно и необходимо было бы изучить те средства агитации, которыми пользовались в различные эпохи революционеры, чтобы ускорить наступление революции, уяснить массам значение грядущих событий, указать народу его главных врагов и пробудить в нем дух смелости и возмущения. Мы знаем прекрасно, почему такая то революция была неизбежна, но только инстинктивно мы можем объяснить себе процесс зарождения революции.

В Пруссии главный штаб издал для армии целый научный труд о том, как подавлять народные возмущения, дезорганизовывать мятежи, вносить разлад в среду борцов и расхищать их силы. Теперь хотя бы наносит сразу верные удары, душист народ по правилам. Изучение, о котором мы только что говорили, могло бы дать ответ на этот труд и на многие другие, разбирающие те же вопросы, может быть даже с меньшим цинизмом. Оно показало бы нам, как дезорганизовать правительство, как расхищать его силы, как поднять нравственный уровень народа, подавленного нищетой и гнетом.

До сих пор еще ничего не сделано в этом направлении. Историки дали нам яркую картину великих моментов эволюции человечества в его стремлении к освобождению, но они почти не останавливались на периодах, предшествующих революциям. Поглощенные тем, чтобы набросать самую драму, они лишь вскользь говорят о прологе. А нас больше всего интересует этот пролог.

Какую захватывающую, грандиозную и прекрасную картину представляют собой усилия великих борцов, подготовлявших революцию! Какую неутомимость проявляли крестьяне и некоторые деятели из буржуазии в своей борьбе до 1789 года; какую упорную борьбу вели республиканцы, начиная с реставрации Бурбонов в 1815 году до их падения в 1830 году; сколько самоотверженности было в деятельности тайных обществ во время царствования толстого буржуа Людовика-Филиппа! Каким ужасом веет от заговоров, составляемых итальянцами с целью свергнуть австрийское иго, — от их героических попыток, от невыразимых страданий их мучеников. Как мрачна и грандиозна была бы трагедия, описывающая все преследования, которым подвергалась тайная работа русской молодежи, подкапывающей под правительство, стремящейся преобразовать капиталистический и земельный режим, — работа, продолжающаяся с 1860 года до наших дней! Сколько благородных личностей предстало бы пред современным социалистом, если бы он прочел эти драмы; сколько самоотверженности и величественного самоотречения увидел бы он в них, какое революционное воспитание, не только теоретическое, но и практическое, могли бы они дать нашему поколению!

Мы не станем тут заниматься подобным изучением. Ограничимся несколькими примерами, в которых покажем какими средствами пользовались наши отцы для революционной агитации.

Бросим беглый взгляд на один из периодов, предшествующих 1789 году, и, оставив в стороне подробный анализ обстоятельств, создавших к концу прошлого века революционное положение, ограничимся указанием нескольких приемов агитации, употребленных нашими предшественниками.

Революция 1789–1793 года дала нам два крупных явления. Низвержение королевской власти и появление буржуазии у кормила правления, с одной стороны; окончательное уничтожение рабства и ленных податей в деревнях, с другой. Оба они тесно связаны между собой, немыслимы одно без другого. Эти два течения замечаются в агитации предшествующей революции: агитация против королевской власти в среде буржуазии, агитация против прав сеньоров среди крестьян.

Бросим беглый взгляд на оба эти течения.

Газета в ту эпоху не имела того значения, которое она приобрела сейчас; ей место занимали брошюры, памфлеты и листки в три, четыре страницы. Брошюры распространяли в массах идеи философов и экономистов, предшественников революции; памфлеты и летучие листки способствовали агитации, направляя весь яд своего сарказма на трех главных врагов народа: короля и его двор, аристократию и духовенство.

Тысячи летучих листовок говорят о развращенности королевы, о пороках и преступных развлечениях двора, срывают с него обманчивые покровы, осмивают его и стремятся обнажить всю его подлость и глупость.

Любовные истории короля, придворные скандалы, безумная расточительность, знаменитый *Pacte de Famine* – союз между правителями и скупщиками хлеба, заключенный с целью нажить, заставляя голодать народ, – вот о чем говорят памфлеты. Их авторы всегда на стороже и пользуются всяким случаем общественной жизни, чтобы нанести удар своим врагам. Как только в обществе заговорят о каком-нибудь событии, – памфлет и летучий листок спешат дать ему свое толкование. Они удобны тем, что газета для такого рода агитации. Газета – дело предпринятие; ее прекращение может поставить в затруднительное положение всю партию, и потому приходится призадуматься прежде чем решиться на что-нибудь рискованное. Памфлет же и листок компрометируют только автора и типографа, – а попробуйте-ка их найти!..

Авторы этих листовок, очевидно, должны были первым делом освободиться от цензуры. Тогда не прибегали еще к милой уловке современного иезуитства, к судебному преследованию прессы, которое лишает всякой свободы революционного писателя; авторов и типографов арестовывали по тайным повелениям, по грубым, но, по крайней мере, откровенным „*lettres de cachet*”.

И поэтому авторы печатали свои памфлеты или в Амстердаме, или еще где-нибудь, – „за сто верст от Бастилии, под деревом Свободы”. Они не стеснялись в своих нападениях; поносили короля, королеву и ее любовников, сановников и аристократию. С этой подпольной прессой полиция, конечно, не могла справиться; сколько она ни обыскивала книжные магазины, ни арестовывала газетчиков, – авторы не попадались ей в руки и спокойно продолжали свое дело.

После, – слишком правдивая, чтобы быть напечатанной, переходившая из уст в уста с одного конца Франции на другой, – была всегда одним из самых удачных способов пропаганды. Она обрушивалась на установленные власти и общепризнанные авторитеты, осмивала коронованных особ, сжигала везд, вплоть до семейного очага, презрение к королевской власти, ненависть к духовенству и аристократии, надежду на скорое наступление революции.

Но, главным образом, агитаторы прибегали к объявлениям, вывешиваемых на улицах. Объявление заставляло говорить о себе, вызвало больше толков и волнений, чем памфлет или брошюра. И объявления, печатные или писанные, появлялись при всяком удобном случае каждый раз, как происходило что-либо интересное общество. Они срывались, но на следующий день появлялись снова и приводили в бешенство правителей и их сыщиков. – „Ваши предки не попались нам в руки, но вам не избивать нашей мести!” читает сегодня король на листках, приклеенных к стенам его дворца. Завтра королева плачет от злости, видя, что на улицах вывешивают объявления, говорящие о мельчайших подробностях ее постыдной жизни. Тогда еще зародилась в народе ненависть, проявленная им впоследствии, к женщинам, готовой уничтожить весь Париж, чтобы остаться королевой и удержать в своих руках власть.

Вздумают-ли царедворцы отпраздновать рождение Дофина, – объявления угрожают поджечь город, вызывают панику и готовят умы к чему то необыкновенному. Или вдруг появятся на улицах объявления, возмущающие, что в день такого-то праздника „король и королева будут под конвоем отведены на Гревскую площадь, потом в городскую думу для исповеди и наконец взойдут на эшафот и будут сожжены живыми” Созовут-ли король собрание нотаблей, сейчас же вывешиваются объявления: „новая труппа комедиантов, набранная господином Калоном (первый министр) начнет свои представления 29 числа такого-то месяца и даст аллегорический балет „Бочка Данаид”. Или же, становясь все ядовитее и злее, объявления проникнуть в ложа королевы и возвестить ей, что тираны скоро будут казнены.

Но объявления направляются, главным образом, против скупщиков хлеба, главных арендаторов и интендантов. И каждый раз, как в народ замечается усиленное возбуждение, они объявляют Вароломеевскую ночь для

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
интендантовъ и главныхъ арендаторовъ. Фабрикантъ, хлѣботорговецъ,
интендантъ, которыхъ ненавидитъ народъ, – приговариваются этими
объявленіями къ смерти отъ имени „народнаго совѣта“, „народнаго парламента“
и т. п.; и во время возстанія народная месть обрушится, конечно, на тѣхъ
изъ эксплуататоровъ, имена которыхъ особенно часто попадались въ
объявленіяхъ.

Если бы можно было собрать все неисчислимое количество объявленій,
появившихся въ теченіе десяти, пятнадцати лѣтъ, предшествующихъ революціи,
– мы бы поняли, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ родъ агитаціи для
подготовленія всеобщаго возстанія. Объявленія эти, игривыя и насмѣшливыя
вначалѣ, становились все болѣе угрожающими по мѣрѣ приближенія развязки;
всегда живыя и остроумныя, всегда готовыя отозваться на каждое явленіе
текущей политики и отвѣтить на запросы массъ, – они возбуждали въ народѣ
недовольство, указывали ему на его главныхъ враговъ, пробуждали въ
крестьянахъ, рабочихъ и буржуазіи жажду мести и возмущали о близкомъ днѣ
расплаты, днѣ освобожденія.

Совершеніе казней надъ изображеніями преступниковъ было очень
распространеннымъ обычаемъ въ прошломъ столѣтіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ
употребительныхъ способовъ агитаціи. Каждый разъ, какъ замѣчалось въ народѣ
усиленное возбужденіе, на улицу выносилось изображеніе врага даннаго
момента, кукла, которую вѣшали, сжигали, или четвертовали. – „Ребячество!“
– скажутъ молодые старики, мнѣшіе себя разумными. Но пусть они знаютъ, что
нападеніе на помѣщеніе, въ которомъ происходили выборы въ 1789 году, казни
Фулона и Бертье, измѣнившія совершенно характеръ революціи, – были только
осуществленіемъ того, что агитаторы подготовили и внушили народу путемъ
казней надъ соломенными куклами.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ. Парижскій народъ ненавидѣлъ Мопу, одного
изъ любимыхъ министровъ Людовика XVI. И вотъ, какъ-то появляется на улицѣ
толпа, раздаются крики и кто-то объявляетъ „по постановленію парламента,
господинъ Мопу, канцлеръ Франціи, приговаривается къ сожженію, и пепель его
долженъ быть раскиданъ по вѣтру!“ Вслѣдъ за этимъ, толпа направляется къ
статуѣ Генриха IV съ куклой, изображающей канцлера, со всѣми знаками
отличія, и сжигаетъ эту куклу при одобреніи всѣхъ присутствующихъ. Въ
другой разъ привѣшиваютъ къ фонарю изображеніе аббата Terray въ ряскѣ и
бѣлыхъ перчаткахъ. Въ Руанѣ четвертуютъ изображеніе Мопу и, такъ какъ
жандармы не допускаютъ скопленія народа, толпа ограничивается тѣмъ, что
вѣшаетъ вверхъ ногами изображеніе скупщика, у котораго изъ носа, ушей и рта
обильнымъ дождемъ сыплется пшеница.

Вотъ вамъ и пропаганда! пропаганда во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительная,
чѣмъ абстрактная пропаганда, доступная небольшому числу избранныхъ.

Чтобъ подготовитъ возстанія, предшествующія великой революціи, надо было
пріучить народъ выходить на улицу, громко выражать свои взгляды въ
общественныхъ мѣстахъ, не бояться полиціи, войска и кавалеріи. Вотъ почему
революціонеры той эпохи не пренебрегаютъ ни однимъ изъ способовъ, бывшихъ
въ ихъ распоряженіи, чтобъ привлечь народъ на улицу и вызвать скопища.

Они пользуются всякимъ явленіемъ общественной жизни, какъ въ Парижѣ, такъ и
въ провинціяхъ. Когда общественному мнѣнію удастся принудить короля удалить
нелюбимаго министра, начинаются празднества и иллюминаціи. Чтобъ привлечь
народъ, устраиваютъ фейерверки, пускаютъ ракеты. Если не хватаетъ денегъ,
останавливаютъ, по словамъ современниковъ, прохожихъ и „вѣжливо, но твердо
просятъ немного денегъ для увеселенія толпы“. Какъ только соберется народъ,
ораторы начинаютъ говорить, объясняютъ и комментируютъ событія; вскорѣ
образовываются цѣлыя клубы подъ открытымъ небомъ. Войска, явившіяся
разсѣять толпу, не рѣшаются употребить насилія противъ этихъ мирно
настроенныхъ людей, а фейерверки и ракеты, разрывающіеся въ воздухѣ при
радостныхъ возгласахъ и хохотѣ народа, умѣряютъ пылъ слишкомъ ревностныхъ
блюстителей порядка.

Въ провинціальныхъ городахъ вдругъ показываются на улицахъ трубочисты,
которые представляютъ и высмѣиваютъ засѣданіе парламента, на которомъ
присутствуетъ король. Раздаются взрывы хохота; толпа весело встрѣчаетъ
людей, съ измазанными сажей физиономіями, изображающихъ короля или
королеву. Акробаты и жонглеры собираютъ на площадяхъ тысячную толпу и

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
пот?шают своих зрителей забавными рассказами, зад?вающими правителей и богачей. Страсти разгораются, возбужденіе растетъ, и горе тому правителю или богачу, который въ этотъ моментъ попадетсѣ въ руки толп?: онъ будетъ растерзанъ ею.

Лишь бы мысль работала въ этомъ направленіи, – и сколько удобныхъ случаевъ найдеть смысленный челов?къ, чтобъ вызвать скопища, собрать на улицахъ толпу изъ болтуновъ и насм?шниковъ вначал?, а потомъ изъ людей, готовыхъ д?йствовать, готовыхъ жертвовать собой, особенно если возбужденіе въ народ? подготовлено самимъ положеніемъ д?ль и отчаянными поступками безумцевъ.

Революціонное положеніе и всеобщее недовольство съ одной стороны, объявленія, выв?шенныя на ст?нахъ, памфлеты, п?сни и совершеніе казней надъ изображеніями, съ другой – ободряютъ народъ и придаютъ ему см?лость; понемногу скопища на улицахъ становятся все чаще и принимаютъ бол?е угрожающій характеръ. Сегодня напали въ темномъ закоулк? на парижскаго архіепископа, вчера чуть было не утопили какого то графа или герцога; властей встр?чаютъ и провожаютъ съ гиканіемъ и свистомъ. Словомъ, проявленія народнаго возмущенія становятся все чаще и разнообразн?е, и готовятъ день, когда достаточно будетъ мал?йшей искры, чтобъ эти скопища превратились въ мятежъ, а мятежъ въ революцію.

– „Это возстанія черни, возстанія негодяевъ и безд?льниковъ”, – говорятъ теперь наши честные историки.

– Да, это в?рно, революціонеры буржуа искали себ? союзниковъ не среди людей состоятельныхъ, которые въ салонахъ поносили правителей, а на д?л? гнули передъ ними спину; въ пригородныхъ кабачкахъ, пользующихся дурной славой, брали они себ? товарищей, вооруженныхъ дубинами, когда д?ло шло о нападеніи на его свят?ишество парижскаго архіепископа.

IV.

Если бы революціонныя д?йствія ограничились нападками на отд?льных правителей и на правительственные институты, не касаясь институтовъ экономическихъ, могла ли Великая Революція быть т?мъ, ч?мъ она была на самомъ д?л?, всеобщимъ возстаніемъ народныхъ массъ, – крестьянъ и рабочихъ противъ привилегированныхъ классовъ? Продолжалась ли бы революція четыре года? Подняла ли бы она на ноги всю Францію? Нашла ли бы въ себ? ту непоб?димую силу, которую она противопоставила королямъ?

Конечно, н?тъ! Историки могутъ п?ть хвалебные гимны Учредительному Собранію, Конвенту и вс?мъ „messieurs du Tiers”, – но мы знаемъ въ чемъ тутъ д?ло. Мы знаемъ, что революція достигла бы лишь минимальнаго конституціоннаго ограниченія королевской власти и не коснулась бы феодальнаго режима, если бы крестьянское населеніе всей Франціи не возстало и не поддерживало бы въ стран? въ теченіе четырехъ л?тъ анархію – добровольную революціонную работу отд?льных группъ и индивидуумовъ, освободившихся отъ какой бы то ни было правительственной опеки. Мы знаемъ, что крестьянинъ остался бы выючнымъ скотомъ сеньора, если бы Жакерія не свир?пствовала съ 1788 до 1793 года, – до того времени, когда Конвентъ былъ принужденъ санкціонировать закономъ то, чего уже добились крестьяне: уничтоженіе безъ выкупа ленныхъ податей и возвращеніе коммуналь вс?хъ богатствъ, отнятыхъ у нихъ при старомъ режим? богачами. Тщетно было бы ждатель справедливости отъ Собраній; они ничего бы не дали народу, если бы голыши и санкюлоты не бросили на парламентскіе весы своихъ пикъ и дубинъ.

Но, ни агитація противъ министровъ, ни выв?шивание въ Париж? объявленій, направленныхъ противъ королевы, не могли подготовить возстанія въ деревняхъ. Возстаніе это было результатомъ общаго состоянія страны, результатомъ агитаціи людей, которые вышли изъ народа и направляли свои нападки на его непосредственныхъ враговъ: сеньора, священника–собственника, скупщика хл?ба и толстого буржуа.

Этотъ родъ агитаціи еще мен?е изв?стенъ, ч?мъ тотъ, о которомъ мы только что говорили. У насъ есть исторія Парижа, но исторіей деревни никто еще не начиналъ заниматься серьезно; исторія не знаетъ крестьянина; но т? немногія св?д?нія, которыя дошли до насъ, даютъ намъ о немъ н?которое представленіе.

Памфлеты и летучіе листки не проникали въ деревню; крестьяне въ то время были, большей частью, неграмотны. Пропаганда производилась при помощи простых и понятных картинъ, напечатанных или нарисованных. На этихъ лубочныхъ картинахъ надписывали н?сколько словъ, – и этого было достаточно, чтобъ воображеніе народа создало ц?лые романы, въ которыхъ д?йствующими лицами были король, королева, графы, куртизанки, сеньоры, эти „вампиры, высасывающіе кровь народа“. Картины эти переходили изъ деревни въ деревню и возбуждали умы.

Выв?шивались иногда на деревьяхъ объявленія, которыя призывали къ возстанію, предв?щали скорое наступленіе лучшихъ дней и рассказывали о мятежахъ, непрерывно вспыхивающихъ во вс?хъ концахъ Франціи.

Въ деревняхъ подъ именемъ „Jacques“ образовывались тайныя общества, которыя поджигали амбары сеньора, уничтожали его урожаи и даже убивали его. Часто находили въ какомъ-нибудь дворц? трупъ пронзенный ножомъ, носящимъ надпись: De la part des Jacques! Случалось, нападали на какого-нибудь сеньора, ?дуцаго въ своемъ громоздкомъ экипаж? по краю оврага. Съ помощью ящика его связывали, клали ему въ карманъ бумагу съ надписью: De la part des Jacques! и бросали его въ оврагъ.

Или же ставили на перекрестк? двухъ дорогъ вис?лицу съ надписью: Если сеньоръ посм?еть взимать подать, онъ будетъ пов?шенъ на этой вис?лиц?; кто посм?еть платить сеньору подвергнется той же участи! И крестьянинъ, не принуждаемый властями, не вносилъ податей и былъ доволенъ, что нашель возможность избавиться отъ этой повинности. Онъ понемногу привыкаль къ мысли, что можно не вносить платежей, не повиноваться сеньору, вскор? онъ ужъ самъ не хот?ль платить и угрозами принуждалъ сеньора отказаться отъ взиманія какихъ бы то ни было податей.

Въ деревняхъ непрерывно появлялись объявленія, возв?щавшія, что отнын? взиманіе податей отм?нено, что надо сжигать дворцы и поземельныя росписи, что Народный Сов?тъ издалъ указъ въ этомъ смысл?. – „Хл?ба! Отм?ны налоговъ и податей!“ вотъ тотъ лозунгъ, который обходилъ вс? деревни. Понятный и близкій вс?мъ, онъ проникаль въ душу матери, д?ти которой не ?ли въ теченіе трехъ дней, пронизываль мозгъ крестьянина, пресл?дуемаго властями, которыя вырывали у него силой недоимки. „Долой скупщиковъ!“ – и склады ихъ взламывались, обозы съ хл?бомъ захватывались, и мятежъ переходилъ изъ провинціи въ провинцію. „Долой пошлины на съ?стные припасы!“ – и заставы сжигались, а города, которымъ не хватало денегъ, въ свою очередь возставали противъ центральной власти, требующей отъ нихъ платежей. – „Сжигайте реестры налоговъ, счетныя книги, архивы муниципалитетовъ!“ – и въ іюл? 1789 года канцелярскія бумаги гор?ли, власть дезорганизовывалась, сеньоры эмигрировали, и революція охватывала своимъ огненнымъ кольцомъ всю страну.

Все что разыгралось въ Париж?, было лишь отраженіемъ того, что происходило въ провинціяхъ, отзвукомъ революціи, которая бушевала въ каждомъ город?, каждой деревн?, которую народъ былъ готовъ всец?ло направить не противъ центрального правительства, а противъ своихъ непосредственныхъ враговъ: эксплуататоровъ, этихъ п?явокъ, присосавшихся къ его организму.

Словомъ, революція 1788–1793 года показала намъ, какъ народная революція (революція преимущественно экономическая, какъ вс? народныя революціи) дезорганизуеть Государство.

Во Франціи много раньше 1789 года зам?чалось революціонное настроеніе, но духъ возстанія еще недостаточно созр?ль, чтобъ разразилась революція. И революционеры направляли вс? свои усилія на развитіе этого духа непокорности и см?лости, духа непримиримой вражды къ существующему соціальному строю.

Въ то время, какъ революционеры изъ буржуазіи устремляли свои нападки на правительство, революционеры изъ народа, – т?, чьихъ именъ даже не сохранила исторія, – готовили свое возстаніе, свою революцію и направляли вс? свои д?йствія противъ сеньоровъ, агентовъ государственной казны и всякаго рода эксплуататоровъ.

Въ 1788 году непрерывные народные бунты возв?щали приближеніе революціи. Король и буржуазія стремились подавить ее уступками, но могли ли остановить

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
народную волну Генеральные Штаты, іезуитскія уступки 4-го августа, жалкіе указы Законодательнаго Собранія? – Такимъ путемъ можно успокоить политическія волненія, но этого слишкомъ мало, чтобъ улеглось народное возстаніе. Волна подымалась все выше; стремясь поглотить собственность, она подтачивала Государство. Она дѣлала невозможнымъ утвержденіе какого бы то ни было правительства, и народное возстаніе, направленное противъ сенъоровъ и богачей, кончилось тѣмъ, что черезъ четыре года королевская власть и абсолютизмъ были уничтожены.

Таковъ ходъ всѣхъ великихъ революцій. Таковъ будетъ ходъ и развитіе будущей Революціи, если она – въ чемъ, конечно, мы не сомнѣваемся, – будетъ не простой перемѣной правительства, а настоящей народной революціей, катаклизмомъ, который переродитъ режимъ собственности.

Теорія и практика.

Когда мы говоримъ о новомъ порядкѣ вещей, который, по нашему мнѣнію, установится послѣ будущей революціи, намъ обыкновенно возражаютъ:

– „Все это – теорія; оставимъ ее на время въ сторонѣ и займемся практическимъ дѣломъ (рѣшеніемъ вопросовъ о выборахъ, напримѣръ). Подготовимъ переходъ власти въ руки рабочаго класса и тогда мы увидимъ, что можетъ дать революція”.

Но есть что-то недоговоренное въ этихъ словахъ, и это заставляетъ усомниться въ справедливости и даже въ искренности этого разсужденія. Дѣло въ томъ, что у каждаго изъ возражающихъ намъ есть своя опредѣленная теорія относительно того, какъ должно организоваться общество на другой день, или, вѣрнѣе, въ день революціи. Они всѣ пользуются своими теоріями, твердо держатся за нихъ и пропагандируютъ свои идеи; ихъ поступки являются логическимъ слѣдствіемъ ихъ убѣжденій.

Въ сущности говоря, слова: – „не обсуждайте теоретическихъ вопросовъ” сводится къ слѣдующему: – „не оспаривайте нашей теоріи и помогите намъ осуществить ее”.

Въ самомъ дѣлѣ, вы не найдете ни одной статьи въ газетѣ, въ которой бы не проскальзывали взгляды автора на то, какова должна быть въ будущемъ организація общества. Слова: „Рабочее Государство”, „организація Государствомъ производства и обмѣна”, „коллективизмъ” (ограничивающійся коллективной собственностью на орудія производства и отвергающій предоставленіе въ общее пользованіе всѣхъ продуктовъ), „тактика партіи”, и т. п., – всѣ эти слова непрерывно встрѣчаются во всѣхъ газетахъ и брошюрахъ. Тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что не придаютъ никакого значенія „теоріямъ”, на дѣлѣ усердно пропагандируютъ свои теоріи. И въ то время, какъ мы избѣгаемъ подобнаго рода обсужденій и споровъ, другіе распространяютъ свои идеи и концепціи, сѣютъ новыя ошибки, съ которыми намъ придется бороться. Достаточно будетъ упомянуть о книгѣ „Квинтъ-эссенція Соціализма”, Шеффле, австрійскаго эксъ-министра, который подъ предлогомъ защиты соціализма стремится спасти буржуазный порядокъ во время предстоящаго разгрома. Книга эта, въ которой такъ сильно чувствуется эксъ-министръ, не имѣла, правда, успѣха среди нѣмецкихъ и французскихъ рабочихъ; но его идеи, приправленныя нѣсколькими революціонными фразами, пропагандируются ежедневно.

Да это вполне естественно. Человѣческому уму не свойственно приниматься за работу разрушенія, пока у него нѣтъ хоть нѣкотораго представленія о томъ, чѣмъ онъ замѣнитъ разрушенное имъ. – „Учредить революціонную диктатуру”, говорятъ одни. – „Провозгласятъ правительство, состоящее изъ рабочихъ, и ему поручатъ организацію производства”, говорятъ другіе. „Въ освобожденныхъ коммунахъ все будетъ предоставлено въ общее пользованіе”, говорятъ третьи. Но всѣ безъ исключенія составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ будущемъ, къ которому они стремятся, и это сознательно или безсознательно отражается на ихъ способѣ дѣйствія въ подготовительный періодъ.

Мы ничего не выигрываемъ, избѣгая споровъ о „теоретическихъ вопросахъ”; наоборотъ, чтобы быть „практичными”, мы должны ставить ихъ на обсужденіе и всѣми силами оспаривать и защищать нашъ идеалъ анархическаго коммунизма.

Если теперь, въ періодъ сравнительнаго затишья, мы не будемъ разбирать

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
этихъ вопросовъ, когда же мы это сдѣлаемъ?

Въ день революціи, среди дымящихся баррикадъ, на развалинахъ стараго зданія, когда уже широко будутъ открыты двери будущему? когда надо будетъ имѣть опредѣленное рѣшеніе и непреклонное желаніе привести его въ исполненіе? – Тогда будетъ уже не время разсуждать. Надо будетъ дѣйствовать, дѣйствовать немедленно, въ томъ или другомъ смыслѣ.

Предыдущія революціи не дали французскому народу того, чего онъ отъ нихъ ожидалъ, не потому, конечно, что онъ заранѣе слишкомъ усердно обсуждалъ цѣль надвигающейся революціи. Опредѣленіе этой цѣли и обсужденіе дальнѣйшаго образа дѣйствія народъ всецѣло предоставлялъ своимъ предводителямъ, которые неизменно обманывали его. Не существованіе опредѣленной теоріи помѣшало народу дѣйствовать, а отсутствіе какой бы то ни было теоріи. Буржуазія въ 1848 и въ 1870 году прекрасно знала, что она будетъ дѣлать въ тотъ день, когда народъ низвергнетъ правительство. Она знала, что она захватитъ власть, заставитъ народъ выборами санкціонировать свое правительство, вооружитъ мелкаго буржуа противъ крестьянина и рабочаго и, имѣя въ своемъ распоряженіи войска, пушки, пути сообщенія и деньги, сумѣетъ справиться съ трудящимися массами, если онѣ посмѣютъ предъявить свои права. Буржуазія знала, что она будетъ дѣлать въ день революціи.

Но народъ не зналъ этого. Въ вопросахъ политическихъ онъ слѣпо слѣдовалъ буржуазіи; въ 1848 году онъ повторялъ за ней: „Республика и всеобщее избирательное право”; въ мартѣ 1871 года, онъ вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей провозглашалъ Коммуну. Ни въ 1848, ни въ 1871 году, у него не было никакого представленія о томъ, какъ приступить къ рѣшенію самаго насущнаго вопроса, вопроса о хлѣбѣ и трудѣ. „Организація труда”, этотъ лозунгъ 1848 года (призракъ, воскрешенный недавно нѣмецкими коллективистами въ нѣсколько измѣненномъ видѣ), былъ настолько неопредѣленный и расплывчатый, что ничего не говорилъ народу; то же самое мы можемъ сказать о коллективизмѣ Интернаціонала 1869 года во Франціи. Если бы въ мартѣ 1871 года кто-нибудь спросилъ всѣхъ работающихъ надъ осуществленіемъ Коммуны, какъ приступить къ рѣшенію вопроса о хлѣбѣ и трудѣ, какую ужасную какофонію противорѣчивыхъ отвѣтовъ ему пришлось бы услышать! Надо ли было отъ имени Парижской Коммуны захватить мастерскія? Можно ли было коснуться домовъ и объявить ихъ собственностью возставшаго города? Надо ли было захватить всѣ съѣстные припасы и произвести раздѣлъ? Надо ли было объявить всѣ богатства, накопленныя въ Парижѣ, собственностью всего французскаго народа и воспользоваться этимъ могучимъ средствомъ для освобожденія всей націи? – Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ народъ не могъ дать опредѣленнаго отвѣта. Интернаціональ, отвлеченный непрерывной борьбой, не успѣлъ основательно обсудить всѣхъ этихъ вопросовъ. – „Вы разводите теоріи”, говорили всѣмъ, кто только приступалъ къ ихъ разрѣшенію, а Соціальную Революцію опредѣляли расплывчатыми и неясными словами: Свобода, Равенство и Солидарность.

Мы далеки отъ мысли выработать вполнѣ законченную программу на случай революціи. Подобная программа задерживала бы только работу; она послужила бы поводомъ къ слѣдующаго рода софизмамъ: – „Разъ мы не можемъ сейчасъ осуществить нашей программы, будемъ ждать и беречь нашу драгоцѣнную кровь для болѣе подходящаго случая”.

Мы прекрасно знаемъ, что всякое народное движеніе есть шагъ впередъ къ приближенію Соціальной Революціи. Оно пробуждаетъ духъ возстанія и приучаетъ смотрѣть на установленный порядокъ (или вѣрнѣе установленный беспорядокъ), какъ на нѣчто неустойчивое и непостоянное. Только нѣмецкій парламентаристъ, – съ его глупымъ высокомеріемъ, – способенъ спрашивать: „Что дала Великая Революція, что дала Коммуна?” Если Франція теперь – авангардъ революціи, если французскій народъ революціонеръ по своему уму и темпераменту, – то это объясняется только тѣмъ, что онъ испыталъ столько революцій – революцій, непризнанныхъ доктринерами и невѣждами.

Мы должны ясно и точно опредѣлить цѣль, къ которой стремимся. И не только опредѣлить эту цѣль, но и подтвердить ее словомъ и дѣломъ, сдѣлать достояніемъ всего народа, чтобы въ день возстанія она вырвалась изъ всѣхъ устъ. Совершить эту работу гораздо необходимѣе и труднѣе, чѣмъ это предполагаютъ; если цѣль наша и стоитъ какъ живая передъ глазами небольшого числа избранныхъ, то она совсѣмъ не ясна для большей части народа, на который непрерывно влѣяетъ пресса буржуазная, либеральная, коммуналистическая, коллективистическая и т. д., и т. д.

Отъ этой цѣли зависить нашъ образъ дѣйствій, какъ сейчасъ такъ и въ будущемъ. Различіе между коммунистомъ-анархистомъ, коллективистомъ-авторитаристомъ, якобинцемъ и коммунистомъ-автономистомъ заключается не только въ ихъ пониманіи будущаго идеала. Оно проявится не только въ день революціи, оно замѣтно и сейчасъ въ каждой мелочѣ, въ оцѣнкѣ каждаго поступка, въ каждомъ словѣ. Въ день революціи, коллективистъ-государственникъ засядетъ въ Парижской Городской Думѣ и будетъ оттуда издавать декреты относительно преобразования режима собственности; онъ постарается утвердиться какъ правительство, грозное, входящее во всѣ проявленія народной жизни, вплоть до самыхъ мелочей. Коммуналистъ-автономистъ тоже поспѣшитъ въ Городскую Думу, тоже утвердится тамъ, какъ правительство, и попытается повторить исторію Коммуны 1871 года, запрещая народу коснуться святой собственности до тѣхъ поръ, пока Совѣтъ Коммуны не найдетъ это своевременнымъ. А коммунистъ-анархистъ завладѣетъ немедленно мастерскими, домами, хлѣбными амбарами, словомъ всѣми общественными богатствами, организуетъ въ каждой коммунѣ, каждой группѣ производство и потребленіе всѣми членами сообща, и постарается удовлетворить всѣмъ потребностямъ группъ и коммунъ.

Это различіе отражается въ мельчайшихъ проявленіяхъ нашей жизни, на нашей ежедневной работѣ. Каждый человѣкъ стремится установить нѣкоторое согласіе между своими поступками и той цѣлью, къ которой онъ стремится; и потому между коммунистомъ-анархистомъ, коллективистомъ-государственникомъ и коммуналистомъ-автономистомъ существуютъ непримиримыя разногласія относительно ихъ образа дѣйствія въ данный моментъ.

Это различіе существуетъ, и мы должны съ нимъ считаться. Пусть каждый выскажетъ откровенно свою цѣль и свои идеи; онѣ будутъ обсуждаться въ собраніяхъ группъ, и изъ столкновенія разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣній выработается общая идея, къ которой присоединится большая часть народа.

Да и теперь есть нѣсколько пунктовъ, на которыхъ сходятся всѣ группы; это – борьба съ капиталомъ и защитникомъ капитала – правительствомъ. Всѣ искренніе социалисты, каковы бы ни были ихъ идеалы будущей организаціи общества, сходятся на томъ, что экспропріація капитала будетъ результатомъ будущей революціи. Каждый социалистъ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, долженъ поддерживать борьбу, подготовляющую экспропріацію. Чѣмъ чаще будутъ встрѣчаться различныя группы, чѣмъ больше онѣ будутъ обсуждать интересующіе ихъ вопросы и явленія, тѣмъ скорѣе произойдетъ соглашеніе относительно того, что предпринять во время Революціи.

И если мы хотимъ, чтобъ въ день разгрома, народъ единодушно выставилъ наше требованіе, мы должны непрерывно распространять свои идеи и ясно выставить свой идеалъ будущаго общества. Если мы хотимъ быть практичными, мы должны заняться тѣмъ, что реакціонеры называютъ „утопіями и теоріями” Теорія и практика должны составлять одно цѣлое, чтобъ побѣда была на нашей сторонѣ.

Экспропріація.

I.

Теперь уже не одни революционеры говорятъ, что Европа находится наканунѣ Великой Революціи. Буржуазія начинаетъ понимать истинное положеніе дѣлъ и говорить объ этомъ въ своихъ газетахъ[13]. Times посвящаетъ этому вопросу цѣлыя статьи. Насмѣхаясь надъ тѣми, кто проповѣдуетъ спартанскія добродѣтели, этотъ столичный органъ приглашаетъ буржуазію подумать о положеніи рабочихъ въ нашемъ обществѣ? и сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки, такъ какъ они имѣютъ полное право быть недовольными. Le Journal de Geneve заявляетъ, что республика слишкомъ мало занималась социальнымъ вопросомъ. Другія газеты, которыя намъ даже противно назвать, органы крупной буржуазіи, проливаютъ горькія слезы надъ судьбой хозяевъ, которымъ въ скоромъ будущемъ придется самимъ работать, и констатируютъ, что потокъ народной ненависти къ богачамъ становится все могучѣе и грознѣе.

Событія въ столицѣ Австріи, глухое недовольство на сѣверѣ Франціи, событія въ Ирландіи и Россіи, народное движеніе въ Испаніи и тысячи другихъ признаковъ, солидарность между французскими рабочими и рабочими другихъ странъ, эта неосязаемая связь, заставляющая биться въ унисонъ сердца всѣхъ рабочихъ и объединяющая ихъ въ одно неразрывное цѣлое, – грозный союзъ,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
сила которого заключается уже не в одном комитете?, – вот что подтверждают наши предсказания.

Наконец, внутреннее состояние Франции, переживающей опять такую фазу, когда все партии, стремящиеся стать у власти, готовы протянуть друг другу руку, чтобы отразить удар, усиленная деятельность дипломатов, предсказывающих приближение европейской войны, столько раз предупрежденной и потому ставшей теперь неизбежной; всеобщее возмущение народа в разоренной и побужденной стране; – все эти факты, происходящие в наше время, столь богатые событиями, доказывают, что день Революции приближается.

Буржуазия понимает это и готовится противопоставить народному потоку – силу и жестокость, так как она не знает и не хочет знать других средств. Она будет сопротивляться до последней возможности и пожертвует жизнью ста, двух сот тысяч рабочих, жизнью пятидесяти тысяч их жен и детей, чтобы поддержать свое господство. Она не остановится ни перед какими жестокостями и избиениями. Она это доказала в 1790 году на Марсовом поле, в 1831 в Лионе, в 1848 и 1871 в Париже. Чтобы спасти свой капитал и оставить за собой право предаваться праздности и порокам, эти люди пойдут на все.

Их тактика уже установлена. – Можем ли мы сказать тоже самое про нашу?

Для буржуазии система избиваний – циничная программа; она заботится только о том, чтобы были солдаты – французы, немцы или турки, – которые согласились бы привести ее в исполнение. Буржуазия стремится поддержать существующий строй, продолжить *statu quo*, хотя бы на пятнадцать лет, – и потому весь вопрос для нее сводится к простой вооруженной борьбе. Совершенно иначе обстоит дело для рабочих: они стремятся изменить существующий порядок вещей; их задача не так проста. Кровавая битва, которую нам предстоит выдержать, лишь один из этапов нашей борьбы с капиталом. Мы ничего не достигнем, если ограничимся терроризированием буржуазии и оставим положение делом неизменным. Наша цель гораздо шире, стремление глубже.

Нам предстоит положить конец эксплуатации человека, уничтожить неравенство, пороки и преступления, которые происходят от праздного существования одних наравне с экономическим, умственным и нравственным рабством других. Нам предстоит сложная задача. Но раз прошлые века завещали эту задачу нашему поколению, раз нам выпала на долю историческая необходимость работать над ее разрешением, мы возьмемся за это дело. Нам не придется искать осязательно этого разрешения. Оно нам было продиктовано историей одновременно с самой задачей. Оно провозглашается уже во всех странах Европы и является завершением экономического и умственного развития нашего века. Это решение – экспроприация и анархия.

Если социальное богатство останется в руках тех, кто им владеет сейчас, если мастерские, верфи и мануфактура не перестанут быть собственностью хозяев, если железные дороги и пути сообщения останутся в руках компаний или отдельных лиц, захвативших их, если городские дома и виллы богачей останутся собственностью их теперешних владельцев вместо того, чтобы быть предоставленными бесплатно в распоряжение всех трудящихся; если все богатства, накопленные в банках и богатых домах не перейдут немедленно в коллективную собственность, – ведь все работали над их производством, – если возмущенный народ не захватит все сытых припасов, собранных в больших городах, и не организует их раздачи всем нуждающимся; наконец, если земля останется собственностью банкиров и ростовщиков, которыми она теперь принадлежит фактически, если крупные поместья не будут отобраны у помещиков и отданы тем, кто хочет сам обрабатывать землю, если утвердятся классы правителей, который будет управлять подданными – возмущение не будет Революцией и все придется начинать сначала. Рабочий, сбросив с себя на мгновение тяжелое иго, должен будет снова подставить свою шею под то же иго, опять переносить бич хозяина, наглое высокомерие начальников, пороки и преступления праздных классов, – не говоря уже о бешеном терроре, о ссылках, казнях и бешеной пляске опьяненных кровью убийц над трупами рабочих.

Экспроприация – вот что должно быть лозунгом будущей революции, если она хочет исполнить свою историческую миссию. Полная экспроприация для всех тех, кто имеет хоть какую нибудь возможность эксплуатировать человека.

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Возвращение нации в общую собственность всего того, что может служить в
руках отдалённого лица орудием эксплуатации.

Жизнь в свободном труде, человек не принужденный продавать своего труда
и свободы тем, кто накапливает богатства, пользуясь трудом рабов, – вот
что должна дать будущая революция.

Десять лет тому назад эта программа (по крайней мере, её экономическая
часть) была принята всеми социалистами. Кто называл себя социалистом,
тот признавал её без всяких оговорок. Но с тех пор, рыцари
промышленности так усердно эксплуатировали социализм в своих личных
интересах, так обкарнали эту программу, что теперь одни только анархисты
признают её в её первоначальном виде.

Эту программу изувечили, набили пустыми фразами, которые каждый может
комментировать в свою пользу и приспособили не ко вкусу рабочих; – если
рабочие принимают социализм, то они обыкновенно принимают его целиком,
– а ко вкусу буржуазии, чтобы проникнуть в её ряды. Вот почему огромная
работа распространения и развития идеи экспроприации падает только на
одних анархистов. Они не должны рассчитывать ни на чью помощь.

Было бы грубой ошибкой думать, что идея экспроприации проникла в сознание
всех трудящихся и стала одним из тех убеждений, из которых честный
человек готов пожертвовать собой. Далеко нет! Миллионы людей никогда
ничего не слышали об экспроприации, а если и слышали, то только из уст
её противников. Да и среди её приверженцев, как нивелико число тех,
которые её понимают и исследовали со всех точек зрения! Мы знаем,
конечно, что идея экспроприации приобрётет наибольшее число сторонников
во время самой революции, когда все будут интересоваться общим делом,
будут читать, говорить, действовать, и когда точные и ясно высказанные
идеи будут способны захватить массы. Если бы во время революции были
только две партии: буржуазия и народ, то весь народ принял бы идею
экспроприации, как только самая незначительная группа предложила бы её. Но
кроме буржуазии, у социальной революции есть и другие враги. – Все побочные
партии, которые возникли между буржуазией и социалистами революционерами;
все, кто до мозга костей пропитан робостью мысли, этим неизбежным
следствием долгих веков поклонения и покорности власти; наконец, все
те, которые постараются спасти во время бури часть своих привилегий и
будут сами возставать против тех привилегий, которыми они готовы
пожертвовать на время, – с тем, конечно, чтобы потом снова вернуть их
себе; – все эти посредники, со свойственной им энергией, заставят народ
выпустить из рук добычу и удовлетвориться завоеванием её теми. Тысячи
людей будут сочувственно говорить народу, что лучше взять немного, чем
все потерять; эти люди заставят народ терять даром время, истощать свой
революционный пыл на тщетную борьбу с незначительными людьми и пустяками
и помешают ему решительно взяться за разрушение существующих институтов;
они захотят разыграть из себя Робеспьеров вместо того, чтобы, – как это
сделали крестьянам прошлого века, захватить социальное богатство,
утвердить на него свои права и немедленно употребить его на пользу всего
народа.

Мы должны немедленно приняться за усердную пропаганду идеи экспроприации,
чтобы отразить опасность; все наши слова и поступки должны исходить из
этой основной идеи; понятие экспроприации должно проникнуть во все
отдаленные уголки страны; оно должно обсуждаться в каждой деревне и стать
для каждого рабочего, для каждого крестьянина составной частью понятия
„Анархия“. Тогда, и только тогда, слово „экспроприация“ вырвется в день
революции из всех уст, станет грозным требованием всего народа; тогда
мы будем уверены, что кровь народа прольется не даром.

Эта идея должна руководить работой анархистов всех стран. Времени мало,
но это дает нам новые силы, новый прилив энергии; если мы не сумеем
достигнуть намеченной нами цели, усилия и жертвы народа пропадут опять
даром.

II.

Прежде чем изложить наш взгляд на экспроприацию, – мы должны ответить на
одно возражение, которое нам постоянно делают, возражение, не

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
выдерживающее никакой критики, но очень распространенное в нашем обществе? Политическая экономия, – это псевдо-наука буржуазии, – непрерывно поет хвалебные гимны частной собственности: – „Смотрите, говорит она, какие чудеса совершает крестьянин, как только он становится собственником воздвигаемой им земли; смотрите, как усердно он обрабатывает свой клочек земли, какие урожаи извлекает из самой неплодородной почвы! Смотрите какие успехи судила промышленность с тех пор, как она отчасти перешла в частные руки! Всеми этими чудесами мы обязаны существованию частной собственности!”

Но экономисты послуживших этих слов не приходят к естественному заключению: „Земля тому, кто ее обрабатывает!”, а спешат сказать: „Земля помещику, который будет ее обрабатывать с помощью батраков!” Многие поддаются этим разсуждениям и повторяют их, не задумываясь над их значением. Что касается нас „утопистов”, – именно потому, что мы „утописты”, – мы стремимся проникнуть в суть дела, проанализировать эти вопросы, и вот к какому заключению мы пришли.

Мы утверждаем, что крестьянин начинает лучше обрабатывать землю, как только она становится его собственностью. Но с кем же господа экономисты сравнивают мелкого земельного собственника? – С земледельцем коммунистом. С одной, например, из тех духоборческих общин, которые перебравшись на берега Амура, предоставляют в общее пользование свой скот и труд своей молодежи, пашут, впрягая в плуг по четыре, по пяти парь быков, строят сообща свои дома и через год становятся богатыми и благоденствуют, между тем как одинокий эмигрант, который стремился расчистить свой болотистый клочек земли, просит, как милостыни, у государства несколько фунтов муки? Или с одной из тех американских общин, описанных Nordhof, которые, предоставив своим членам помещение, одежду и пропитание, назначают каждому по сто долларов на покупку музыкальных инструментов, произведенной искусства и предметов роскоши, которых нет в магазинах коммуны?

Нет! отыскивать и разъяснять противоречивые факты, чтобы подтвердить или отвергнуть свою гипотезу, – это хорошо для Дарвина; официальная наука предпочитает их не знать. Она довольствуется тем, что сравнивает крестьянина-собственника... с рабом, половинщиком, арендатором!

Но раб, обрабатывая землю своего хозяина, знает, что из урожая, который он соберет, ему достанется лишь немного ржи и гречихи, – ровно столько, чтобы не умереть с голода, что сколько бы он ни надрывался над работой, весной ему придется примешивать лебеды в муку, как это делают до сих пор русские крестьяне, как это делали французские до 1789 года; он знает, что стоит только ему поправить немного свои дела, – и он станет мишенью преследований хозяина. И крестьянин работал как можно меньше, воздвигал землю как можно хуже. Удивительно-ли, что его внуки, зная, что им будут принадлежать плоды их труда, усерднее обрабатывают свои земли?

Положение половинщика представляет некоторые преимущества по сравнению с положением раба. Он знает, что половину урожая ему придется отдать собственнику земли, но за то другая половина будет принадлежать ему. И, не смотря на эти условия – возмутительные с нашей точки зрения, вполне естественные и справедливые, – по мнению экономистов, – он умудряется вносить усовершенствования в обработку воздвигаемой им земли, конечно, настолько, насколько это возможно только благодаря его труду.

Арендатор, если условия его аренды не слишком тяжелы и договор заключен на достаточное количество лет, если он имеет возможность откладывать кое-какие сбережения или у него есть деньги для оборота, делает еще шаг вперед по пути усовершенствования обработки земли. Наконец, крестьянин собственник, если он не влез по уши в долги при покупке своего клочка земли, если он может делать хоть какие-нибудь сбережения, обрабатывает землю лучше, чем раб, половинщик, или арендатор. Он знает, что, за исключением налогов и львиной доли кредитора, весь урожай, добытый им тяжелым трудом, будет принадлежать ему.

Но какой можно сделать вывод из этих фактов? – Да никакого, разве тот, что никто не любит работать на других, и что никогда земля не будет хорошо обрабатываться, если земледельец будет знать, что лучшая часть его урожая пойдет на прокормление какого-нибудь бездельника – сеньора, буржуа, кредитора, – или на уплату государственных налогов. Надо быть человеком

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
слишком предубежденным, чтобы найти в этих фактах хоть какой-нибудь повод для сравнения частной собственности с коллективным владением; – для этого в них нет никаких данных.

Но мы сделаем все же некоторые выводы из этих фактов.

Работа половинщика, арендатора и, главным образом, мелкого собственника, интенсивнее, чем работа раба или крепостного. Но все же, земледелие не процветает при обработке земли половинщиком, арендатором и даже мелким собственником. Полвека тому назад думали, что в мелкой земельной собственности лежит разрешение аграрного вопроса; в ту эпоху крестьянин-собственник пользовался действительно некоторым довольством, которое резко выделялось на фоне ужасной нищеты прошлого столетия. Но золотой век мелкой земельной собственности скоро прошел. Теперь крестьянин, владеющий маленьким клочком земли, едва сводит концы с концами. Он влезает в долги и становится добычей ростовщика и торговца скотом и землей. Векселя и ипотека разоряют деревню больше даже, чем тяжелые налоги, взимаемые государством и общиной. Мелкая собственность бьется в изнеможении, и если крестьянин и носит еще имя собственника, то, в сущности говоря, он является рабом банкиров и ростовщиков. Он думает раздаться когда-нибудь с долгами, но они все растут. Несколько сот человек благоденствуют, а миллионы людей гибнут в руках ростовщиков и освободятся от этого ига лишь в день революции.

Но откуда этот установившийся факт, доказанный статистическими данными, – который опровергает все теории о благой частной собственности?

В чем его объяснение? – Оно не в конкуренции Америки, – факт этот предшествовал ей; оно даже не исключительно в налогах: сократите их, – процесс будет замедлен, но не приостановлен. Объяснение этого факта в том, что земледелие в Европе послепятнадцативекового застоя, за последние пятьдесят лет замедленно усовершенствовалось; оно отчасти в непрерывно возрастающих потребностях самого земледельца, в легкости займа и разсрочке платежа, которые ему предоставляют банки, мастерские, маклера и ростовщики, чтобы его завлечь в свои сети; оно, наконец, в высоких ценах на землю, захваченную богачами, частью для своих поместий, частью для нужд промышленности и торговли.

Разберем первый из этих факторов, самый значительный с нашей точки зрения. Чтобы крестьянин мог пользоваться успехами земледелия и соперничать с теми, кто обрабатывает землю при помощи машин и увеличивает свои урожаи химическим удобрением, он должен иметь капитал, который позволил бы ему внести некоторые усовершенствования в обработку возделываемой им земли. Без основного капитала заниматься земледелием положительно невозможно. Хозяйство разстраивается, лошади стареют, корова перестает давать молоко, плуг притупляется: надо их заменить, починить. Но, кроме того, необходимо добыть некоторые усовершенствованные орудия, удобрить свою землю. Для этого нужно несколько тысяч рублей, а их никогда не достать крестьянину.

Что же он делает тогда? Не смотря на то, что он придерживается „системы единственного наследника“, которая обезлюдилась Францию, ему не удается свести концы с концами. Тогда он посылает своего сына в город, – увеличивать городской пролетариат, – закладывает свою землю, влезает в долг и становится рабом, – рабом банкира, как он прежде был рабом сеньора.

Вот какова сейчас участь мелкой собственности. Те, которые поют ей хвалебные гимны, опоздали на полвека: они обсуждают факты, происшедшие пятьдесят лет тому назад; они не знают современной действительности.

Слова: „Земледелие невозможно без основного капитала“, – содержат в себе целую систему, над которой не мешало бы призадуматься „национализаторам земли“.

Пусть завтра приверженцы Генри Джорджа отберут у английских лордов их поместья, раздадут эти земли тем, кто их будет сам обрабатывать, уменьшат арендную плату или даже вовсе уничтожат ее; – наступит сравнительное благосостояние на двадцать, тридцать лет; а потом придется

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
начинать все снова.

Земля требует постоянного ухода. Можно неимоверно увеличить урожаи, если очистить землю от камней, осушить ее, распахать, удобрить, исправить дороги. Надо много работать, чтобы удовлетворить непрерывно возрастающим потребностям все увеличивающегося населения.

Это требует значительных расходов и огромного труда, который не может быть произведен одной семьей, – вот почему земледелие не идет вперед. Для получения усиленных урожаев приходится тратить, иногда на осушение одного гектара земли, от четырех до пяти тысяч рабочих дней (двадцать тысяч франков). Это вполне доступно капиталисту, но совершенно не под силу мелкому собственнику при тех жалких сбережениях, которые ему удается сдлать, лишая себя самого необходимого. Земля просит человека принести ей свой животельный труд и обещает осыпать его дождем золотистых колосов – а человек не идет. Он сидит в промышленных казармах и вырабатывает чудные ткани для индийских раджей, африканских рабовладельцев, для жен банкиров; он всю жизнь тклет одежды для египтян, для туркестанских татар, и радь, когда приходится ходить со сложенными руками вокруг молчаливых фабрик, – а земля, которая может дать пропитание и даже довольство миллионам людей, остается невозделанной. Мясо до сих пор во Франции – предмет роскоши для двадцати миллионов населения.

Земля, кроме тех, кто ее обрабатывает изо дня в день, в известные периоды требует работы миллионов рук, чтобы удобрить поля, расчистить их от камней, создать при помощи естественных сил природы плодородную почву и убрать во время в амбары обильные жатвы. Она просит город прислать ей рабочих руки, машины, моторы, а моторы, машины и руки остаются в городе, одни предаваясь праздности, другие – работая для удовлетворения тщеславия богачей.

Частная собственность далеко не является источником богатства для страны; наоборот, она служит тормозом для развития земледелия. В то время, как ученые открывают новые пути к усовершенствованию земледелия, обработка земли находится в застои почти во всей Европе, – благодаря частной собственности.

Следует ли из этого, что Социальная Революция должна уничтожить все границы мелкой собственности, разрушить сады и огороды и перепахать всю землю усовершенствованными орудиями, чтобы дать всем людям проблематичную блага крупного хозяйства, как об этом мечтают реформаторы, приверженцы власти?

Мы, конечно, против того. Мы не тронем земли крестьянина, который возделывает ее сам, с помощью своих детей, не прибегая к наемному труду. Но мы экспроприруем все земли, которые не обрабатываются руками тех, кому он сейчас принадлежит. Когда Социальная Революция будет совершившимся фактом, когда городские рабочие будут работать не на хозяина, а для удовлетворения нужд всего человечества, толпы рабочих, веселые и довольные, устремятся в деревню обрабатывать экспропрированные поля, и в несколько дней места, поросшие вереском, превратятся в плодородные долины, приносящие богатства всей стране, доставляющие всем – „бери, останется еще” – обильные и разнообразные урожаи, которые земля, свет и теплота будут давать, давать – без конца. Неужели вы думаете, что мелкий собственник не поймет тогда преимущества общинного хозяйства, что он не захочет стать членом нашей обширной семьи?

Теперь, во время сбора урожая, город посылает в деревню тысячи рабочих рук, лондонские оборванцы, hop-pickers, толпами идут помогать кентским земледельцам; такая помощь должна оказываться деревне не столько во время сбора урожая, сколько во время обработки земли. Земледелие, как промышленность преимущественно периодическая, требует временами прилива рабочих сил и потому, когда обработка земли станет общинной, она будет связующим звеном между деревней и городом: она сольет их в одну общую садь, возделываемый одной общей семьей.

Будущее принадлежит не частной собственности, не крестьянину, прикованному к своему жалкому клочку земли, который едва может его прокормить: оно в общинной обработке земли. Только тогда мы будем извлекать из земли все, что она может нам дать.

Обратимся къ промышленности, можетъ быть тогда мы увидимъ, въ чемъ благо частной собственности?

Не будемъ распространяться надъ бѣдствіями, которыя частная собственность и капиталъ приносятъ промышленности. Соціалисты прекрасно изучили это. Нищета рабочаго, необезпеченность завтрашняго дня, голодь, кризисы, безработица, эксплуатация женщинъ и дѣтей, вырожденіе челоѵчества, зловредная роскошь праздныхъ классовъ и сведеніе рабочаго на положеніе вьючнаго скота, лишеннаго возможности пріобщиться къ знанію, искусству и наукѣ, – все это слишкомъ хорошо извѣстно, и мы не будемъ здѣсь говорить объ этомъ. Войны внѣшнія, за экспортъ и преобладаніе на рынкахъ, войны внутреннія, колоссальныя арміи, ужасающіе бюджеты, истребленія цѣлыхъ поколѣній, развратъ праздныхъ классовъ, ложное направленіе науки, искусства, этическихъ принциповъ, правительства, ставшія необходимыми для борьбы съ народными возстаніями, – законъ съ его преступленіями, палачами и судьями; угнетеніе, покорность, рабство, порождающіе развратъ, – вотъ плоды частной собственности и ея неизбѣжнаго слѣдствія, власти, сосредоточенной въ рукахъ нѣсколькихъ избранныхъ.

Но можетъ быть, несмотря на эти пороки, на эти бѣдствія, частная собственность оказываетъ намъ какія либо услуги, которыя уравниваютъ все зло, приносимое ею? Можетъ быть, правы наши правители, когда они говорятъ, что при челоѵческой глупости, нѣтъ другого средства поддерживать общество? Можетъ быть, ей мы обязаны промышленнымъ и научнымъ прогрессомъ нашего вѣка? „Ученые” утверждаютъ это. Но посмотримъ, на чемъ основаны ихъ утвержденія, каковы ихъ аргументы?

Ихъ аргументы? – Вотъ единственный, высказанный ими: „Смотрите, говорятъ они, какіе успѣхи сдѣлала промышленность за послѣдніе сто лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она освободилась отъ оковъ правительства и корпораціи! Смотрите на эти желѣзныя дороги, телеграфы, машины, замѣняющія каждая работу ста, двухсотъ челоѵкъ, вырабатывающія все, отъ маховаго колеса вѣсомъ въ нѣсколько сотъ тоннъ, до тончайшихъ кружевъ! Всѣмъ этимъ мы обязаны частной собственности и жадѣ наживы отдѣльныхъ лицъ”.

Конечно, успѣхи промышленности за послѣдніе сто лѣтъ громадны, и потому теперь явилась необходимость въ соотвѣтствующемъ измѣненіи распредѣленія продуктовъ. Но произошли ли эти успѣхи благодаря интересу къ дѣлу и энергіи богачей? Не было ли другихъ, болѣе важныхъ факторовъ, которые могли не только привести къ тѣмъ же результатамъ, но и уничтожить зловредное вліяніе алчности промышленниковъ?

Факторы эти намъ извѣстны: во-первыхъ, паровой моторъ, – удобный, подвижный, всегда готовый работать, революціонировавшій промышленность, затѣмъ, созданіе химической промышленности, уровень которой, по словамъ технологовъ, служитъ мѣриломъ промышленнаго развитія націи. Этого родъ промышленности – продуктъ нашего столѣтія; вспомните, чѣмъ была химія въ прошломъ вѣкѣ! Наконецъ, потокъ новыхъ идей, который возникъ въ концѣ XVIII вѣка, освободилъ челоѵка отъ метафизическихъ оковъ, далъ ему возможность сдѣлать всѣ физическія и механическія открытія, столь сильно измѣнившія промышленность. Кто посмѣетъ сказать послѣ всего этого, что уничтоженіе мастерства и сословія цеховыхъ присяжныхъ оказали большее вліяніе на промышленность, чѣмъ великія открытія нашего столѣтія? Кто станетъ утверждать, что какой бы то ни былъ видъ коллективнаго производства, при наличности этихъ открытій, не привелъ бы къ болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ частная собственность.

Біографіи великихъ людей доказываютъ намъ, что ихъ открытія не вызывались жадной наживой. Большая часть ученыхъ умирала въ бѣдности. Мы знаемъ прекрасно, что капиталъ и частная собственность всегда служили тормозомъ для пракческаго примѣненія новыхъ открытій.

Утверждать, что частная собственность имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущества передъ коллективнымъ владѣніемъ можно было бы только въ томъ случаѣ, если было бы доказано, что коллективное владѣніе препятствуетъ успѣхамъ промышленности. Но доказать этого нельзя, хоть бы потому, что никто не видѣлъ ни одной коммунистической группы, которая обладала бы достаточнымъ капиталомъ для веденія крупной промышленности и препятствовала

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
бы прим?ненію новыхъ открытій. Наоборотъ, какъ бы несовершенны ни были эти ассоціаціи, коопераціи и т. п., ихъ нельзя упрекнуть въ томъ, что он? были глухи къ прогрессу промышленности.

Мы можемъ указать на многіе недостатки различныхъ учрежденій, носящихъ коллективный характеръ. Но – удивительное д?ло – главный упрекъ, который мы можемъ имъ сд?лать, заключается въ томъ, что они не были достаточно коллективными. Крупнымъ акціонернымъ компаніямъ, прокладывающимъ путь черезъ горные хребты, мы ставимъ въ вину, что он? создали новый видъ анонимнаго патроната и ус?яли чело?ческими костями каждый метръ своихъ каналовъ и тоннелей; рабочія корпораціи мы упрекаемъ въ томъ, что он? создали привилегированную аристократію, которая эксплуатируетъ своихъ братьевъ. Но ни т?, ни другія не могутъ быть обвинены въ инертности и враждебномъ отношеніи къ усп?хамъ промышленности. Единственный выводъ, который мы можемъ сд?лать изъ д?ятельности существовавшихъ до сихъ поръ коллективныхъ предпріятій, состоитъ въ томъ, что, ч?мъ меньше эгоизмъ и личный интересъ противопоставляются интересу коллективному, т?мъ лучше для д?ла.

Этотъ б?глый анализъ доказываетъ намъ, какъ поверхностны вс? доводы въ пользу частной собственности. Но оставимъ этотъ вопросъ въ сторон?. Постараемся лучше опред?лить, какимъ путемъ произойдетъ переходъ соціального богатства въ руки народа, ясно высказать современныя стремленія чело?чества и показать, какія формы приметъ экспропріація во время будущей революціи.

III.

Вопросъ объ экспропріаціи является сейчасъ однимъ изъ самыхъ важныхъ, и потому мы приглашаемъ нашихъ товарищей заняться его изученіемъ и обсудить его со вс?хъ точекъ зр?нія. Отъ того, какъ, будетъ проведена экспропріація, зависитъ усп?хъ или временная неудача революціи.

Въ самомъ д?л?, каждый изъ насъ знаетъ, что всякая попытка революціи будетъ заран?е осуждена, если она не удовлетворяетъ интересамъ большинства. Чело?къ не можетъ жить одними идеалами, возвышенными мыслями, красивыми фразами; ему прежде всего нуженъ хл?бъ. Если на другой день революціи, народныя массы будутъ им?ть къ своимъ услугамъ одни пустыя слова, если он? не будутъ ув?рены, что положеніе изм?нится въ ихъ пользу, если борьба приведетъ только къ перем?н? лицъ и формулъ – ничего изъ всего этого не выйдетъ. Только однимъ разочарованіемъ будетъ больше! И намъ снова придется приняться за неблагодарную Сизифову работу.

Революція будетъ не пустымъ звукомъ, реакція не сможетъ вернуть насъ на другой же день къ прошлому, только въ томъ случа?, если народъ захочетъ стать на защиту завоеванныхъ правъ, если онъ будетъ ув?ренъ, что вс? голодные и угнетенные станутъ сытыми и свободными. Вспомните наивныхъ республиканцевъ 1848 года, которые в?рили временному правительству и дали ему три м?сяца на изданіе общанныхъ законовъ, – три м?сяца народной нищеты. Народъ согласился ждать и голодать, а когда время прошло, правительство вм?сто всего общаннаго отв?тило ему массовыми высылками и ружейными залпами. Несчастные, они думали, что за три тяжелыхъ м?сяца ожиданія правительство усп?етъ издать спасительные законы, которые превратятъ угнетенныхъ въ свободныхъ людей и обезпечатъ имъ работу и хл?бъ. Ч?мъ просить правительство, – не в?рн?е ли было бы взять? ч?мъ выставятъ на показъ свою нищету, не лучше ли было бы положить ей конецъ? Самоотверженность – благородное чувство, но бросить на произволъ судьбы вс?хъ несчастныхъ, идущихъ за нами, не самоотверженность, а изм?на. Пусть борцы погибаютъ, но смерть ихъ должна быть плодотворна! Пусть см?лые люди жертвуютъ собой, но ихъ жертвы должны приносить пользу народу!

Только полная экспропріація можетъ удовлетворить вс?хъ страдающихъ и угнетенныхъ. Она должна перейти изъ теоріи въ практику. Но чтобъ уничтожить частную собственность и вернуть все общественное достояніе народу, экспропріація должна быть произведена въ широкихъ разм?рахъ, – иначе ее примутъ за грабежъ, а не за начало соціальной реорганизаціи. Мы бы выказали полное незнаніе историческихъ законовъ, если бы вообразили, что ц?лая страна можетъ сразу стать полемъ д?ятельности для нашихъ опытовъ. Франція,

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
Европа, весь мир – не могут в одно мгновение стать анархистами, по мановению волшебного жезла; но безумие правителей, их высокомерие, войны, банкротство, с одной стороны, и непрерывная пропаганда с другой, нарушат равновесие и вызовут взрывы. Наступит революция, и нам надо будет действовать. Сколько раз уже революционеры были застигнуты врасплох; события протекали, а они не могли употребить их себе на пользу.

Когда наступят дни возмания, – а от нас зависит их приближение, когда цулы области, когда большие города с их пригородами освободятся от правителей, мы, следуя начертанной нами программой, приступим к делу: орудия производства перейдут целиком в собственность коммуны, общественное достояние, захваченное частными лицами, будет возвращено своему законному владельцу народу, – тогда каждый будет получать свою долю, мануфактура и производство будут свободно вырабатывать все необходимое, и общественная жизнь потечет с новой энергией по новому руслу. Мы должны захватить сады и поля, дающие нам съестные припасы; амбары и магазины, в которых хранятся все продукты труда; мастерские и заводы, доставляющие нам материю, металлы, предметы первой необходимости и предметы роскоши; средства защиты, железные дороги и другие пути сообщения, позволяющие нам обмениваться продуктами с соседними свободными коммунами; мы должны организовать для самозащиты, – иначе мы обречены на вторую гибель, подобно рыбе, которая без воды задохнется в море воздуха, окружающем ее.

Вспомним грандиозную стачку железнодорожных машинистов, вспыхнувшую несколько лет тому назад в Америке. Почти все общество признавало справедливость их требований; всем надоела наглость железнодорожных компаний, и публика торжествовала, что служащие раздлаются с ними как следует. Но когда пути сообщения и локомотивы перешли в руки рабочих, когда железнодорожное сообщение было прервано, цуны на съестные припасы и другие товары удвоились, общественное мнение моментально перевернуло фронт. „Мы предпочитаем гнет железнодорожных компаний, обворовывающих нас, самоуправству этих мерзавцев-стачечников, благодаря которым мы, пожалуй, скоро умрем с голода!“ Мы должны помнить это! Инстинкты справедливости толпы, должны быть удовлетворены так же, как и все ее требования и нужды.

Недостаточно признавать этот принцип в теории, надо проводить его в жизни.

Нам часто говорят: „Попробуйте коснуться клочка земли крестьянина, домишка рабочего, и вы увидите, что они вас встретят с поднятыми кулаками и с вилами в руках!“ Прекрасно! Но ведь мы уже говорили, что мы не коснемся ни клочка земли крестьянина, ни домишка рабочего; мы не тронем наших лучших друзей, которые, сами того не сознавая, скоро станут нашими союзниками. Экспроприация будет, конечно, произведена в их пользу. Мы знаем, что существует средний уровень дохода, ниже которого умирают с голода, выше которого пользуются некоторым излишком. В каждом городе, в каждой стране, этот средний уровень различен; народный инстинкт не ошибается; без статистических таблиц, без толстых томов с точными данными, народ сумеет захватить все принадлежащее ему. В нашем обществе незначительное меньшинство завладело лучшей частью народного достояния, построило себе дворцы, внесло в банки на свое имя деньги, билеты, всевозможные ценные бумаги, эти плоды труда всего общества. Все это мы должны забрать в свои руки, и тогда мы сразу освободим несчастного крестьянина, умирающего с голода на своем заложенном клочке земли, мелкого торговца, живущего в вечном страхе при мысли о всевозможных стеснениях и неизбежном разорении, и весь голодный, угнетенный народ. В день экспроприации народ должен понять, что от него самого зависит, останется ли свободным или снова впасть в нищету и вечную тревогу. Неужели он с прежней наивностью опять выберет временное правительство из краснобаев и ловкачей? Не будет ли он тогда раскаиваться, что заманил старых правителей новыми? Пусть народ сам возьмется за свои дела, если он хочет добиться чего-нибудь; пусть он их поручит своим делегатам, если ему нравится быть обманутым!

Одного разсудочного понимания мало. Народ сознает, конечно, что в его интересах жить без постоянной тревоги о завтрашнем дне, не подчиняясь правителям; – но этого недостаточно: необходимо, чтобы изменился взгляд

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
на собственности и соответствующие ей принципы нравственности. Надо понять, что все продукты, сбережения и орудия производства являются плодом солидарного труда всего народа и принадлежать одному собственнику – всему человечеству. Надо понять, что частная собственность есть сознательное или бессознательное воровство, присвоение общественного достояния, и с радостью отдать все в общее пользование в день экспроприации. Во время прошлых революций, когда надо было замкнуть короля старшей линии королем младшей, или в „лучшей из республик” поставить одних адвокатов вместо других, – частная собственность оставалась неприкосновенной и социальный режим не подвергался никаким изменениям. И потому объявления: „Смерть вора!””, которые вывешивали у входа во дворцы, вполне гармонировали с господствующей моралью; и если какой-нибудь бзднякъ ршался украсть червонец или кусок хлеба, его разстреливали в назидание народу.

Достойный представитель национальной гвардии, воплощавший в себя всю гнусность и торжественность законов, изданных хищниками для защиты своей собственности, с гордостью указывал на труп, распростертый на ступенях дворца, а товарищи приветствовали его, как защитника права и закона. Объявления 1830 и 1848 года не появятся больше на стенах оставшихся городов. Там, где все принадлежит всем, – нет воровства. „Берите все, но не расточайте даром, так как все принадлежит вам и пригодится вам”. Но разрушайте немедленно все, что должно быть уничтожено: бастилии, тюрьмы, укрепления в городах, зараженные кварталы, где вы столько времени дышали отравленным воздухом. Переселитесь во дворцы и отели, предайте огню все полусгнившие развалины, которые служили вам убежищем. Инстинкт разрушения, столь же естественный и справедливый, как и инстинкт обновления, найдет себе широкое поле деятельности. Сколько старья придется уничтожить! Сколько нового создать! Да и не все ли придется передлатать дома, города, орудия земледелия, орудия производства... – да и само общество должно переродиться!

Каждое крупное историческое явление вызывает соответствующее изменение в области морали. Нравственные принципы людей равных не совпадают с принципами богача-благотворителя и признательного бздняка. Новому человечеству нужна новая вера, – а новое человечество уже зародилось! Не даром наши противники с ужасом повторяют: „Боги уходят! Короли уходят! Престиж власти падает!” Кто же замкнет богов, королей и священников, как не свободная, верующая в свои силы личность освободившегося человека! Наивная вера уходит. Дорогу наук! Произволь и благотворительность исчезают. – Дорогу справедливости!

Примечания

1

Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., 1999. С. 219.

2

Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские (Земледелие, промышленность и ремесла). М., 1908. С. 27, 36.

3

Introduction a l'histoire du XIX siecle.

4

La raison d'Etat.

5

Эти строки были написаны по поводу доклада Эммы Броун о детском труде в мануфактурах Массачузета. Ей пришлось посетить большую часть мануфактур государства и констатировать, что нигде не исполнялись законы, нормирующие

Речи бунтовщика. Пётр Алексеевич Кропоткин filosoff.org
трудъ дѣтей. На каждой фабрикѣ она видѣла массу дѣтей, несчастныхъ,
истощенныхъ созданій, съ задатками всевозможныхъ болѣзней: малокровія,
физическаго уродства, чахотки и т. п. Почти половину (сорокъ четыре на сто)
рабочихъ въ Массачузетѣ составляютъ дѣти моложе пятнадцати лѣтъ. Да и
понятно. Работая по двѣнадцати часовъ въ сутки, они получаютъ лишь 24%
платы взрослыхъ рабочихъ.

Мы знаемъ, что, несмотря на такъ называемые охранительные законы для дѣтей,
все фабрики и заводы, вплоть до каменноугольныхъ копей Европы, кишатъ
дѣтьми, которыя работаютъ по двѣнадцати часовъ въ сутки.

6

L'Esprit revolutionnaire avant la Revolution.

7

Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris par Arthur
Arnould.

8

Написано 17 марта 1881 года.

9

Lettres sur l'histoire de France, lettre XXV.

10

La liberte; le Gouvernement Representatif.

11

Introduction a l'etude de la Sociologie; Principe de Sociologie: divers
Essais.

12

Мое пониманіе великой французской революціи рѣзко отличается отъ пониманія
официальнаго. Для историковъ, преклоняющихся передъ буржуазіей, великая
драма разыгралась почти цѣликомъ въ большихъ городахъ, главнымъ образомъ,
на парламентской аренѣ. Населеніе деревень подымается, правда, на нѣсколько
мѣсяцевъ послѣ того, какъ Парижъ далъ ему первый сигналъ взятіемъ Бастиліи;
оно сжигаетъ дворцы аристократовъ, и этимъ все кончается. Были, конечно, и
послѣ того возстанія, но имъ нельзя придавать значенія, такъ какъ они
производились „разбойниками“, подкупленными контръ-революціей. Могли ли
честные республиканцы, патріоты, поддерживать безпорядокъ, когда „великіе
принципы 1789 года“ были уже провозглашены, и Революція вступила на вѣрный
путь благодаря Учредительному Собранію, Законодательному Собранію и
Конвенту! По моему, наоборотъ, возстанія крестьянъ въ деревняхъ и бѣдняковъ
въ городахъ усиливаются съ 1788 года. Они становятся болѣе многочисленными
въ деревняхъ и направляются на уничтоженіе феодальныхъ правъ съ первыхъ же
мѣсяцевъ 1789 года; продолжаютъ они непрерывно до 1793 года. Если
буржуазія поражала своей смѣлостью въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1789 года, если 4-го
августа аристократія продѣлала красивую комедію „принесенія въ жертву
своихъ правъ на алтарь отечества“, – это объясняется тѣмъ, что съ февраля
вся Франція была объята возстаніемъ: крестьянское населеніе не платило
податей и подымалось противъ сеньоровъ; городскіе бѣдняки, „la canaille des
grandes villes“, были уже готовы къ окончательному взрыву. Возстаніе въ
Парижѣ, отъ 11 до 14 іюля 1789 года, возстаніе въ Страсбургѣ и другихъ
большихъ городахъ – не простыя возмущенія, не протесты противъ паденія
Неккера: это настоящія возстанія бѣдняковъ противъ богачей, возстанія,
которыя буржуазія сумѣла воспользоваться для сверженія королевской власти.

То, что происходило в городах и деревнях в 1789 году, продолжается в течение всѣхъ четырехъ лѣтъ революціи. Безконечные бунты в деревнях, непрерывныя возстанія в городахъ.

Чтобъ убѣдиться в этомъ, стоить только обратиться къ докладу Григорія, представленному имъ въ феодальный комитетъ в февралѣ или январѣ 1790 года. Изъ него мы видимъ, что Жакерія сильно разрослась. Декретъ 18 іюня 1790 года доказываетъ намъ, что Жакерія неизбѣжно должна была продолжиться, чтобъ уничтожить выкупные платежи и добиться возвращенія коммуналь земель, захваченныхъ сеньорами. Декретъ этотъ предписывалъ сохраненіе нѣкоторыхъ „dimes tant ecclesiastiques qu' infeodees”, такъ же какъ уплату „jusqu'au rachat, des champarts, terrages, agrires et autres redevances, payables en nature”, и запрещалъ в то же время „a toutes personnes d'apporter aucun trouble aux perceptions des dimes, parts, etc., soit par des ecrits, soit par des discours, soit par des menaces, a peine d'etre punis corame perturbateurs du repos public”. Декретъ этотъ, изданный черезъ десять мѣсяцевъ послѣ знаменитой ночи 4 августа, почти черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, показываетъ намъ, что получилъ бы крестьянинъ, если бы Жакерія не продолжилась.

Вотъ почему Тэнъ, какимъ бы потокомъ грязи онъ ни обливалъ народъ, – должно быть, чтобъ отдать дань академическому стилю, – очень близокъ къ истинѣ, когда онъ упоминаетъ о пяти, шести Жакеріяхъ непрерывно слѣдующихъ одна за другой в продолженіи революціи. В сущности говоря, возстаніе крестьянъ продолжалось больше четырехъ лѣтъ, – съ 1788 до 1793 года, – до Конвента, который, признавъ факты, уже совершившіеся и обратившись къ предшествующимъ декретамъ, касающимся феодальныхъ правъ и общинныхъ земель, – постановилъ возвратитъ коммуналь земли, захваченныя сеньорами и предоставитъ ихъ крестьянамъ, какъ собственникамъ, такъ и пролетаріямъ, и уничтожилъ окончательно не только феодальныя права, но и выкупъ этихъ правъ, установленный Учредительнымъ Собраніемъ. Подобно всѣмъ Жакеріямъ, возстаніе это не было ни повсемѣстнымъ, ни непрерывнымъ. Оно то затихало, то разгоралось; потухало в одномъ мѣстѣ, чтобы возродиться в другомъ.

Не будь этого возстанія, поддерживаемаго возстаніями в городахъ, революція была бы невозможна. Не даромъ великій историкъ XVIII вѣка, Шлоссеръ, говорилъ аббату Григорію: „Какъ могъ Робеспьеръ держать всю Францію в своихъ рукахъ!” На это Григорій отвѣтилъ ему словами, ярко характеризующими положеніе того времени: – „Робеспьеръ! воскликнулъ онъ, да в каждой деревнѣ былъ свой Робеспьеръ!” Онъ долженъ былъ прибавитъ: – „Свой Марать, свой клубъ неистовыхъ!”

Только благодаря этому былъ положенъ конецъ неограниченной власти. Крестьяне возставали, преслѣдуя свои личныя цѣли; городскіе санкюлоты, стремясь ошупью найти путь къ лучшему будущему, свергали одно правительство за другимъ, препятствуя такимъ образомъ утвержденію сильной власти: буржуазія тѣмъ временемъ строила свою революцію на революціи народной; она свергла королевскую власть и захватила в свои руки управленіе страной. Тѣ, которые не хотятъ согласиться, что ихъ предшественники буржуа произвели свою революцію, опираясь на народныя массы, должны были бы обратитъ къ источникамъ исторіи, а не ограничиваться перепечатками изъ Монитера и Парламентской исторіи vichez и Roux. Они поняли бы тогда, что ихъ предки, столь корректныя в исторіи официальной, не стѣснялись разсылать по деревнямъ воспламеняющіе памфлеты „за печатью Національнаго Собранія” и набирать для своихъ манифестацій участниковъ изъ посѣтителей пригородныхъ кабачковъ. Тэнъ, также не стѣнялся оскорблять тѣхъ „якобинцевъ” (для него всѣ революціонеры были якобинцами!), которые производили выборы съ помощью дубинъ; онъ забывалъ, что только благодаря имъ, онъ теперь уже не подданный Его Величества Короля.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтенія!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтенія!